

ДЕТСТВО БОГОВ

Первоначальная, или примитивная, мифология есть тот образный, поэтический язык, который употребляли древние народы для пояснения явлений природы. Все видимое в природе принималось древними за видимый образ божества: земля, небо, солнце, звезды, горы, вулканы, реки, ручьи, деревья — все это были божества, историю которых воспевали древние поэты, а образы их изваялись скульпторами. Солнце представлялось их воображению блестящим богом, вечно борющимся против темного божества — ночи; вулкан, выбрасывающий потоки лавы на далекие расстояния, был великаном, дерзающим нападать на небо; когда же извержение прекращалось, то это означало, что Юпитер-победитель сбросил дерзновенного в преисподнюю (Тартар); буря олицетворяла гнев Нептуна, а желая объяснить землетрясение, древние народы говорили: «Нептун ударил землю своим трезубцем». Для пояснения действий и поступков этих богов слагались бесчисленные мифы. Перевороты в природе, даже повседневные происшествия порождали их. Так, например, миф о похищении Гиласа нимфами ясно показывает, как нужно понимать поэтический язык древних мифов. Рассказанное в наши дни современным языком газетным репортером, это происшествие представилось бы нам в таком виде: «Наше местечко взволновано следующим печальным происшествием: молодой Гилас, отправившись поутру купаться, утонул». Греки же сложили о нем трогательный миф, в котором говорится: «Гилас

Рис. 1. Омовение
Гермеса.
С античного
барельефа

был так прекрасен, что нимфы похитили его и увлекли за собой на дно реки».

В первоначальную эпоху появления мифов изображения богов не были, так сказать, портретами богов, а только их символами, причем голове старались придать характерные для каждого бога черты или поворот, руки держали множество атрибутов; часто благодаря слишком большому количеству этих атрибутов изображения становились страшными или комическими. С ними обращались как с людьми: мыли их, умащивали душистыми маслами и мазями, одевали и украшали драгоценностями (см. рис. 1). С течением времени искусства совершенствовались, и греки уже всегда придают своим богам человеческие формы, «потому что, — как говорит Фидий, — мы не знали ничего совершеннее человеческих форм». Статуи становятся тогда настоящими произведениями искусства, бессмертными шедеврами; масса путешественников начинает посещать храмы, движимая уже не одной только набожностью, но и желанием полюбоваться этими прекрасными изображениями. Так, например, Афродита Праксителя в Книде привлекала всех любителей искусства и поклонников чистой красоты.

Во главе этих божеств (см. рис. 2, 3 и 4) стоит Юпитер, или Зевс; его всемогущество простиралось над всем миром, все его свойства и качества олицетворяются другими

сильными богами. Но какой бы ни была сила и власть этих богов, Юпитер всегда сохраняет первое место и при случае напоминает им о своем подавляющем превосходстве: «Боги и богини, хотите ли вы сами испытать это превосходство? Попробуйте спустить с высоты небес золотую цепь, за которую ухватитесь вы все, и все же, несмотря на соединенные усилия ваши, вам не удастся заставить сойти на землю Юпитера, вашего верховного властелина. Но если я, в свою очередь, захочу, то могу легко поднять вас всех вместе с землей и морем, и если я прикреплю к вершине Олимпа цепь, на которой вы все будете висеть, то вся вселенная будет висеть передо мной в пространстве — настолько превосхожу я вас по силе и могуществу» (Гомер).

Выбор вершины Олимпа как местопребывания богов объясняется тем, что греки считали эту гору самой высокой на свете, а так как они не могли себе представить богов вечно парящими в небесной высоте, то они и избрали эту гору, вершина которой, покрытая вечными снегами и окруженная облаками, казалась им недоступной. Вера в этот миф была поколеблена математиком Ксенагором, давшим в точных и определенных цифрах размеры этой горы. По небесному своду был проложен путь (Млечный Путь), по которому боги отправлялись на Олимп для торжественных собраний. Эти божественные собрания воспевались на

Рис. 2. Жертвенник
двенадцати богов.
В Луврском музее

Юпитер Юнона Нептун Церера

Аполлон Диана Вулкан Минерва

Рис. 3. Жертвенник
двенадцати богов.
В Луврском музее

разные лады поэтами; когда же учения философов поколебали веру в богов, сатирические писатели принялись их описывать в комическом виде. Художники не раз избирали их сюжетами для своих произведений. Пракситель изваял заседание двенадцати главных богов для храма Дианы в Мегарах. Рубенс написал на эту тему прекрасную картину, находящуюся в Мадридском музее. В Лувре также находится картина, изображающая торжественное заседание на Олимпе, с аллегорическими намеками на царствование Марии Медичи. Юпитер сидит на своем троне, Юнона запрягает к шару, изображающему Францию, голубей — эмблему нежности и доброты — и поручает править ими Амуру, подле которого стоят Мир и Согласие. Аполлон своими стрелами, Минерва своим копьём и Марс стараются изгнать Расплю, Зависть, Ненависть и Обман — этих врагов общественного благополучия и благосостояния. По желанию герцога Орлеанского Куапель написал для Палатинского плафон «Собрание богов на Олимпе» и изобразил под видом нимф и богинь всех придворных красавиц, придав им соответствующие атрибуты.

В мифологии греков миф о происхождении и существовании Юпитера слагается следующим образом. В начале всех начал Уран (Небо) вступил в брак с Геей (Земля); от этого союза произошли титаны, из которых более замеча-

Марс Венера Меркурий Веста

Рис. 4. Жертвенник
двенадцати богов.
В Луврском музее

тельными были Кронос (Время, часто отождествляемое с Сатурном), Океан — отец рек, Атлас, олицетворяющий горы, и Иапет — прародитель человеческого рода. Рождаются еще и другие дети — циклопы и бури, но Уран ввергает их обратно в недра земли. Возмущенная этим Гея подговорила Кроноса во главе с прочими титанами восстать против отца. Кронос победил его, и кровь раненого, падая на землю, порождает страшных фурий. Этот миф, один из древнейших, почти не упоминается в лучший период искусства Греции; поэты говорят о нем весьма смутно, и только одно художественное произведение изображает Урана в виде старика, в широком плаще, парящего в небесах, между солнцем и луной (см. рис. 5). Кронос, или Время, изгнав отца, который ему предсказывает, что он в свою очередь будет побежден сыновьями, становится супругом Реи (также Земли). Но так как время уничтожает все, что оно производит, то греки говорят о Кроносе, что он пожирал своих детей, едва они успевали родиться.

Рис. 5. Уран (Небо).
С античной лампы

Рис. 6. Кронос
пожирает
своих детей.
По композиции
Флаксмена

Этот миф оставил мало памятников в древнем искусстве, но художники новых веков часто избирали его темой для своих произведений. Рубенс в картине «Сатурн, пожирающий своих детей», дав волю своему богатому воображению, показывает нам этого бога обладающим аппетитом, который мог бы сделать честь любому хищному зверю. Гойя изобразил этот миф с еще большей силой и жестокостью. Английский скульптор Флаксмен в своем эскизе передал очень верно этот же сюжет, хотя, конечно, в совершенно ином стиле, нежели он изображен на античных камнях (см. рис. 6). Рея, огорченная исчезновением детей своих, прибегла к хитрости, чтобы обмануть прожорливость Кроноса. Когда родился Юпитер, она его спрятала и поднесла спеленатый камень его отцу, который и не заметил обмана. На одном из античных барельефов Капитолийского музея изображен этот миф (см. рис. 7). Судя по нему, древний скульптор нисколько не смущался тем, что величина рта Кроноса совершенно не соответствует размерам того предмета, который он собирается поглотить. Павсаний упоминает о скульптурном произведении Праксителя на ту же тему.

Спасши Юпитера, Рея скрыла его на острове Крит, на горе Иде, где нимфы кормили его медом, приносимым пчелами, и молоком козы Амалфеи, которую благодарный Юпитер, став властелином вселенной, превратил в одно из небесных созвездий. Опасаясь, чтобы крики юного бога не

достигли до Кроноса и не открыли бы ему тайны, Рея заставила своих спутников куретов плясать вокруг Юпитера, заглушая его крики ударами о щиты и шлемы. Этим как бы объясняется происхождение воинственных плясок.

Древний барельеф в Капитолийском музее изображает Юпитера ребенком рядом с кормилицей — козой Амалфеей. Рея сидит подле него, а два курета пляшут перед ними, ударяя мечами о шлемы (см. рис. 8). Сюжет этот часто повторяется на древних терракотовых вазах. Художники новых веков помещали на своих картинах, изображающих этот миф, еще сатиров и фавнов, неизменных спутников нимф. На картине Йорданса Юпитер изображен толстым краснощеким ребенком; он держит в руках соску; сатир забавляет его музыкой, в то время как нимфа, обладающая роскошными формами, доит козу Амалфею. Пуссен, вдохновившись тем же сюжетом, трактует его несколько иначе; у него сатир доит козу, улыбаясь ребенку, Юпитеру, которого поит молоком нимфа, тогда как другая нимфа вынимает мед из улья; вокруг нее летают пчелы.

Вновь обманутый Реей, Кронос, выпив данный ему напиток, возвращает поглощенных им детей своих — Плутон

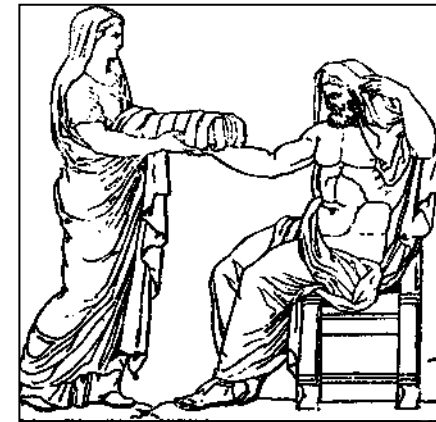

Рис. 7. Хитрость Реи.
С античного барельефа
в Капитолийском музее

Рис. 8. Юпитер
и куреты.
С античного барельефа

на, Нептуна, Юнону, Цереру и др. Юпитер, соединившись с ними, низвергает отца, после чего боги занимают вершину Олимпа, а титаны поселяются на горе Офрии. Не желая уступить богам превосходства, титаны вступают в борьбу с ними. Благодаря помощи циклопов и бурь (гекатонхейров), которых Юпитер вывел из Тартара, боги одерживают победу. Благодарные циклопы дарят Юпитеру громоносные стрелы, Нептуну — трезубец, а Плутону — шлем, надев который, он становился невидимкой. Но и бури выказали свою признательность, храбро сражаясь за своего освободителя. Это были сторукие исполины — Бриарей, Котт и Гий; каждый из них обладал пятьюдесятью головами; они олицетворяют собой страшную силу воды. Победенные титаны были низвергнуты в Тартар — место мрачное и водящее ужас даже на богов.

Греческий Кронос отождествляется с римским Сатурном, и, по словам римских сказаний, он в то же время — бог земледелия. Принужденный Юпитером отдать ему власть, он бежал в Лацию (Италию), где был принят богом войны — двуликим Янусом. Время царствования Сатурна

в Лации считается золотым веком; он научил смертных заниматься земледелием, почему часто изображается с серпом в руках. Его культ был очень распространен у римлян, в честь его был учрежден ежегодный праздник сатурналий, долженствующий напоминать золотой век его царствования. Сатурналии начинались по окончании жатв и продолжались семь дней, в продолжение которых все предавались веселью и пирам, суды закрывались, школы распускались, все работы прекращались. Но главным образом это был праздник рабов, которым в это время прислуживали за столом их господа для того, чтобы напомнить, что в царствование Сатурна не было никакого различия между сословиями. Было также в обычае даровать в эти дни свободу пленникам и перед изображениями Сатурна приносить обильные жертвы.

После поражения титанов наступили для человечества целые века спокойствия, не нарушаемые никакими особенными переворотами в природе. Эти века, по сказаниям греков, разделялись на: 1) з о л о т о й в е к, когда на земле царила вечная весна; повсюду текли млечные ручьи; сок деревьев был подобен меду; земля рождала всевозможные злаки и плоды земные; болезней и старости не существовало; люди переходили в небытие засыпая (см. рис. 9); 2) с е р е б р я н ы й в е к — вечная весна уступила место

Рис. 9. Золотой век.
По Флакмену

четырем временам года; земля уже нуждалась в обработке для того чтобы производить хлеб, необходимый для пищи человечеству; 3) в период медного века люди становятся жестокими, воюют друг с другом, но не доходят еще до преступления; 4) век железный является веком всеобщей испорченности и греховности. «Тогда, — говорит Овидий, — пришлось поделить землю, которая до того времени была общим достоянием, как воздух и свет, и обозначить границы каждого участка. Люди стали рыть в недрах земли, ища в ней сокрытых сокровищ. Лишь только были добыты железо и золото, как тотчас же родилась распря, и вскоре повсюду стало раздаваться бряцание оружия».

Тогда Юпитер решил наказать этих жестоких людей, забывших свои обеты, негостеприимных и немилостивых к просящим и бедным. Нептуну было поручено наказать их. Морской бог ударил трезубцем по земле; со всех сторон выступила вода и стала заливать ее. «Ни быстрота оленей, ни сила кабанов не спасли их от поглощающей их воды; волки вместе с овцами исчезают в волнах; львы и тигры погибают; усталые птицы напрасно ищут пристанища, чтобы отдохнуть, и падают в воду; горы разверзаются и разрушаются» (Овидий).

Но между смертными был один добрый и справедливый человек — Девкалион; боги решили пощадить его вместе с его женой Пиррой. Лодка, в которой они плавали, остановилась, когда прекратился потоп, на вершине горы Парнас. Увидя, что земля превратилась в безлюдную пустыню, Девкалион сильно опечалился и решил умолить богов. Он прежде всего обратился к оракулу в храме Фемиды (Правосудия) в Дельфах; он и Пирра едва могли пробраться в него, так как храм был весь занесен илом и тиной. Оракул ответил на его вопрос, как упросить богов, чтобы они вновь заселили землю, следующими словами: «Покройте ваши головы и лица, развяжите ваши одежды,

оставьте храм и, идя по дороге, бросайте позади себя кости вашей прародительницы». Услышав такое изречение, Пирра стала умолять богов простить ее, если она не исполнит этого приказа; она не могла решиться так поступить с останками прародительницы. Но Девкалион объяснил ей, что их общая прародительница — это Земля и что под костями Земли оракул, вероятно, подразумевал камни. Тогда они принялись исполнять приказание оракула. Камни, бросаемые Девкалионом, превращались в мужчин, а камни Пирры — в женщин, и таким образом земля была вновь населена.

Наступившие затем великие перевороты в природе греки объясняют борьбой Юпитера с великанами. Гея (Земля), желая отомстить за титанов, ее первых детей, вступила в союз с Тартаром и произвела на свет ужасное чудовище — Тифона, олицетворяющее землетрясение и вулканы. «Руки и ноги этого страшного великана находятся в вечном движении, над его плечами возвышаются сто голов страшного дракона и из каждой высовывается длинный черный язык. Глаза мечут искры, все пасти его страшных голов открыты и испускают тысячи необъяснимых звуков, которых боги не могут выносить; в этих звуках слышится мычание дикого быка, рычание свирепого льва, иногда же

Рис. 10. Юпитер поражает гигантов молниеносными стрелами. С античной камеи

они подобны лаю собак» (Гесиод). Это страшилище обитало в пещере, которую оно наполняло отравленными испарениями. В борьбе с богами Тифон бросал в небо целые воспламененные скалы и извергал потоки огня; когда же он попробовал взобраться на Олимп, то многие из богов, желая спастись от него, превратились в животных и бежали в Египет. Этим сказанием греки хотят объяснить, почему искусство в Египте изображало богов в образе зверей. Наконец громовержец Юпитер молниями испепелил все головы чудовища и победил остальных великанов.

Встречающиеся на памятниках искусства изображения этих великанов, оконечностям которых придавали форму змей, как бы намекают на исчезнувших громадных гадов, окаменелые отпечатки которых находят в наши дни при раскопках. Прекрасная по работе камея в Неаполитанском музее изображает победоносного Юпитера, давящего своей колесницей великанов, которых он поразил молниеносными стрелами (см. рис. 10). Фидий изобразил победу Юпитера на щите своей золотой Минервы. Эта же тема послужила сюжетом для многих замечательных картин новейших времен. Близ Мантуи, в Палаццо дель Те Джулио Романо написал плафон, где на одной стороне видны раздавленные великаны, на другой — Плутон, помогавший в борьбе Юпитеру, возвращается в ад. Наверху виден свод небесный, откуда Юпитер кидал свои молнии на врагов; Юнона стоит подле него, а остальные боги убегают. Плафон Паоло Веронезе, находящийся в Лувре и известный под названием «Юпитер поражает пороки молнией», изображает, надо полагать, именно победу бога над великанами. Рубенс, к таланту которого этот сюжет вполне подходил, написал огромную картину, находящуюся в Мадридском музее.

ЮПИТЕР (ЗЕВС)

Юпитер, как повелитель богов и смертных, представлял в физическом отношении ту жизненную силу, которой проникнуто все во вселенной; в моральном же отношении он представлял звено, связывающее человечество, был охранителем договоров и клятв, покровителем бедных и просящих и всех тех, кто не имел иного крова, кроме неба. «Видишь ли ты, — говорит Еврипид, — эту необъятную величественную бесконечность, окружающую землю со всех сторон: это — Зевс, верховный бог». А Варрон, приводящий в своем сочинении эти слова, прибавляет: «Вот почему ему воздвигают храмы без крыш, дабы лучше видеть небо, или самого бога, и говорят, что его следует призывать в свидетели только под открытым небом». Действительно, все храмы, посвященные Юпитеру, были без крыш, и только храмы в честь богов земли были закрытые. Так как Юпитер олицетворял собой свод небесный, то греки считали, что в закрытом месте бог не может их видеть. Аристофан в своей комедии «Птицы» осмеивает это народное поверье. Его Прометей, желая принять участие в заговоре против Юпитера, придумывает следующую хитрость, дабы бог не мог его видеть. «Молчи, — говорит он, — не произноси здесь моего имени; я погиб, если Юпитер увидит меня здесь; но если ты хочешь, чтобы я тебе рассказал о том, что происходит на Олимпе, возьми этот зонтик и держи его раскрытым над моей головой; тогда боги не увидят меня».

Рис. 11. Юпитер
Капитолийский.
Античный бюст

Искусству было трудно передать в человеческих формах олицетворение Юпитером свода небесного. Сохранилась, однако, одна древняя камея, изображающая Юпитера сидящим на троне, поставленном на парусе, надутым ветром; парус держит над своей головой Нептун, бог воды, намекая тем, что Юпитер парит над поверхностью вод. Свод небесный, который должен олицетворять Юпитер, представлен здесь зодиакальными знаками, расположенными вокруг фигур богов. В искусстве Юпитер почти всегда изображается в виде сильного и прекрасного мужчины в цвете лет с бородой; отличительными символами его являются орел, скипетр и громовые стрелы (перуны). Длинные волосы его разделены на лбу, верхняя часть туловища обнажена, грудь широкая, но не атлетического сложения (см. рис. 11). Юпитер носил разные наименования, которые соответствовали различным свойствам его божества, а потому и изображается с разными атрибутами. Древние народы не могли себе представить в природе более страшной силы, чем гром. Громоносные стрелы (перуны), которые Юпитер держит в руке, являются символом могущества и неотразимой силы этого бога; все, кто вступал с ним в борьбу, был ли то бог или простой смертный, — все поражались этими стрелами. Культ Юпитера Громовержца был весьма распространен в Греции. Римляне воздвигли в честь его храм в Капитолии, следы которого сохранились и до наших дней. Очень часто Юпитер держит на руке богиню победы Нику в знак того, что он покровительствует состязающимся и дарует победу; он тогда носит название Юпитера Победоносца, или Никефорийского (см. рис. 12).

О богине Нике нет отдельного мифа, но на памятниках искусства она часто изображается, в особенности на монетах. Ее обыкновенно изображают крылатой и держащей в руках лавровый венок или ветку. Современные художники почти не изменили этого типа: на памятниках Победу продолжают изображать и теперь в виде молодой крылатой девушки с лавровым венком в руках.

По мнению греков, орел летает выше всех птиц и может парить высоко над всеми в пространстве, а потому более всего подходит Юпитеру. Он изображается почти всегда у ног бога или на его скипетре. Иногда он держит в своих могучих когтях громовые стрелы. Орел исполняет многие поручения богов — так, например, он приносит Юпитеру-ребенку нектар (божественный напиток), которым поят его нимфы на острове Крите. Он, по повелению Юпитера, похищает Ганимеда, который затем на Олимпе исполняет обязанность виночерпия богов. Этот прекрасный юноша был сыном царя Троя; Юпитер, восхищенный его красотой, приказал орлу похитить его, находя, что земля — недостойное местопребывание для Ганимеда. Античная статуя изображает Ганимеда в виде красивого юноши с фригийской шапкой на голове, с пастушьим посохом в руке. Он пас стада своего отца, когда орел, схватив его в свои могучие когти, унес на Олимп. Узнав о похищении сына, отец его предался отчаянию, но Юпитер утешил его, показав ему сына, причисленного к сонму богов; он поместил его также в число зодиакальных созвездий под знаком Водолея. Сохранилась прекрасная античная статуя, повторение статуи знаменитого Леохара, изобра-

Рис. 12. Юпитер
Олимпийский.
С античной
камеи музея
во Флоренции

Рис. 13.
Похищение
Ганимеда.
С античной
статуи из музея
Пио-Клементино

жающая похищение Ганимеда орлом (см. рис. 13). Этот миф пользовался большой популярностью среди художников; сохранилось много камей, статуй и живописных изображений. Рубенс и Корреджо писали картины на эту тему, но ни одна не пользуется такой славой, как картина Рембрандта (в Дрезденской галерее). Великий голландский художник изобразил толстого плачущего ребенка; орел держит его за рубашонку. Несмотря на свой испуг, ребенок не выпускает виноградную кисть, которую Рембрандт вложил ему в руку, намекая этим на его будущую должность (см. рис. 14). Но надо полагать, что, обладая Ганимед такими

грубо-реальными формами, вряд ли бы Юпитер, бог греков и римлян, нашел, что земля не достойна его.

Юпитер считается покровителем гостеприимства; он часто путешествует по земле, желая убедиться, насколько люди гостеприимны. Придя однажды во Фригию вместе с Меркурием, который отвязал свои крылья, чтобы не быть узнанным, Юпитер напрасно стучался во многие дома, прося приюта, — всюду им отказывали; наконец они подошли к маленькой хижине, покрытой соломой, хозяева которой, Филемон и Бавкида, радушно принимают их. Несмотря на бедность и лишения, муж и жена, уже старики, сумели сохранить в себе сострадание и другие добродетели. Впустив в хижину гостей, они принялись готовить скудную трапезу, боясь, что гости не найдут ее обильной; они решили пожертвовать своим единственным гусем, но птица, преследуемая по всей хижине Бавкидой, нашла себе убежище у ног Юпитера, не позволившего зарезать ее. Каково же было удивление хозяев, когда они заметили, что

кушанье на столе и вино в кубке, вместо того чтобы убывать, увеличивались. Испуганные, обратились они к своим гостям, прося открыть им, кто они такие, и извиняясь за свой жалкий обед. Юпитер сказал им, кто он и его спутник, и приказал им следовать за собой на вершину одной горы, позволив им высказать какое-нибудь желание, обещая его исполнить. Нежно любя друг друга, они оба пожелали умереть одновременно. Придя на гору, Филемон и Бавкида увидели, что вся местность и все дома, окружавшие их хижину, покрыты водой, а хижина их превратилась в величественный храм. Юпитер назначил их хранителями этого храма. Там прожили они до глубокой старости, не зная болезни и дряхлости. Однажды, сидя друг перед другом на ступенях храма, они заметили, как тела их начинают превращаться в древесные стволы; поняв, что наступает их последний час, они нежно простились и умолкли навеки. Два прекрасных дерева остались по бокам храма охранять вход в него.

Рис. 14. Похищение
Ганимеда.
С картины Рембрандта
в Дрезденской галерее

В честь Юпитера Олимпийского были учреждены празднества в Олимпии в Элиде, известные под названием Олимпийских игр. Это были общественные игры, в которых принимали участие греки всех племен и всех земель. В самом храме находилась знаменитая статуя Фидия, вся из золота и слоновой кости. Она изображала Юпитера в сидячем положении, но была таких размеров, что касалась потолка; бог держит в одной руке Нику, а в другой — украшенный драгоценными металлами скипетр с орлом на верхушке. Остров Крит считался местом рождения Юпитера, одно из названий которого — Юпитер Критский. На этот же остров привез Юпитер похищенную им Европу. Она была дочерью тирского царя и славилась своей необычайной красотой. Юпитер, увидав ее, так прельстился ею, что решил похитить ее. Он превращается в белого быка и присоединяется к стадам тирского царя; Европа вместе с подругами любит красота быка, который позволяет им приблизиться к нему и гладить его. Молодые девушки украсили его рога венками; наконец, Европа, резвясь, села на него; тогда бык бросился с ней бежать к морю, переплыл его и принес свою пленницу на остров Крит, царем которого сделался впоследствии сын Европы Минос.

Миф о похищении Юпитером Европы служил излюбленной темой для художников древних времен; в особенности часто изображался он на резных камнях и камеях (см. рис. 15). Паоло Веронезе написал картину на этот сюжет и по своему обыкновению одел действующих лиц в роскошные, современные ему костюмы. В Мадридском музее находится картина Рубенса на эту же тему. Голландец Бергхейм передал по-своему этот поэтический миф: он написал огромного быка и сидящую на нем толстую крестьянку, которую вряд ли греки, поклонники красоты и красивых форм, согласились бы признать богиней.

Аркадийцы в своих сказаниях оспаривали у Крита честь родины Юпитера: они утверждали, что он родился на вер-

шине Ликеона. Царь аркадийский Ликаон воздвиг ему там храм и, по преданию, принес ему в жертву одного из своих сыновей; разгневанный бог превратил его за такую жестокость в волка. Этот миф интересен потому, что указывает на прекращение человеческих жертв, приносившихся до того времени очень часто Юпитеру.

Самый древний греческий оракул, посвященный Зевсу (Юпитеру), находился в Додоне, в Эпире. Жители Додоны рассказывали, что из Египта вылетели два черных голубя; один прилетел в Додону, сел на дуб и человеческим голосом повелел построить тут оракул в честь Юпитера, а другой голубь спустился в Ливию, и там возник в Аммоне, среди песков, оракул Юпитера Аммонского. В центре священной рощи в Додоне стояли дубы, шелест листьев которых истолковывался жрицами, но и стволы их обладали пророческим даром: когда аргонавты отправились добывать золотое руно, они вырубили мачты для своего корабля в священной роще Додоны, и мачты предсказывали им будущее.

Все сказания о Юпитере и его борьбе с титанами и великанами олицетворяли представления древних народов о том, как мало-помалу порядок, нравственные законы, сознательная и умственная жизнь одерживали верх над странностями сил природы. Титаны и великаны ввергаются в Тартар, потому что на земле уж нет места беззаконной

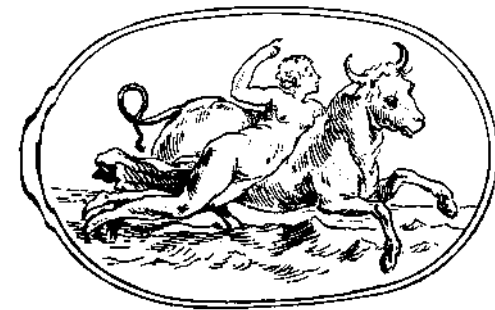
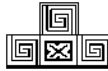

Рис. 15. Похищение Европы.
С античной камеи

и беспричинной силе. Эта победа была победой пробуждающегося ясного сознания ума и духа. Зевс, как высший бог, олицетворял идею духовной и умственной сущности человека. Он является в мифах греков и римлян не богом, созидающим вселенную, а богом-устроителем. Он — охранитель порядка, созидатель общества и общественных учреждений и законов. Культ его прекратился только с введением христианства, хотя учения философов уже и раньше сильно поколебали веру в него. Лукиан описывает в одной из своих сатир, как опустели храмы Юпитера и как скудны жертвы, приносимые ему, и спрашивает: куда же делась власть этого бога, почему он, обладатель громовых стрел, не поразит ими всех тех, кто не верит больше в его могущество и силу?

ЮНОНА (ГЕРА)

Типы и атрибуты Юноны. — Ирида. — Кукушка Юноны. — Наказание Юноны. — Ио и Аргос. — Геба и Илифия.

Г ера, или Юнона, сестра и супруга Юпитера, есть тот женский тип в мифологии, который соответствует по своим качествам и свойствам властелину неба — Юпитеру. Она прежде всего — покровительница браков, охранительница семьи и семейных постановлений, в то время как Юпитер является охранителем общественных учреждений. Греки первые ввели единобрачие (моногамию), тогда как до них всюду царило многобрачие (полигамия); поэтому Юнона, как покровительница моногамии, является у греков как бы олицетворением протеста против полигамии. В поэтических произведениях она представляется обладательницей гордого, упрямого и сварливого характера; искусство же придает ей всегда строгую и величественную красоту. Уже на самых древних изображениях является она с покрывалом; сначала это покрывало окутывало всю ее фигуру. Фидий в своем парфенонском фризе изобразил ее уже с откинутым назад покрывалом. Главные атрибуты этой богини — покрывало (см. рис. 16), диадема (рис. 17), павлин и кукушка.

Юнона всегда покрыта одеждой с ног до головы, только часть шеи и руки обнажены; она высокого роста, со спокойными и размеренными движениями; красота ее строгая и величавая; у нее роскошные волосы и большие, широко открытые глаза, почему ее называли Герой волоокой.

Рис. 16. Юнона с покрывалом.
С античной монеты

Рис. 17. Юнона в диадеме.
С античной монеты

Самым замечательным и типичным ее изображением считается колоссальная статуя Поликлета, изваянная им для храма в честь этой богини в Аргосе. Вот как описывает эту статую поэт Марциал: «Поликлет, эта Юнона — чудо твоего искусства, главное основание твоей славы, — сам Фидий позавидовал бы твоему резцу. Ее красота так величественна, что на вершине Иды Парис не колеблясь признал бы ее превосходство над всеми богинями, и они должны были бы признать себя побежденными. Поликлет, если б Юпитер не любил своей Юноны, он бы полюбил твою!» Колоссальная статуя Юноны, находящаяся теперь в Риме, считается лучшим ее изображением, сохранившимся до наших дней (см. рис. 18). Юнона олицетворяет в физическом порядке влагу или, скорее, влажность воздуха, вот почему Ирида, олицетворение радуги, считается ее прислужницей. Ирида одевает богиню и przygotowывает ей ванну; главная же ее обязанность — исполнять поручения царицы неба. Она носится по воздуху с быстротой ласточки, и дорога, по которой она пробегает, есть та дуга, которую описывает радуга. В искусстве Ирида изображается крылатой молодой девушкой; подобно Меркурию (Гермесу), у нее крылья на пятках и кадуцей (Меркуриев жезл) в руках. Лишь на нескольких очень древних памятниках сохранились ее изображения.

Изображение кукушки на верхушке скипетра Юноны объясняется следующим мифом. Гордая Юнона долго не соглашалась уступить просьбам Юпитера сделаться его супругой; тогда повелитель богов, желая ее умолиить, принял вид кукушки, вызвал сильную бурю и, дрожа от холода, весь мокрый прилетел к ногам богини, ища приюта, где бы ему укрыться. Сострадательная богиня, тронутая несчастным видом птицы, подняла ее и отогрела у себя на груди. Тогда бог принял свой обычный вид, а Юнона, на которую, вероятно, подействовало такое оригинальное объяснение в любви, стала его женой. С тех пор, как бы в воспоминание этого происшествия, кукушка является на памятниках искусства одним из отличительных признаков этой богини. Несмотря на то что Юнона — основательница и покровительница браков и брачной жизни, ее супружеская жизнь проходит почти в постоянных спорах и неладах с Юпитером, которому приходится останавливать ее и даже наказывать. В особенности в «Илиаде» Гере придан сварливый, упрямый и строптивый характер; она гордится своими высокими достоинствами и своими супружескими правами, предъявляет Зевсу такие требования, которые он не может и не хочет исполнить. Она часто противоречит повелителю богов, и так как она ничего не может достигнуть силой, то большей частью прибегает к хитрости. Однажды в сообщничестве с Нептуном (Посейдоном) решила она лишит Зевса верховной власти, и им удалось даже заключить бога в оковы; но Фетида, одна из nereид, призвала на помощь Юпитеру Бриарея, один вид которого заставил Юнону от-

Рис. 18. Юнона.
С античной
статуи в Риме

казаться от ее замысла. Разгневанный Юпитер повесил ее на золотой цепи между небом и землей, привесив к ногам тяжелую наковальню. Этот миф изобразил Корреджо на одной из своих картин, находящейся теперь в Парме.

Во время Троянской войны Юнона относилась враждебно к троянцам и покровительствовала грекам. Видя, что Гектор побеждает греков и те почти уже гибнут, она решила помочь им, но Юпитер запретил богам принимать участие в этой войне и с вершины горы Гарган зорко следил за послушанием богов. Юнона придумала тогда следующую хитрость: она попросила у Венеры ее пояс, обладающий даром придавать той, на которой он был надет, поразительную и неотразимую красоту. Надев его, она отправилась к Юпитеру, не привыкшему видеть свою строптивую супругу такой ласковой и пленительной. Он заснул, усыпленный ласками Юноны, которая воспользовалась этим, чтобы помочь грекам, и троянцы очень быстро потеряли все свои преимущества. Проснувшись, Юпитер увидел, что произошло во время его сна, понял все козни богини и пригрозил ей тем же наказанием, какому она уже раз подвергалась; но зло, причиненное ею троянцам, было уже непоправимо.

Главной причиной всех супружеских несогласий была ревность Юноны, вызываемая похождениями Юпитера и его бесчисленными браками с разными богинями, нимфами и даже простыми смертными. Ее же ревности обязан павлин тем, что считается птицей Юноны. Однажды богиня, не видя Юпитера на его обычном месте, на Олимпе, стала искать его и вскоре заметила на земле, близ реки Инах, необыкновенно темное облако. Она спустилась на землю, желая рассеять это облако и посмотреть, что там происходит. Юпитер действительно находился там, преследуя прекрасную Ио, дочь реки Инах. Он окружил себя темным облаком, чтобы скрыться от глаз ревливой Юноны; заметив, что облако рассеивается, и подозревая, что

Рис. 19. Аргос и Ио.
С античной камен

Рис. 20. Юпитер повелевает
Меркурию убить Аргоса.
С античной камен

богиня его открыла, он превратил Ио в белую корову. На вопрос Юноны он рассказал ей, что любит эту корову, которую только что произвела земля. Богиня пожелала ее иметь, и Юпитер, не имея причин отказать ей в таком, по-видимому, ничтожном подарке, должен был отдать Ио. Юнона поручила Аргосу стоглазому стеречь корову; он закрывал всегда только два глаза, а остальные следили за бедной повсюду. Древнее искусство не могло никак олицетворить этот миф, не поддающийся пластическому искусству, и на каменях Аргос представлен лишь под видом старика, пасущего корову (см. рис. 19). Юпитер, возмущенный этим постоянным надзором, захотел избавиться от него несчастную Ио; он призвал Меркурия (см. рис. 20) и приказал ему убить Аргоса. Вот как рассказывает об этом Овидий: Меркурий, исполняя приказание своего повелителя, спустился на землю, взяв с собой свой жезл (кадуцей), обладающий свойством усыплять. Он стал пасти коз, играя на флейте, неподалеку от Аргоса, которому эти звуки доставили большое удовольствие, а потому он пригласил Меркурия занять место подле него, говоря, что ему не найти лучшего пастбища и более тенистого места. Меркурий принял это предложение и продолжал играть. Замечая, что сон почти

одолевает Аргоса, он пустил в ход свой жезл, и вскоре сон закрыл все глаза бдительного стража. Тогда, взяв свой меч, он отрезал ему голову. Юнона, огорченная потерей своего верного служителя, собрала все его глаза и разместила их на крыльях и хвосте птицы, с тех пор посвященной ей, где они блестят подобно звездам (павлин).

Несколько античных камей изображают этот миф, но самая интересная — та, где изображен Меркурий, отрезающий голову Аргоса, туловище которого испещрено его многочисленными глазами; вдали убегает корова, ужаленная слепнем, а павлин сидит на дереве (см. рис. 21).

Неумолимая богиня и тут не прекратила своих преследований; она приказала одной из фурий под видом слепня беспрестанно жалить Ио, которая, тщетно пытаясь избавиться от насекомого, достигла берегов Нила, где она, изнемогая от усталости, упала. Тогда Юпитер стал просить прекратить свои преследования; богиня согласилась с тем только условием, чтобы Ио никогда больше не возвращалась в Грецию. Она осталась в Египте, где ей стали

Рис. 21. Меркурий убивает Аргоса.
С античной камей

Рис. 22. Геба ласкает орла
Юпитера

воздавать божеские почести под именем богини Исиды. Этим греки хотят объяснить, почему эмблема египетской богини Исиды — корова.

Миф о превращении нимфы Ио, а главным образом рассказы о Меркурии и Аргосе служили темой для многих произведений новейших веков. Тициан выбрал для своей картины тот момент, когда Юнона видит Ио, превращенную в корову. Рубенс повторял несколько раз свою знаменитую картину (теперь в Дрезденской галерее) «Меркурий убивает Аргоса». Веласкес передал по-своему этот рассказ: Аргос изображен у него под видом молодого испанского пастуха, уснувшего под звуки флейты, а Меркурий осторожно подкрадывается к нему, чтобы отрезать ему голову; Ио под видом коровы равнодушно смотрит на них.

У Юноны было двое сыновей — Марс (Арес) и Вулкан (Гефест) — и две дочери — Геба и Илифия. Геба — это олицетворение юности, она подает богам божественный напиток нектар, благодаря которому боги не знают ни болезней, ни старости. Она стала супругой Геркулеса (Геракла) после обоготворения этого героя. Античная камея изображает ее в виде молодой девушки, ласкающей орла Юпитера (см. рис. 22).

Скульптор Канова представил Гебу во всем блеске молодости и красоты, стройную, полную грации, с поднятой рукой, как бы готовой наполнить кубки богов. Торвальдсен придал ей более спокойные, величавые движения и формы, более согласные с представлениями о ней древних греков (см. рис. 23).

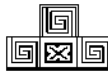

Рис. 23. Геба.
Со статуи
Торвальдсена

Рис. 24. Юнона
Люцина.
С античной
статуи

Прекрасная статуя в Ватикане, сохранившаяся до наших дней, изображает Юнону Луцину кормящей грудью Марса (см. рис. 24).

Илифия — богиня счастливых родов; она осталась девственницей и проводила все свое время, помогая женщинам в родах. Послушная дочь, она исполняет все приказания своей матери Юноны, которая часто заставляла ее служить орудием своей мести. Когда наступило время родов богини Латоны (Лето), которую Юнона преследовала, Илифия, следуя приказаниям матери, удалилась на вершину Олимпа, где провела девять дней и ночей, не допуская несчастную Латону, страшно мучившуюся все это время, до родов. Наконец, тронутая мольбами Ириды, Илифия отправилась в Делос, и Латона благополучно родила близнецов. Римляне называли Илифию Луциной и часто смешивали ее с Юноной, которая иногда носила у римлян то же имя и считалась богиней родов и охранительницей детства.

СУДЬБА, или РОК

Юпитер и Фемиды. — Горы. — Времена года. — Парки, или мойры. — Рождение Мелеагра. — Калидонский вепрь. — Горящее полено. — Фортуна. — Плутос. — Золото царя Мидаса.

Фемиды — олицетворение законного порядка и правосудия, также супруга Юпитера; ее отличительный признак, или атрибут — весы. Она никогда не восстает против Зевса, подает благие советы и объявляет постановления Зевса. На Олимпе она занимает место по правую сторону властителя богов; она никогда не вступает в пререкания с Юноной, и та не преследует ее своей ревностью. Новейшее искусство очень часто изображает Фемиду на фронтонах общественных зданий, но древнее искусство не дало ей определенного типа; не сохранилось ни одной из ее статуй и о ней не сложилось отдельного мифа, хотя, как богиня, она пользовалась большим почетом.

Парки, или мойры, и горы — ее дочери от Зевса. Феокрит называет гор самыми медлительными богинями, они чередуются одна за другой, не оспаривая и не захватывая друг у друга прав. Их первоначально смешивали с временами года, и тогда их всего было три. Изображались они следующим образом: Весна с цветком в руке, Лето с веткой, а Осень с виноградной кистью (см. рис. 25). Затем число гор увеличивается; они не только обозначают течение времени, но и должны наблюдать за точным исполне-

Весна Осень Лето

Рис. 25. Времена года. С античного барельефа на жертвеннике двенадцати богов в Луврском музее

нием закона, за справедливостью и за добрыми нравами смертных. Их изображали в виде молодых девушек, танцующих плавными и ритмичными движениями. Специальная же их обязанность состояла в том, чтобы открывать двери богу Солнца, когда он выезжал на своей колеснице. У римлян времена года почти всегда изображались на саркофагах вместе с Вакхом, которого считали их богом. Времена года являлись на этих памятниках под видом юноши с различными атрибутами: Весна, увенчанная цветами, держит козленка и рог изобилия; Лето — с венком из колосьев и со снопом в руках; у Осени на голове ветви оливкового дерева; держит она корзину, наполненную винными ягодами; Зима, увенчанная тростниками, несет гуся (см. рис. 26). В произведениях декоративного искусства новейших веков часто встречаются аллегорические фигуры времен года, но теперь их всегда изображают в виде женщин.

Парки (или майи, или мойры) древним представлялись олицетворением неизбежной судьбы каждого смертного. Власть их была очень смутно определена; иногда казалось, что эта власть подчинена богам, а иногда — напротив, что она превышает власть богов и что боги не могут ни изменить, ни отменить того, что предрешили мойры.

Зима Осень Вакх Лето Весна

Рис. 26. Четыре времени года. Барельеф на римском саркофаге

«Сегодня, — говорят боги, — мы все спустились с Олимпа, чтобы принять участие в битве, дабы помешать троянцам нанести вред Ахиллесу. А между тем над ним должна неизбежно исполниться та судьба, которую для него выткали парки в момент его появления на свет» (Гомер). Вергилий, подобно Гомеру, видит в Юпитере только исполнителя законов Судьбы, или Рока, а не законодателя и властителя судеб. Лукиан в одном из своих сочинений устами одного философа задает Юпитеру следующий вопрос: «Надо ли верить Гомеру и Гесиоду, которые говорят в своих поэмах, что никому нельзя избежать той судьбы, которую соткали парки в момент рождения каждого?» Юпитер отвечал: «Да, это совершенная правда. Парки предвидят все, и ничто не может произойти, чего бы они не предвидели. Все, что происходит, дело их веретена, и все события проистекают именно так, как они с самого начала выткали».

Греки веровали во множество сильных богов, управляющих жизнью людей, но ограничивающих друг друга, так как каждый из богов являлся самостоятельным и свободным; даже Зевс, властитель богов и людей, не имел неограниченной власти. Люди чувствовали потребность

поставить над этим миром богов еще другую власть, высшую, таинственную, простирающуюся над всеми. Такую-то власть олицетворяют таинственные и страшные мойры (или майи) или римские парки. У Гомера мойра является обыкновенно в единственном числе, но в поэме встречаются и мойры во множественном числе: они прядут нить человеческой жизни и называются пряжами. Гесиод называет уже троих: Клото — прядущая, Лахесис — определяющая (участь) и Атропос — неизбежная. Древнее искусство изображало их в виде старух или дев со строгими, мрачными лицами: Клото с веретеном, Лахесис с шаром, на котором она намечала судьбу людей, и Атропос с весами и ножницами, которыми она перерезает нить жизни, и с солнечными часами, на которых она показывает час смерти. В одной из флорентинских галерей находится знаменитое произведение Микеланджело, где парки изображены старухами (см. рис. 27). Французский скульптор Дебэ придал

Рис. 27. Три парки.
С живописи
Микеланджело в
Флорентийском музее

в своей группе паркам образы молодых, красивых девушек (см. рис. 28): Клото, увенчанная плодами, держит веретено и нить человеческой жизни, которую неумолимая Атропос с ветками мрачного кипариса на голове собирается перерезать, а Лахесис вынимает из урны шар, на котором она начертит все, что должно произойти в течение короткой жизни этого смертного.

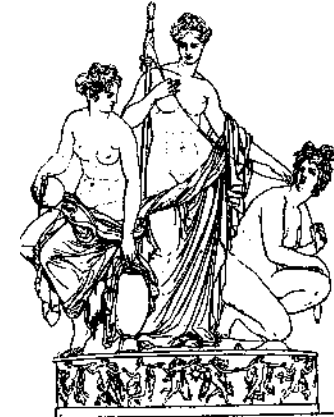

Рис. 28. Три парки.
Группа Дебэ

Если парки могут предсказывать человеческую судьбу и всемогущи в определении событий, должны совершиться, то они не всегда точно определяли срок (время) исполнения их предсказаний. У Алфеи, супруги царя калидонского Ойнея, родился сын Мелеагр; спустя семь дней после его рождения парки предсказали, что он проживет до тех пор, пока не сгорит полено, горевшее в то время в очаге; Алфея тотчас же вытащила это полено, погасила его и тщательно спрятала, Мелеагр же вырос и стал прекрасным юношей, храбрым и отважным. Однажды отец его забыл принести жертву богине Диане (Артемиде), которая в отместку послала страшного вепря опустошать всю страну. «Поля разорены, виноградники уничтожены, оливковые деревья вырваны с корнями и плодами, стада, пастухи, собаки, даже самые свирепые быки не могли противостоять его силе и бешенству. Все бежало перед ним, деревни опустели, и только города представляли верное убежище против его свирепости». Такими словами описывает Овидий ужас, наведенный на всю страну этим страшилищем. Отважный Мелеагр решил уничтожить вепря, вот отчего он всегда изображается в искусстве с головой и шкурой кабана. Но чувствуя, что одному ему не справиться, он при-

Рис. 29.
Аталанта
и Мелеагр.
С античной
мозаики в Лионе

гласил на эту охоту многих знаменитых героев, как то: Ясона, Тесея, Кастора, Поллукса и др., а также двух своих родственников, братьев матери. Среди охотников находилась Аталанта, молодая девушка необычайной красоты и храбрости. Зверь, окруженный со всех сторон, бросился прямо на охотников, повалил нескольких из них, но меткая стрела Аталанты ранила его, Мелеагр тотчас же кинулся на него и всадил в него свое копьё. Затем, отрезав его голову и сняв шкуру, он отдал эти трофеи Аталанте, первую ранившей

зверя (см. рис. 29). Но остальные охотники были недовольны тем, что трофеи достались девушке, и запротестовали, а дяди Мелеагра даже отняли их у Аталанты. Рассерженный Мелеагр бросается на них и убивает их.

Алфея, мать Мелеагра, отправилась благодарить богов за дарованную ее сыну победу, но по дороге она увидела тела своих братьев и узнала, кто их убийца. Вне себя от горя и злобы, она только думает о мести; возвратившись домой, берет спрятанное ею полено и кидает его в пылающий огонь очага. Герой Мелеагр тотчас же охвачен необъяснимыми страданиями и испускает дух в тот момент, когда полено догорает. В ужасе от собственного преступления Алфея лишает себя жизни.

Калидонская охота была изображена Скопасом на фронте храма Минервы в городе Тегее. Сохранившийся до наших дней античный барельеф представляет тот момент, когда вепрь кидается на охотников (см. рис. 30).

В мифологии греков и римлян нет особенного сказания о Фортуне, дочери Океана и Тефиды, но искусство создало для нее особенный тип и атрибуты, которые изменяются

Рис. 30. Калидонский вепрь. С античного барельефа

смотря по тому, какое значение придают Фортуне. Она держит руль в руках, когда изображают Рок, управляющий миром; когда же рог изобилия заменяет у нее руль, она является символом богатства и изобилия. Поэты придают ей крылья, чтобы показать ее непостоянство, а художники охотнее изображают ее с земным шаром или колесом (см. рис. 31).

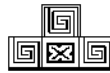
Богом богатства считался Плутос, сын Цереры (Деметры). Юпитер, боясь, что он будет слишком пристрастно распределять свои дары, поразил его еще в детстве слепотой, так что Плутос не знал, кому доставалось богатство, добрым или злым смертным. Его изображали мальчиком, держащим рог изобилия. В Фивах находилась статуя Фортуны с Плутосом на руках, в Афинах его держала богиня мира. До чего может довести непомерная любовь к золоту — показывает следующий миф: царь фригийский Мидас оказал услугу Вакху, в награду за это бог предложил ему просить, чего он только пожелает. Мидас попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, тотчас же превращалось

Рис. 31. Фортуна.
С античной
фигуры

в золото. Вакх исполнил это желание. Мидас, желая в этом убедиться, сорвал ветку, которая тотчас же превратилась в золото; вне себя от радости отправился он в свой дворец и прикоснулся к входным дверям — они заблестели и засверкали. Но вскоре радость его превратилась в отчаяние: проголодавшись, он сел за стол и поднес ко рту кусок мяса, но, увы, едва дотронулся он до него, как мясо превратилось в твердый кусок золота; он поднес кубок с вином ко рту, но в кубке оказалось жидкое расплавленное золото. Посреди роскоши и изобилия ему приходилось страдать от голода и жажды, которых он не мог ничем утолить, ибо все превращалось в золото, и это золото, предмет его страстных желаний, превратилось для него в орудие пытки. Он стал умолять Вакха отнять у него его дар; бог повелел ему выкупаться в источнике Пактол, который с тех пор катит в своих волнах золото в изобилии.

Французский художник Пуссен изобразил Мидаса, умоляющего Вакха отнять у него его пагубный дар: эта картина находится в Мюнхенской пинакотеке.

СОН и СМЕРТЬ

Ночь и ее дети. — Опрокинутый факел. — Самопожертвование Алкестиды. — Геркулес — победитель смерти. — Похоронные церемонии. — Гробницы и надгробные памятники. — Отправление теней умерших в ад.

Ночь, мать Сна и Смерти, обитает в стране, которую солнце никогда не освещает своими лучами. «Никогда в этой стране петух не возвещает о возвращении зари. Никогда собаки и гуси, охраняющие вход в дома, не нарушают своим криком тишины, царящей в этой стране» (Овидий).

Безмолвие природы увеличивается вместе с темнотой по мере ее приближения; вода в ручьях перестает журчать; ветер не шелестит больше листьями и ветками, и вскоре появляется пещера, обиталище печальной и мрачной Ночи. Древнее искусство редко ее изображало, хотя на ларце Кипсела она представлена держащей в руках своих детей — Сон и Смерть. Датский скульптор Торвальдсен изобразил ее летящей в пространстве с двумя детьми на руках; летучая мышь сопровождает ее (см. рис. 32). Самое совершенное изображение Ночи изваял, бесспорно, Микеланджело для гробницы Медичи.

Сон изображается всегда с жезлом в руке: посредством этого жезла он усыпляет. Его сыновья — обманчивые сновидения; главный из них, Морфей, представляется почти всегда на памятниках искусства в виде бородатого старца с цветком мака в руке.

Рис. 32. Ночь.
Торвальдсен

Бог Смерти, сын Ночи, обитает подле своего брата Сна, но Сон — друг смертных, он мирно ходит по среди них на земле, — а бог Смерти не знает пощады, у него жестокое ледяное сердце. Он никогда не выпускает несчастного, раз захваченного им, он ненавистен даже бессмертным богам (Гесиод). Покрытый черными одеждами, он движется среди людей, отрезывая локоны умирающих и принося его в жертву богу Ада; он пьет кровь жертв, приносимых в память умерших (Еврипид). Несмотря на страшные описания поэтов, бог Смерти является в древнем искусстве далеко не в таком страшном виде, какой ему придают в Средние века; он большей частью изображается в виде спящего юноши с опрокинутым факелом (см. рис. 33) — таким он изображен на многих саркофагах. Впрочем, на греческих памятниках искусства зачастую очень трудно отличить бога Смерти от бога Сна, и часто их изображают вместе. Прекрасная статуя в Лувре, известная под названием «Гений вечного покоя», может изображать одного или другого из братьев. Несмотря на свое могущество, бог Смерти бывал побежден, — например, разбойником Сизифом. Юпитер, желая покарать разбойника за все его злодеяния, послал к нему бога Смерти, но он ухитрился заключить бога в оковы, так что на земле перестали умирать. Боги не могли долго терпеть подобного нарушения раз уже заведенного порядка и послали на землю Марса (Арес), победившего Сизифа и ввергшего его в ад. Миф об Алкестиде указывает на то, что греки веровали в возможность отдать свою жизнь богу Смерти взамен жизни любимого человека. Адмет, царь города Фер в Фессалии, был любимцем Аполлона, упросившего мойр, чтобы они, когда наступит смертный час Адме-

та, согласились взять взамен его ту особу, которая захочет пожертвовать собой ради него. Адмет рассчитывал, что отец его принесет ему такую жертву, но ни отец, ни мать не захотели умирать, все еще любя жизнь. Алкестиде, жена его, сама вызвалась умереть за него. Адмет с радостью принял это самопожертвование, и Алкестиде, собрав вокруг себя своих детей, высказала им и мужу свою последнюю волю. Ее речь, образец супружеской и материнской любви, начинается, по Еврипиду, следующими словами: «Слушай, Адмет, полная нежной почтительности к тебе и жертвуя своей жизнью для того, чтобы ты мог наслаждаться дневным светилом, я умираю за тебя, тогда как я могла бы жить, избрать себе нового супруга среди фессалийцев и обитать во дворце, окруженная царскими почестями. Но я не захотела жить в разлуке с тобой, видеть твоих детей сиротами, я не пощадила себя во цвете моей молодости, которой я могла бы еще долго наслаждаться, а между тем твои родители не захотели этой жертвы для тебя, хотя они достаточно пожилы для того, чтобы умереть без сожаления, и это было бы так великодушно с их стороны — спасти сына, умерев за него. Ты ведь их единственное дитя, и умри ты — у них даже не останется надежды иметь когда-либо другое. И я бы тогда осталась жива, и ты не должен был бы проводить остаток твоих дней в сожалениях об умершей жене и охранять детей-сирот. Но Рок захотел, чтобы так все произошло, да исполнится его воля! Ты же, в свою очередь, принеси мне жертву, не равную моей, о нет, я бы такой никогда не попросила у тебя, потому что ничего нет драгоценнее жизни, но та жертва,

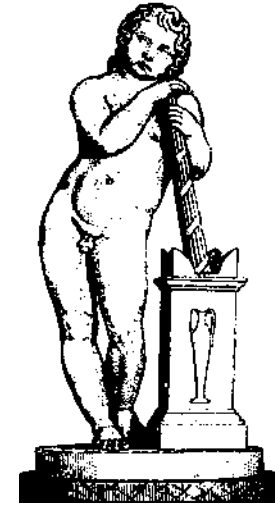

Рис. 33. Смерть.
С античной
статуи

которую я прошу, справедлива, и ты сам признаешь, что я вправе ее просить». Она просит его не давать детям мачехи, которая, по ее мнению, всегда бывает жестока, как ехидна. Затем она прощается со всеми, не забывая самых последних слуг и рабов, и испускает дух среди плача и стелания всех окружающих ее. Только после смерти Алкестиды сознал Адмет всю низость своего поступка, и грусть одиночества заставила его излиться в следующих словах: «О стены моего дворца, как войду я в него! Как после такой ужасной перемены продолжать обитать в нем! Увы, какая разница! Когда-то я входил в этот дворец при свете факелов, принесенных с вершин Пелиона (гора в Фессалии), при звуках свадебных песен, держа за руку мою возлюбленную супругу, сопровождаемый толпой друзей, громко поздравлявших ту, которой уже нет. А теперь вместо свадебных песен раздаются плач и жалобы, вместо белых пеплосов меня сопровождают мрачные траурные одежды в наш брачный покой, к моему одинокому ложу. Откуда мне взять сил вернуться опять в этот дворец? К кому обращусь я с моими вопросами и чей голос ответит мне? А что ждет меня вне стен моего дворца! Вид женщин будет внушать мне ужас, у меня не хватит мужества смотреть в лицо подругам несчастной Алкестиды. Мои враги скажут про меня: «Смотрите, вот человек, который постыдно влачит свою жизнь, у него не хватило мужества умереть, он послал свою жену на смерть, чтобы самому подло скрыться от Плутона, и он считает себя мужчиной!»» (Еврипид, «Алкестиды»). В то время как Адмет предавался своему горю, Гераклес, отправляясь совершать свои подвиги, пришел просить у него приюта. Гостеприимство считалось священным долгом, и Адмет, не желая опечаливать своего гостя, приказал скрыть от него, какое несчастье только что посетило его дом. Гераклесу приготовили обильный пир, и он, увенчавшись по обычаю цветами, принялся за него, весело распевая застольные песни, а так как он пил чистое вино без приме-

Рис. 34. Алкестиду, приведенная к Адмету Гераклесом. Сантичной живописи в Неаполитанском музее

си воды, то вскоре его веселость стала такой шумной, что слуги Адмета, несмотря на запрещение, рассказали герою, в какой траур погружен дом, так гостеприимно открывший ему двери. Пристыженный Гераклес сбросил с себя цветы и праздничную одежду и спросил, по какой дороге должно пройти погребальное шествие. Отправившись по ней, он пришел к могиле, и в ту минуту, когда бог Смерти уже хотел взять свою жертву и унести ее в свое мрачное жилище, Гераклес вступил с ним в бой и отбил у него Алкестиду, которую привел к Адмету. Живопись, сохранившаяся на стене одного из домов в Геркулануме, изображает Гераклеса возвращающим Алкестиду ее мужу (см. рис. 34). На многих памятниках искусства представлен этот миф; из новейших известна прекрасная картина Жана Реньо (см. рис. 35), но художник впал в большую ошибку, которую бы никогда не сделал художник древних веков: он изобразил Алкестиду обнаженной, тогда как тела умерших у греков одевались в белую одежду (род савана).

Лишь только в доме умирал кто-нибудь, тотчас же там раздавались крики и рыдания, и все присутствующие, подняв руки вверх, ударяли одну о другую. В трагедии Еврипида «Алкестиды» хор поет: «Слышит ли кто-нибудь там, внутри, стоны и рыдания? Раздаются ли удары рук, которые должны означать, что все кончено?» А дальше хор прибавляет: «Я не вижу сосуда с водой очищающей, кото-

Рис. 35. Альцеста,
отнятая Гераклом
у Смерти. С картины
Жана-Баттиста
Реньо

рый должен по обычаю стоять у дверей, где царит смерть; не видно отрезанных волос в знак траура и не слышно шума от ударов рук». Сосуд, о котором здесь идет речь, обыкновенно глиняный, разрисованный, должен был быть наполнен водой, непременно взятой из другого дома: она служила для омовения рук посетителей, и этим как бы очищались все прикоснувшиеся к труп. Найдены в гробницах и на гробницах фрески изображают похоронные процессии и церемонии, в которых обязательно участвуют наемные плакальщицы или флейтистки. На этих же фресках изображены разные сосуды и домашняя утварь, которые дарят покойнику друзья; воспроизведены также и пиры в честь умерших (см. рис. 36). Часто даже учреждались в память умерших общественные игры — например, Немейские игры в честь Архемора. Сохранилась ваза, на которой изображены эти игры и умерший Архемор. Древние народы не находили неприятным вид гробниц и надгробных памятников, — напротив, их помещали на вид-

ных местах, и они служили украшением городов. В Греции так же, как и в Италии, находят развалины этих могил и памятников на самых торных дорогах. Скульптурные произведения или живописные, украшавшие эти памятники, большей частью изображали те представления, которые были у народа, о другой жизни; часто встречаемые на них вакхические маски должны были напоминать, что вся человеческая жизнь — это роль, которую каждый должен исполнять во время своего земного существования. Трагическая маска, помещенная рядом с комической, указывала на то, что вся жизнь человека есть смесь горя и радости. Изображение битв говорило о той борьбе, которую должен был выдерживать покойный, борясь с добром и злом, и добрые и злые духи принимали в ней участие (см. рис. 37). Иногда же причина смерти изображалась намеками — так, например, Аполлон и Диана, поражающие стрелами детей Ниобы, должны были представлять внезапную смерть; похищение Прозерпины (Персефоны) означало, что мо-

Рис. 36. Похоронная процессия и приношения умершему.
С античной живописи, близ Корнето

лодая девушка слишком рано сделалась жертвой смерти, а похищение Ганимеда объясняло раннюю смерть юноши. Сохранились многие надписи на гробницах; одна из них гласит следующее: «Пепел прелестной Тинос покоится в этой могиле. Жестокие парки перерезали нити ее жизни, прежде чем Гименей зажег для нее свой факел. Все ее подруги мужественно отрезали в знак печали свои прекрасные волосы». Иногда надгробная надпись является как бы советом для живых: «Чужестранец, сиракузец Ортон советует тебе не позволять зимней ночи захватывать тебя пьяным на дороге: это было причиной моей смерти, и вот почему я, вместо того чтобы покоиться в родной земле, похоронен здесь, в стране чужой». Шутливая надпись иногда содержит в себе сожаление о том, что умерший вообще жил: «Мое имя — Дионисий из Тарса, и я покоюсь здесь, про-

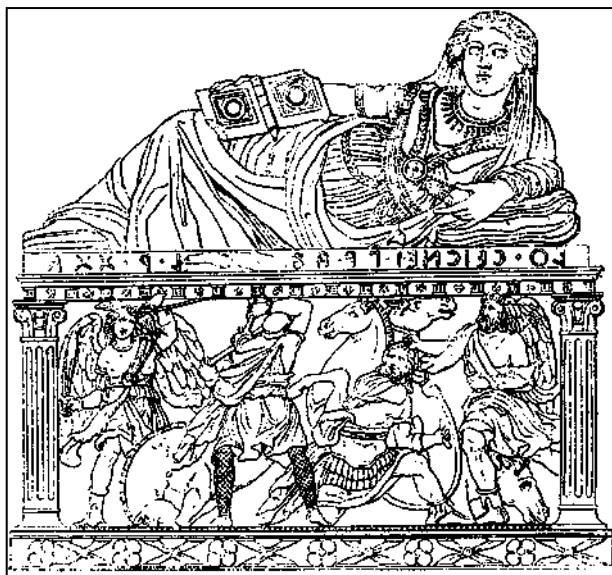

Рис. 37. Этрурская гробница

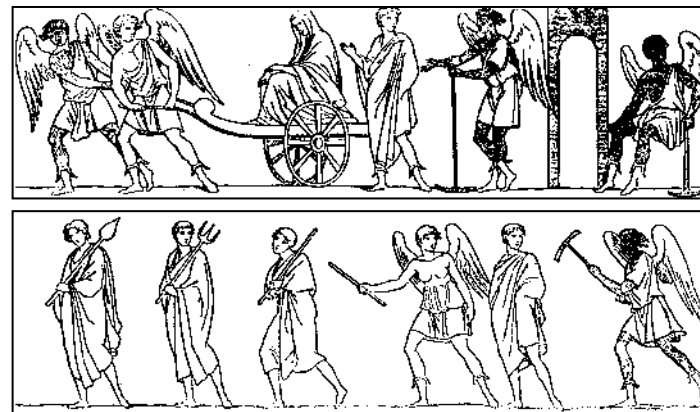
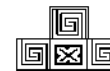
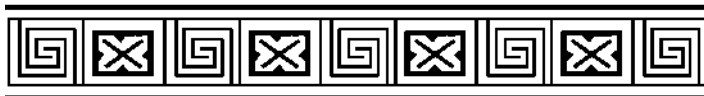

Рис. 38. Переселение теней умерших в царство Плутона.
С античной живописи на гробнице Тарквиния

жив шестьдесят лет. Я никогда не был женат и был бы благодарен богам, если б отец мой поступил точно так же».

На одной из гробниц изображена сцена отправления теней умерших в царство Плутона (Аид). В верхней части композиции на колеснице, везомой двумя крылатыми гениями, из которых один белый, другой черный, сидит закутанный в белое покрывало умерший; позади колесницы идет бескрылый белый гений; в нижней части композиции идут тени умерших, неся в руках инструменты своих профессий; их сопровождают также белые и черные гении (см. рис. 38). Ни один из мифов не объясняет присутствия этих гениев; существует только предположение, что белые гении распределяли награды, а черные — наказания. Вера в то, что умерший, отправляясь в страну теней, мог доставлять раньше ушедшим туда известия о живых, была сильно распространена среди древних; верили даже в то, что умершие могли при случае исполнять различные поручения.

АД (ТАРТАР)

Реки Стикс и Ахеронт. — Перевозчик Харон. — Плутон и Прозерпина. — Минос, Эак и Радаманф. — Тройственная Геката. — Немесида. — Ад, изображенный художником Полигнотом. — Иксион, Сизиф и Тантал. — Бочка Данаид. — Елисейские поля.

По поверью древних народов, на земном шаре были такие страны, где царила вечная ночь и солнце никогда не восходило над ними; и в такой стране поместили они вход в Ад — подземное царство Плутона. Ад орошали две реки: Ахеронт и Стикс. Именем этой последней реки клялись боги, произнося клятвы, и эти клятвы считались ненарушаемыми и страшными. Стикс катил свои черные волны среди безмолвной долины и девять раз огибал Ад. Ахеронт, грязная и мутная река, охранялась перевозчиком Хароном. Его описывают в таком виде: в грязной одежде, с нечесаной длинной белой бородой, он одним веслом управляет своей лодкой, в которой перевозит тени умерших, тела которых на земле уже погребены; лишенных же погребения он безжалостно отталкивает, и тени эти осуждены вечно странствовать, не находя покоя (Вергилий). Древнее искусство так редко изображало Харона, что тип его стал известен только благодаря поэтам. Но в Средние века мрачный перевозчик фигурирует на некоторых памятниках искусства; Микеланджело поместил его в своем знаменитом произведении «День Страшного суда», изобразив его перевозящим грешников. За провоз надо

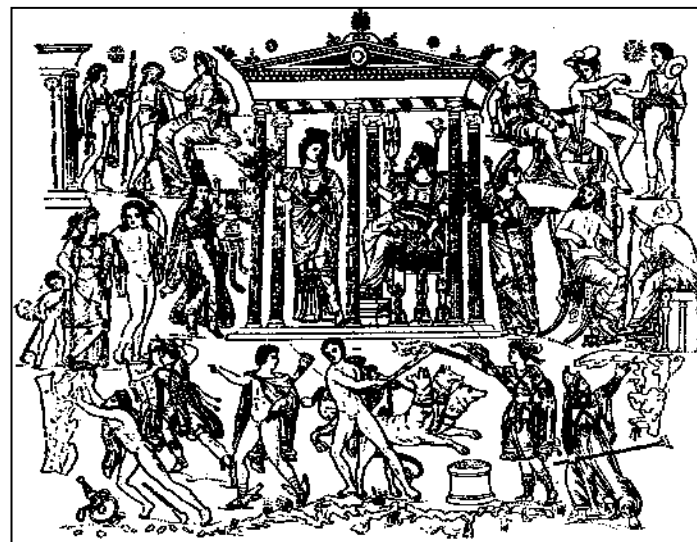

Рис. 39. Царство Плутона. С античной вазы

было платить, и верование это так укоренилось, что мертвым клали в рот обол для расплаты с Хароном. Лукиан насмешливо замечает: «Людам не приходило в голову, в ходу ли эта монета в подземном царстве, а также они не соображали того, что лучше было бы не давать этой монеты умершим, потому что тогда их бы не захотел перевозить Харон, и они могли бы вновь вернуться к живущим». Как только тени умерших были перевезены через Ахеронт, на другом берегу встречал их Цербер, или адский пес, обладающий тремя головами, лай которого так устрашал умерших, что отнимал у них даже всякую мысль о возможности возврата туда, откуда они прибыли. Затем тени должны были предстать перед Плутоном (Аидом), царем Ада, и Прозерпиной, его супругой. Но Плутон не судил мертвых, это исполняли подземные судьи: Минос, Эак и Радаманф. По словам Платона, Эак судил европейцев, Радаманф — азиатов (его всег-

Рис. 40.
Тройственная
Геката

да изображали в азиатском костюме), а Минос должен был, по повелению Зевса, судить и решать сомнительные случаи. Прекрасно сохранившаяся живопись на одной античной вазе изображает царство Плутона (см. рис. 39): посреди находится дворец Плутона, властелин преисподней сидит на троне, держа в руке скипетр; подле него стоит Прозерпина с зажженным факелом в руке, наверху, по обе стороны дворца, изображены праведники, ниже: направо — Минос, Эак и Радаманф, налево — Орфей играет на лире, внизу же находятся грешники, среди которых можно узнать Тантала по его фригийской одежде и Сизифа по скале, которую он катит.

Прозерпине не было дано активной роли в Аду. Адская богиня Геката призывала мстительных фурий (Эвменид), которые схватывали и овладевали грешниками. Геката была покровительницей волшебства и заклинаний; ее изображали в виде трех соединенных вместе женщин: этим как бы поясняется, что власть ее распространялась на небо, землю и ад (см. рис. 40). Первоначально Геката не была богиней Ада, но она подарила Европе румяна и тем как бы вызвала восхищение и любовь Юпитера. Ревнивая Юнона стала ее преследовать. Геката должна была укрыться от нее под погребальной одеждой и тем сделалась нечистой. Юпитер приказал очиститься ее в водах Ахеронта, и с тех пор она стала богиней подземного царства. Немесида, богиня мести, исполняла в Аду почти такую же роль, как Геката, она изображалась с согнутой у локтя рукой, чем намекалось на локоть — меру длины в древние века: «Я, Немесида, держу локоть. Зачем, спросишь ты? Потому что я напоминаю

всем, что не надо превышать меры» (см. рис. 41). Павсаний описывает картину художника Полигнота, изображающую царство Ада: «Прежде всего, вы видите реку Ахеронт; берега ее покрыты тростниками; в воде видны рыбы, но это скорее тени рыб, нежели живые рыбы. На реке лодка, в лодке гребет перевозчик. Нельзя хорошенько различить, кого перевозит Харон. Но не遠далеке от лодки Полигнот изобразил ту пытку, которой подвергается жестокий сын, осмелившийся поднять руку на отца: она состоит в том, что собственный отец его вечно душит. Подле этого грешника стоит нечестивец, осмелившийся грабить храмы богов; какая-то женщина смешивает яды, которые должен он вечно пить, испытывая при этом страшные мучения.

В те времена люди чтили и боялись богов; поэтому художник поместил в Аду нечестивца, как одного из страшнейших грешников». Почти не сохранилось в искусстве изображения языческого Ада, и только из описаний поэтов знаем мы о некоторых грешниках и о пытках, которым они подвергались за свои преступления, — например, Иксион, Сизиф, Тантал и дочери Даная — Данаиды. Иксион оскорбил Юнону, за что был привязан змеями к колесу, которое вечно вертелось. Разбойник Сизиф должен был вкатывать огромную скалу на вершину горы, но лишь только скала дотрагивалась до этой вершины, как невидимая сила сбрасывала ее в долину, и несчастный грешник, обливаясь потом, должен был вновь начинать свою трудную, бесполезную работу. Тантал, царь лидийский, вздумал испытать всеведение богов. Он пригласил их на пир, зарезал своего родного сына Пелопа, приготовил из него кушанье, ду-

Рис. 41. Немесида.
С античной
статуи в музее
Пио-Клементино

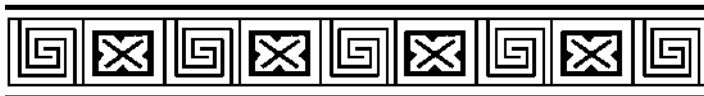

Рис. 42. Данаиды. С картины Мозесса

мая, что те не узнают, какое ужасное блюдо стоит перед ними. Но только одна Церера (Деметра), удрученная горем вследствие исчезновения дочери Прозерпины, съела нечаянно кусок плеча. Юпитер приказал Меркурию собрать куски, соединить их вновь и оживить ребенка, а недостающее плечо сделать из слоновой кости. Тантал за его каннибальский пир был приговорен стоять по горло в воде, но лишь только он, мучимый жаждой, хотел напиться — вода уходила от него; над головой его висели ветки с прекрасными плодами, но стоило ему, голодному, протянуть к ним руку, как они поднимались до небес. Одна из самых интересных пыток, которую придумало богатое воображение греков, та, которой были подвергнуты дочери Даная. Два брата, потомки несчастной Ио, Египет и Данай, имели: первый — пятьдесят сыновей, а второй — пятьдесят дочерей. Недовольный и возмущившийся народ, подстрекаемый сыновьями Египта, заставил Даная удалиться в Аргос, где он научил народ рыть колодцы, за что был избран ца-

рем. Вскоре в Аргос пришли сыновья его брата; они стали добиваться примирения с дядей и пожелали взять его дочерей себе в жены. Данай, видя в этом возможность сразу отомстить своим врагам, согласился, но уговорил своих дочерей убить в брачную ночь мужей. Все, кроме одной, Гипермнестры, исполнили приказание отца, принесли ему отрубленные головы мужей и похоронили их в Лерне. За это преступление Данаиды были приговорены в Аду вечно наливать воду в бочку, не имеющую дна. Полагают, что миф этот как бы намекает на то, что Данаиды олицетворяют реки и источники той страны, высыхающие там каждое лето. Античный барельеф, сохранившийся до наших дней, изображает пытку, которой подвергаются Данаиды (см. рис. 42). Противоположностью страшному Аду являются Елисейские поля, местопребывание безгрешных. Там, по описанию Вергилия, леса вечно зеленые, поля покрыты роскошными жатвами, воздух чист и прозрачен. Одни тени на мягкой зеленой траве упражняют свою ловкость и силу в борьбе и играх; другие, ритмично ударяя палками о землю, скандируют стихи. Орфей, играя на лире, извлекает из нее гармоничные звуки. Тени также лежат под сенью лавровых деревьев и прислушиваются к веселому журчанию прозрачных источников. Там, в этих блаженных местах, находятся тени раненых воинов, сражавшихся за отечество, жрецов, сохранивших всю жизнь целомудрие, поэтов, которых Аполлон вдохновлял, всех, кто посредством искусства облагораживал людей, и тех, благодеяния которых оставили память о себе, и все они увенчаны белоснежной повязкой безгрешных.

СОВЕСТЬ

Фурии (эвмениды, эринии). — Род Пелопидов. — Преступление Атрея. — Клитемestra и Агамемнон. — Электра и Орест. — Орест и фурии. — Решение Минервы (Афины Паллады). — Орест и Ифигения.

Фурии, или эринии (что означает гневные или негодующие), олицетворяли собой угрызения совести, кару мщения и являлись исполнительницами проклятия. Их рождение приписывают первому совершившемуся преступлению: когда Кронос ранил своего отца Урана, капли его крови, падая, породили фурий; поэтому они старше Юпитера и других олимпийских богов, которых они называют «юными богами» и «выскачками». Всюду, где совершаются преступления, нарушающие священный закон о человеческой жизни, в особенности же там, где проливается детьми кровь родителей, где хозяин нарушает священный долг гостеприимства, повсюду, где раздаются жалобы и проклятия обиженных, появляются эти не знающие пощады богини. Их страшный гимн, наводящий ужас и помрачающий умы, раздается, — и горе тогда преступнику! Куда бы он ни бежал, что бы ни делал, дабы от них укрыться, ничто не спасет его от них. Они преследуют его повсюду, окружают его, нашептывая ему на ухо все подробности его преступления, доводят до сумасшествия, а часто и до самоубийства, не оставляют его в покое ни на земле, ни в аду. Эти обитательницы мрака покидают свои жилища при первом запахе пролитой крови для того, чтобы, подобно

кроважатым ищейкам, броситься по следам преступника. Их не могут остановить ни мольбы, ни особенные обстоятельства, вызвавшие преступление; их преследование является как бы непреложным и неумолимым законом природы. Для древних народов фурии являются представительницами страшного закона о возмездии, гласящего: за пролитую кровь должен заплатить своей кровью проливший ее, за каждое преступление следует наказание. Вид этих богинь, страшных и ненавистных не только людям, но и богам, был отвратителен, и они никогда не принимали участия в веселых пирах олимпийских богов. Эсхил, который первый их вывел на сцену, представлял их, подобно гарпиям и горгонам, в виде безобразных старых женщин: у них вместо волос змеи, глаза их налиты кровью, зубы оскалены, одежда на них черная, длинная, опоясанная кроваво-красным поясом. Впоследствии их стали изображать в виде крылатых дев-охотниц с факелами и змеями в руках. Живописец Никий изобразил этих богинь в своей знаменитой картине «Царство теней». Их изображения встречаются довольно часто на разрисованных сосудах и урнах. В Лувре находится античный барельеф, где они представлены держащими скипетры, на верхушке которых находится цветок граната; их левые руки, пустые, с открытыми ладонями, намекают на то, что они — исполнительницы закона (см. рис. 43).

Рис. 43.
Эвмениды.
Античный
барельеф
на жертвеннике
двенадцати богов
в Луврском музее

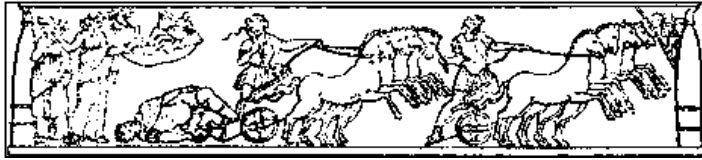

Рис. 44. Колесница Эномая. С античного барельефа

У древних народов понятия о милосердии и всепрощении развились очень поздно, так как они считали эти понятия несовместимыми с идеей о всемогуществе закона и о справедливости. Но мало-помалу явилась мысль о том, не может ли вина или преступление быть искупленным и очищенным исполнением известных религиозных обрядов. Перед фуриями, требующими выдачи им преступника во имя неумолимого правосудия, предстают боги Олимпа, желающие иногда даровать преступнику прощение во имя милосердия. Как определить точно ту границу, когда пра-

восудие должно уступить место милосердию? Миф о роде Пелопидов является как бы объяснением этой задачи. В героический век убийство могло быть отмщено только убийством же, и тот, кто оставлял безнаказанным подобное преступление, становился как бы сам преступником. Пелоп, сын Тантала, возвращенный к жизни Меркурием по повелению богов, должен был вследствие землетрясения покинуть свою страну; он пришел к царю Элиды Эномаю, который согласился дать ему приют. Пелоп вскоре пленился его дочерью Гипподамией и стал добиваться ее руки.

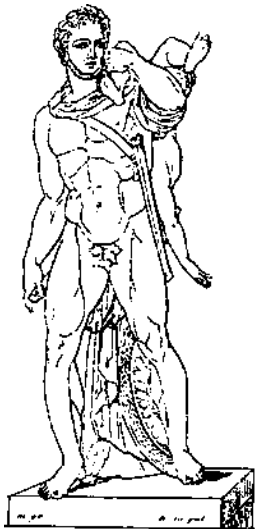

Рис. 45. Атрей. С античной группы в Неаполитанском музее

Оракул предсказал в момент рождения дочери Эномаю, что он погибнет от руки зятя; поэтому он заставлял каждого сватающегося за Гипподамией выходить с ним на состязание. Желавший сделаться его зятем должен был обогнать на колеснице его быстроногих коней; побежденного пронизывал царь своим копьем, и тринадцать юношей пали уже жертвами любви к Гипподамией. Пелоп, как любимец богов, обратился, по словам Пиндара, к Посейдону (Нептуну) с просьбой помочь ему. Водяной бог подарил ему быстрых коней, легко одержавших победу над конями Эномая, который с горя убивает себя. Но другой миф рассказывает, что Пелоп победил благодаря обману: он подговорил возницу царя не укреплять колеса колесницы, вследствие чего Эномай и погиб (см. рис. 44). Пелоп обещал за эту услугу Миртилу половину царства, полученного им вместе с рукой Гипподамией, но затем не только не сдержал своего обещания, а бросил его в море, где Миртил погиб, прокляв весь род Пелопа и призвав на его голову мщение фурий. Смерть Эномая не была еще отмщена, и Гипподамия решила мстить за нее. У Пелопа было от нее два сына, Атрей и Фиест, и еще сын Хрисипп от нимфы. Этот по-

Рис. 46. Возвращение Агамемнона на родину. По Флакмену

следний был любимцем отца, за что братья ненавидели его; Гипподамия уговорила своих сыновей убить Хрисиппа, что они и исполнили. Пелоп изгнал их за такое преступление, и они должны были искать убежища в Микенах у царя, дочь которого, Аэропа, стала женой Атрея и принесла ему таким образом царство. Фиест, завидуя брату, обольстил его жену, за что был прогнан из Микен, но это сравнительно легкое наказание не могло удовлетворить мстительного Атрея; он ищет примирения с братом и заманивает его опять в свое царство, убивает его двух сыновей (см. рис. 45) и подает их во время пира ничего не подозревающему отцу в виде кушанья. В ужасе от такого злодеяния бог солнца не хочет продолжать свой обычный путь, поворачивает назад свою колесницу и закрывает лицо свое, чтобы не видеть подобного пира. Фиест, придя в исступление от горя, бежит, подобно дикому зверю, в пустыню, а боги посылают на Микены чуму. Спрошенный напуганными жителями оракул отвечает, что чума будет опустошать страну, пока не вернется Фиест. Атрей отправляется его искать, но находит только его сына Эгисфа, которого берет к себе и воспитывает как своего родного сына. Агамемнон и Менелай, сыновья Атрея, находят Фиеста, приводят его в Микены, где Атрей приказывает его заключить в темницу и с чисто адской жестокостью поручает Эгисфу убить Фиеста, не говоря ему, что это его отец. Но отец и сын узнают друг друга, и Эгисф пускается на хитрость: он

Рис. 47.
Клитемestra
по убийству
Агамемнона.
По композиции
Флаксмана

Рис. 48. Эгисф
и Клитеместра.
С картины Герена
в Луврском музее

говорит Атрею, что совершил убийство. Царь ликует и идет на берег моря приносить жертву богам; там на него нападают Эгисф и Фиест и убивают его, а Менелай и Агамемнон спасаются в Спарту к царю Тиндарею, где и женятся на его дочерях — Елене и Клитеместре. Агамемнон с помощью тестя возвращается в Микены (см. рис. 46), изгоняет Фиеста и Эгисфа и поселяется там с Клитеместрой. Менелай же наследует трон царя Тиндарея. Благодаря мудрому управлению Агамемнон расширяет свои владения блестящими победами и заслуживает титул царя царей. Когда началась война против Париса, похитившего Елену, жену его брата Менелая, он был избран предводителем всех войск и привел в гавань Авлиды сто своих кораблей. Но Диана (Артемида), разгневанная на Агамемнона за то, что он убил посвященную ей лань, приказала ветрам перестать дуть, и корабли не могли выйти из гавани. Прорицатель Калхонт объявил ему, что, пока он не принесет в жертву Диане своей дочери Ифигении, богиня не прекратит своей мести. Тогда Агамемнон под предлогом выдачи дочери за-

муж за Ахиллеса берет ее от Клитеместры, но в тот момент, когда жертва должна быть совершена, Диана заменяет Ифигению ланью, а ее уносит в Тавриду, где она становится главной жрицей в храме этой богини. Агамемнон отправился на войну; этим воспользовался Эгисф: он является к Клитеместре, рассказывает ей о том, как обманул ее Агамемнон относительно дочери, говорит ей о невозможности возвращения ее мужа, согласившегося принять участие в такой страшной войне, обольщает ее и поселяется во дворце. Проходит несколько лет, и вдруг Эгисф и Клитеместра видят зажженные огни, возвещающие возвращение Агамемнона. Клитеместра делает вид, что радуется такому известию, и отправляет навстречу мужу посланного, поручив ему приветствовать героя следующими словами: «Иди скажи Агамемнону — пусть поспешит он на призыв своего народа; на пороге своего дома он найдет свою жену такую, какой он ее оставил — верной, подобно сторожевой собаке, охраняющей семейный очаг, преданной ее господину и враждебной его врагам. Может ли быть для женщины более счастливый день, чем тот, в который она после окончания войны отворяет дверь своего дома мужу, сохраненному богами!» (Эсхил). Когда Агамемнон появляется, она приказывает разостлать под его ноги пурпур и одежды. Она приветствует Кассандру, дочь Приама, пленницу Агамем-

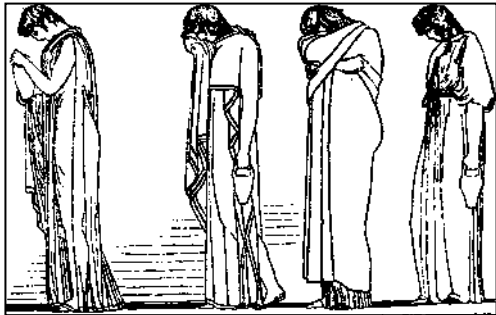

Рис. 49. Электра
во главе хора
молодых девушек
несет дары
на гробницу
Агамемнона.
По Флаксмену

нона, и говорит ей: «Покорись добровольно своей участи и сойди с колесницы. Для тебя, жизнь которой подверглась таким превратностям, должно считаться счастьем, что ты попала к господину, издавна обладающему богатствами. Выскочки же, получив неожиданно богатую жатву, бывают обыкновенно дерзки и жестоки с рабами. Здесь ты попала в дом, в котором никто ни в чем не терпит нужды» (Эсхил). Но Кассандра не слушает ее: она — пророчица и видит заранее все, что произойдет. Она говорит, что слышит эриний, запевающих их страшную песнь, видит Оргию, сидящую у этого очага, слышит запах крови и преступления; она знает, что ей суждено пасть от ножа убийцы, но она также знает, что боги не оставят безнаказанно это преступление; она предсказывает, что сын будет убийцей матери, мстя за смерть отца. Начинается пир, все ликуют во дворце, но вскоре раздаются крики ужаса и страдания: это Клитеместра, вооруженная топором, убивает мужа и Кассандру (см. рис. 47). На знаменитой картине Герена в Лувре изображено, как Эгисф уговаривает Клитеместру совершить убийство и вкладывает ей кинжал в руку (см. рис. 48). У Агамемнона была дочь Электра (Лаодика), которая присутствовала при убийстве отца, но она даже не

Рис. 50. Орест
умоляет Минерву

Рис. 51. Орест
и фурии.
С античной вазы
в Неаполитанском
музее

может с честью похоронить его и приходит только тайно оплакивать его на его одинокую заброшенную могилу (см. рис. 49). Опасаясь, что ее малолетнего брата Ореста может постигнуть участь отца, она тайно отсылает его в Фокиду к царю Строфию, его дяде по отцу; там он растет вместе с сыном царя Пиладом. Дельфийский оракул приказывает юноше Оресту отправиться в Микены отомстить за смерть отца. Верный своему другу, Пилад не захотел его покинуть, и они отправились вместе, повинаясь оракулу. Придя в Микены, Орест отыскивает могилу отца и приносит в память его жертву — локон своих волос. По этой жертве узнает брата Электра, ибо кто другой, как не сын, решил бы принести такую жертву памяти убитого, имя которого запрещалось даже произносить! Брат и сестра сговариваются о том, как отомстить за отца. Орест вместе с Пиладом проникают во дворец под видом странников, желающих

сообщить известие о смерти Ореста. В то время как Клитемestra не может даже скрыть своей преступной радости, что смерть избавила ее от сына, в котором она предчувствовала мстителя, Орест убивает ее, а Пи-

Рис. 52. Орест перед статуей
Минервы. С античной вазы

лад — Эгисфа. Таким образом людское мщение совершилось, но боги не могут потерпеть столь страшного преступления, как убийство матери. Страшные фурии бросаются на Ореста, окружают его; он бежит, спасаясь от них, но они настигают его и мучают, помрачают его рассудок и доводят до бешенства. Он спасается в храме Аполлона в Дельфах и умоляет бога очистить его от преступления: ведь оракул повелел ему совершить это преступление, и он просит спасти его от фурий. На рисунке 50 изображен Орест на коленях перед Минервой, которая стоит в шлеме и с копьем в руке; сбоку виден Аполлон, защищающий Ореста от двух фурий, у которых в руках змеи. В Неаполитанском музее находится античная ваза с изображением Ореста, которому фурии показывают зеркало с отражением в нем головы Клитемстры (см. рис. 51). Но эринии не соглашаются выпустить свою добычу; они упрекают Аполлона в том, что он покровительствует матереубийце, называют бога выскочкой, узурпатором Олимпа, жалуются, что он осмеливается нарушать вековую власть Судьбы (Рока). Аполлон не может покинуть несчастного, прибегнувшего к его милосердию; он посылает его к Минерве (Афина Паллада). Орест, держа в руках оливковую ветвь, приходит в храм богини умолять ее (см. рис. 52). Фурии продолжают преследовать его и там. Орест рассказывает богине, что Аполлон уже очистил его, но что страшные эринии не признают этого новшества и протестуют против него (см. рис. 53); тогда сама Минерва — богиня мудрости — по-

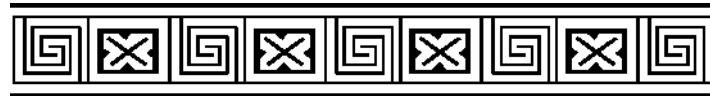
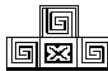

Рис. 53. Фурии
(эринии) перед
Минервой
и Аполлоном.
По композиции
Флаксмана

Рис. 54. Ифигения
узнает Ореста
и Пилада

ставлена в недоумение, как ей примирить правосудие с милосердием. Она на вершине одной горы, называемой Ареопагом, созывает совет афинских мудрецов и предоставляет им право рассудить дело Ореста, и это послужило началом совета старцев, сохранившего название ареопага. Когда мудрецы порешили баллотировать этот вопрос посредством белых и черных шаров, она положила белый шар и тем освободила Ореста от преследования эриний. Но ему надо было еще принести очистительную жертву. Минерва и Аполлон посылают его в Херсонес Таврический добыть из храма статую Артемиды (Дианы) и привезти ее в Грецию. В сопровождении верного Пилада отправился Орест в Тавриду, но лишь только они пристали к берегу, их схватили, и, по обычаю страны, они как чужестранцы должны были быть принесены в жертву Диане; их ведут в храм, где главная жрица Ифигения узнает в Оресте своего брата (см. рис. 54). Ифигения спасла брата и Пилада от смерти и вместе с ними и со статуей Дианы уезжает в Грецию. Весь этот миф, а в особенности суд над Орестом, интересен в том смысле, что указывает, какое значение начинают принимать в греческой мифологии очистительные жертвы посредством религиозных обрядов, которые омыают грешников, подобно тому, как впоследствии у христиан крещение очищает все грехи мира.

НЕПТУН (ПОСЕЙДОН) И ЕГО СВИТА

Тип и атрибуты Нептуна. — Морские чудовища. — Смерть Ипполита. — Кони Нептуна. — Дельфины. — Нептун и великаны. — Нептун и Амфитрита. — Нереиды. — Тритоны.

Вода олицетворялась в мифологии многими божествами. Кроме Океана, отца всех рек, были еще боги соленых и пресных вод. Нептун (Посейдон), сын Кроноса, брат Юпитера, считался богом морского царства. Он внушал всем большой страх, потому что ему приписывали все колебания почвы, и когда начиналось землетрясение, ему приносились жертвы. Достаточно было его удара трезубцем о землю, чтобы та разверзлась и заколебалась. Нептуна признавали и почитали как могучего и сильного бога все мореплаватели и купцы, которые воздвигали ему жертвенники и обращались к нему с мольбами для того, чтобы он даровал их кораблям счастливый переезд без бурь и покровительствовал бы успеху их торговли. Один орфический гимн (т. е. приписываемый Орфею) воспекает Нептуна и его могущество в таких выражениях: «Услышь меня, Нептун, волосы которого влажны от соленых волн моря, Нептун, вооруженный острым трезубцем, которого влекут быстроногие кони, ты, вечно обитающий в неизмеримых морских глубинах, царь вод, ты, окружающий и теснящий землю шумящими водами, ты, разбрасывающий вдаль пену морскую, ты, правящий среди волн твоей быстрой квадригой (колесница, запряженная четверкой), ты, лазоревый

Рис. 55. Нептун шествующий по водам. Античная статуэтка в Ватикане

бог, назначенный судьбой управлять морским царством, ты, любящий свои стада, покрытые чешуями, и соленые воды океана, остановись у берега, даруй попутный ветер нашим кораблям и прибавь к нему ради нас мир, безопасность и золотые дары богатства» (Орфей). По типу морской бог разнится от Юпитера беспокойством движений, растрепанными волосами и диким видом, более соответствующим дикости и бурности моря. Трезубец, его главный атрибут, не что иное как гарпун, употребляемый при ловле акул и китов; поэтому он считался покровителем рыбаков. Древняя статуэтка изображает Нептуна с трезубцем в одной руке и с дельфином в другой (см. рис. 55). На многих барельефах он является в сопровождении целой свиты морских

чудовищ. Декоративное искусство новейших веков часто изображает Нептуна на фонтанах. Рафаэль изобразил его на колеснице, запряженной морскими конями. На дне моря обитали морские чудовища, которые повиновались Нептуну и появлялись на поверхности морских волн по его приказанию; так, например, по просьбе Тесея Нептун вызвал чудовище, ставшее причиной смерти Ипполита.

Этот юноша был сыном Тесея и царицы амазонок; угрюмый от природы, он ничего не любил, кроме охоты, и громко выражал свое презрение к женщинам, никогда не поклонялся Венере и приносил все свои жертвы на алтарь богини Дианы. Разгневанная Венера решила мстить за такое пренебрежение; она внушила мачехе его, Федре, безумную к нему любовь. Но он с отвращением отвернулся от

мачехи, которая его за это оклеветала перед отцом. Считая его виновным, Тесей призвал на него гнев Нептуна, и тот приказал морскому чудовищу появиться на поверхности воды в то время, как Ипполит подъезжал к морю на колеснице; испуганные страшилищем кони опрокинули колесницу, и Ипполит погиб. Этот миф послужил сюжетом для одной из самых известных трагедий Расина — «Федра».

Обычное местопребывание Нептуна — его морской дворец в Эгейском море; там же находятся его быстроногие морские кони, и, как только бог желает появиться на поверхности воды, он садится в свою квадригу, запряженную четырьмя конями с рыбьими хвостами, покрытыми чешуей. Животные, посвященные Нептуну, были конь и дельфин. Этот последний оказал большую услугу морскому богу, за что и удостоился чести служить Нептуну одним из его отличительных атрибутов. Однажды, когда Нептун, прельстившись прекрасной Амфитритой, одной из nereid, гнался за ней, она скрылась от него во дворец Океана, а дельфин открыл влюбленному богу место, где находился этот дворец, и Нептун похитил Амфитриту, которая сделалась его супругой и владычицей морей. Дельфины изображены на многих памятниках искусства древнейших и новейших времен. Они всегда участвуют в свите Амфитриты и Вене-

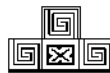

Рис. 56. Нептун убивает Эфиальта. С античной вазы

ры, а также в триумфе Галатеи. Нептун сильно помог Юпитеру в борьбе с великанами: он их уничтожал, кидая на них целые скалы. На античной вазе изображена смерть Эфиальта, одного из великанов (см. рис. 56): он падает, сраженный Нептуном, сбросившим на него громадную скалу.

На многих античных барельефах изображено триумфальное шествие Амфитриты, ставшей царицей морей. Обыкновенно на них представлены nereиды, сидящие на морских чудовищах в виде тигриц, исполинских баранов и морских быков. Сама Амфитрита, окруженная этой свитой, сидит на быке, туловище которого оканчивается рыбьим хвостом, чем он и отличается от быка Европы. На одной античной камее Амфитриту сопровождают крылатые амуры. Этот же сюжет послужил темой для многочисленных картин, из которых более известны картины Тициана, Рубенса, Лемуана и Натуара.

Nereиды — дочери Нерея, олицетворявшего Эгейское море; их главная обязанность состояла в том, что они сопровождали тени умерших на острова Благодати, — вот почему их изображения часто встречаются на саркофагах и других надгробных памятниках, и они, подобно Нептуну, обладают даром предсказания. От союза Нептуна с Амфитритой родились тритоны и тритониды; это божества, у которых туловище с человеческой головой оканчивается раздвоенным рыбьим хвостом; их изображают очень часто сидящими на голубых конях, у которых вместо копыт клешни. В новейших произведениях искусства тритоны обыкновенно изображаются дующими вместо труб в громадные морские раковины. Художники позднейших времен часто смешивали тритонид с сиренами; по мифологии же они резко отличаются одни от других: у сирен женское туловище оканчивается птичьим хвостом, а у тритонид — рыбьим.

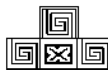
ПОЛИФЕМ И ГАЛАТЕЯ

Триумф Галатеи. — Полифем и его стада. — Жалобы Полифема. — Акид и Галатея.

Среди nereид считалась самой красивой жестокосердая Галатея, олицетворяющая спокойное, блестящее море. Ее красоту воспевали многие поэты; ее триумфальное шествие на поверхности морей изображали знаменитые художники. Рафаэль написал на этот сюжет прекрасное произведение, где Галатея изображена стоящей в раковине, которую везут дельфины, управляемые Амуром. Прекрасная nereида пробудила своими прелестями сильную страсть в сердце циклопа Полифема. Но все его признания и объяснения не тронули Галатеи; бедный циклоп перестал даже пасти свои многочисленные стада, о которых он прежде так заботился, и покинутые животные должны были часто возвращаться одни в пещеру — жилище Полифема. А он взбирался на высокую скалу и, взяв флейту, старался в ее звуках излить свое горе. Жалобы этого сурового, неотесанного великана вдохновили Феокрита, написавшего на эту тему поэтическую идиллию; в ней Полифем говорит между прочим: «О прекрасная Галатея, зачем ты убегаешь от меня? Когда ты на меня смотришь, ты белее молока, нежнее ягненка, но когда ты отворачиваешь от меня твои прекрасные глаза, о, тогда ты становишься кислее незрелого винограда! Я знаю, прекраснейшая из нимф, я знаю, почему ты избегаешь меня: потому что густая бровь, омрачая мой лоб, тянется от од-

ного уха до другого, потому что я обладаю одним только глазом и мой нос, расширяясь, дотрагивается почти до моих губ. Но я такой, какой есть, у меня тысяча овец, я питаюсь их прекрасным молоком, и у меня летом, осенью и зимой превкусные сыры. Для тебя я вскармливаю одиннадцать молодых оленей (шеи их украшены прекрасными ожерельями) и четырех медвежат. Приди ко мне — и все, что я имею, будет принадлежать тебе. Если твое зрение оскорблено видом длинной щетины, покрывающей мое тело, то ведь у меня есть дубовые дрова и никогда не угасающий под пеплом огонь, — приди, и я готов вынести какое угодно мучение. Я предаю в твои руки мою жизнь и мой единственный глаз, этот глаз, который мне дороже самой жизни». Но как ни изливался циклоп в своих жалобах, как ни старался он смягчить сердце жестокой Галатее, она не внимала его мольбам, потому что она любила другого — прекрасного пастуха Акида, сына Фавна. И вот однажды, когда Полифем, сидя на скале, воспевал ее прелести в следующих словах: «О Галатее, ты блее прекрасной лилии, свежее коры ольховой, более блестяща, чем горный хрусталь, приятнее лучей солнца зимой и тени летом, обманчивее струи, легче крыла Зефира», — он вдруг увидел Галатею подле Акида; испустив страшный рев, повторенный Этной, он бросается преследовать Акида, старающегося спастись бегством. Циклоп отрывает громадную скалу и бросает ее на Акида, который погибает раздавленный, но скала тотчас же раскрывается, и из недр ее течет поток: это Акид, превращенный богами в реку, и река сохранила его имя.

Аннибале Карраччи написал три картины на миф о прекрасной Галатее; они находятся теперь в вилле Фарнезе.

РЕКИ

*Океан. — Атрибуты рек. — Нил и Тибр. —
Реки Франции.*

В самых древних мифологических сказаниях земля является большой волнообразной долиной, омываемой со всех сторон величайшей в мире рекой — Океаном, из которой берут свое начало все реки, ручьи, моря и источники. Из Океана же поднимаются и восходят солнце, луна и звезды и в него же заходят. На отдаленных его берегах живут разные народы, как то: киммерийцы, над страной которых солнце никогда не светит, далее — амазонки, пигмеи и Атлас, поддерживающий своими могучими плечами свод небесный, а на далеком Западе, где царит вечный мрак, находится роща Персефоны и вход в царство Плутона. По словам одних поэтов, Океан — прародитель всех богов, титанов и великанов; по словам же других, он сын Урана и Геи, жена его титанида Тефида, родила 3000 рек и 4000 океанид. Боги Олимпа относятся к Океану с большим почтением и заботятся о нем, но он не принимает никакого участия в управлении миром и не появляется на пирах богов. Богам, олицетворяющим реки, приносились богатые жертвы, им воздвигали алтари и посвящали священные рощи. Так как вода оживляет и вызывает к жизни растительность, то речной бог считался кормильцем той страны, по которой река протекала; часто он считался даже царем той страны, — например, Инах в Аргосе, отец прекрасной Ио.

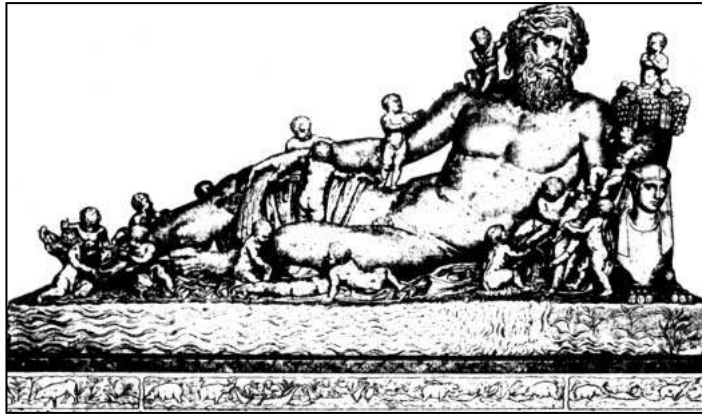

Рис. 57. Нил. С античной статуи в Ватиканском музее

Этих речных богов изображали в искусстве под различными образами, чаще всего в виде змеи с человеческой головой, намекая этим на изменчивость и блеск воды, или же в виде быка с человеческой головой, потому что бык был символом плодородия и, кроме того, своим ревом напоминал рев волн. Впоследствии речных богов стали изображать в виде стариков, увенчанных тростниками, если они олицетворяли большие реки, и в виде юношей с водяными цветами, если это были боги речек и ручейков. Большею частью опираются они на урну, из которой изливается вода; в руках у них чаще всего находится рог изобилия; кроме того, каждому из них посвящено или животное, обитающее на их берегах, или рыба, находящаяся в их водах. Жилищами этих богов служат или дно реки, или прохладные гроты, украшенные морскими растениями и раковинами. Из сохранившихся до наших дней статуй, изображающих речных богов, считаются самыми красивыми статуи Нила и Тибра, открытые в Риме в конце XV века. Статуя Нила находится теперь в Ватикане; бог изображен в виде стари-

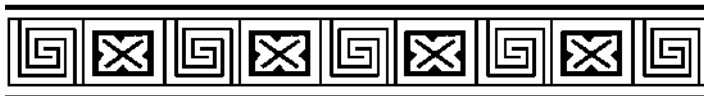
Рис. 58. Река Гелас

ка с длинной бородой, он полулежит, в правой руке у него сноп, а левой он опирается о сфинкса и держит в ней рог изобилия; прирост воды в 16 локтей, необходимый для оплодотворения Египта, олицетворяют 16 фигурок детей, играющих вокруг бога (см. рис. 57).

Не менее характерна и прекрасна статуя Тибра, находящаяся в музее в Лувре: бог увенчан лаврами, он держит в одной руке руль, символ судоходных рек, а в другой руке у него рог изобилия, наполненный плодами; подле него лежит волчица, вскормившая Ромула и Рема.

Скульпторы XVII века очень часто изображали олицетворения рек, но почти всегда в группах. Так, в Версале можно видеть несколько групп, олицетворяющих реки Франции. В Тюильрийском саду находится прекрасная группа Косту «Сена и Марна». Жан Гужон изобразил на барельефе реки Франции под видом молодых женщин, сидящих в лодке. Рубенс и Пуссен очень часто вводили в свои картины образы, олицетворяющие реки. На многих античных монетах реки изображены под видом быка с человеческой головой, как, например, на монете с изображением реки Гелас (см. рис. 58).

НИМФЫ

Атрибуты нимф. — Алфей и Аретуса. — Эхо и Нарцисс. — Гилас, похищенный нимфами.

Нимфы олицетворяли собой источники; это были дочери лесов, рек и гор. Они не были бессмертны подобно богам, но жизнь их была продолжительна. Любя прохладу и таинственную тень лесов, они жили в гротах и покоились на влажном мхе. Многочисленные статуи изображают нимф обыкновенно полуодетыми, но художники Возрождения воспроизводили их совершенно обнаженными, — например, прекрасная «Нимфа Сены» Жана Гужона (см. рис. 59) и статуя нимфы Бенвенуто Челлини, находящаяся в Лувре. Нимфы носили различные названия смотря по их местопребыванию: водяные нимфы назывались наядами, горные — орестиадами, лесные — дриадами. Нимфа же, обительница дерева, жизнь которой была тесно связана с жизнью дерева, называлась гамадриадой (см. рис. 60). Все эти нимфы живут свободно и самостоятельно, охотятся за дичью в свите Дианы, пляшут в хороводах при лунном свете и оказывают людям всевозможную помощь. Так как вода способствует

*Рис. 59. Нимфа Сены
(Жан Гужона, в Луврском музее)*

плодородию и считается кормилицей той страны, где она протекает, то и нимфы считались кормилицами и благодетельницами, — вот почему они являются кормилицами Юпитера и Диониса. По мнению древних, вода обладала силой исцеляющей и вдохновляющей, поэтому и нимфам приписывали дар пророчества. Они считались матерями певцов и предсказателей; в некоторых местностях их принимали за богинь поэзии, потому что они воспитывали Аполлона. Отличительный признак (атрибут) наяд — раковина. Их часто преследуют реки, желающие вступить с ними в брачный союз, но нимфы нередко отказываются от этой чести. Так, например, в мифе о наяде Аретусе рассказывается следующее: Алфей, самая большая река Пелопоннеса, пленившись красотой Аретусы, часто купавшейся в его водах, решил вступить с ней брак. Нимфа обратилась в бегство, ища защиты у Дианы, с которой она всегда охотилась. Богиня, тронутая ее мольбами, переносит ее в другую страну, а именно на остров Ортигия, близ Сиракузской гавани. Но Алфей не падает духом от такой неудачи, он ныряет в море, не смешивая своих вод с морской водой, появляется на острове Ортигия, и брак их совершается с особого разрешения Нептуна. Поводом к этому мифу, вероятно, послужило то, что река Алфей на своем протяжении часто скрывается под землей.

Существует также поэтическое сказание об одной орестиаде по имени Эхо и о красавце Нарциссе. Юнона рассердилась на нимфу Эхо за ее болтливость, а главное — за ее страсть все передавать и пересказывать, чем она не раз досаждала богам. Царица неба решила ее строго наказать и приговорила Эхо вечно только повторять последнее слово

*Рис. 60.
Гамадриада.
Со статуи
Куззовкса*

Рис. 61. Нарцисс.
С античной
живописи

или последний слог, который коснется ее слуха. Бедная нимфа, лишенная возможности первой заговаривать, проводила все свое время на охоте. Она встретила однажды в тенистом лесу замечательно красивого юношу, сына реки Кефисса. Эхо тотчас же в него влюбляется, но не может первая с ним заговорить, а застенчивый и равнодушный к женщинам Нарцисс отвергает ее любовь. Опекаемая таким пренебрежением, она скрывается навсегда в лесу, предаваясь там отчаянию до тех пор, пока тело ее окаменело и превратилось в скалу; один только голос ее остался, он часто слышится и теперь.

Нарциссу же было предсказано при рождении, что он будет жить до тех пор, пока не увидит самого себя. Но это предсказание показалось таким неправдоподобным, что все перестали о нем и думать, а Нарцисс вырос и стал прекрасным юношей, хотя застенчивым и нелюдимым; он больше всего любил охоту и почти все свое время проводил в лесах. Однажды, утомленный после целого дня охоты, он прилег отдохнуть на берегу небольшого озера, воды которого, спокойные и необыкновенно прозрачные, ясно отражали все окружающие предметы. Случайно наклонившись над озером, Нарцисс видит в прозрачной воде чей-то прекрасный образ. Он не понимает, что видит самого себя, а воображает, что это образ какой-то красавицы, он любит ее им, протягивает к нему руки, хочет схватить его, но схватывает только воду. Лук и стрелы заброшены, он не вспоминает больше о пище, он только проводит целые дни и ночи на берегу озера, умоляя красавицу выйти из воды, — все напрасно, предмет его воображения не появляется. Отчаяние овладевает им, он умирает на берегу озера, громко произнося: «Прощай», но только голос бедной нимфы Эхо повторяет за ним: «Прощай».

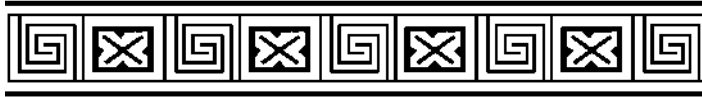
Когда же лесные нимфы стали искать его тело, чтобы похоронить, они не нашли его, а на том месте, где лежал Нарцисс, увидели они прекрасный цветок с белыми, почти восковыми лепестками; то был Нарцисс — цветок смерти. Иногда Нарцисс появляется на поверхности воды, но уже только под видом цветка, чашечка которого всегда наклоняется к воде, как бы продолжая любоваться своим отражением. На некоторых античных фресках в Помпее изображен этот миф (см. рис. 61); на них всегда около Нарцисса стоит Амур с опрокинутым факелом, намекая на то, что юноша умер. Французский художник Пуссен написал интересную картину на этот сюжет; она находится в Лувре, где также находится и прекрасная статуя Кальденари (см. рис. 62).

Иногда водяные нимфы увлекают на дно источников смертных, понравившихся им, если те неосторожно приближаются к жилищу этих наяд. Молодой и красивый Гилас, любимец Геркулеса и один из участников похода аргонавтов, отправился добывать свежей воды для своих спутников. Он увидел в лесу прозрачный источник, на берегу которого росли прекрасные душистые цветы, а среди вод резвились нимфы; пораженные красотой юноши, они стали его манить к себе; когда же Гилас наклонился, чтобы зачерпнуть воды, они увлекли его на дно источника, в свой прохладный грот, и напрасно искал его Геркулес, громко призывая его. Английский художник Уотерхаус написал на эту тему очень поэтическую картину.

Рис. 62. Нарцисс.
Статуя
Кальденари
в Луврском музее

МОРЕПЛАВАНИЕ

Фрикс и Гелла. — Человек об одной сандалиии. — Корабль «Арго». — Женщины Лемноса. — Царь бебриков. — Финей и гарпии. — Симплегадские скалы. — Птицы Ареса (Марса). — Волшебница Медея. — Быки Ээта. — Дочери Пелия. — Ярость и мщение Медеи.

Миф о походе аргонавтов сложился, вероятно, под впечатлением ужасов, которые переживали мореплаватели в те отдаленные времена, когда искусство управлять кораблем было только в зачаточном состоянии и когда подводные камни, бури, скалы и сильное течение представлялись глазам напуганных путешественников чем-то сверхъестественным. Поход этот был предпринят с целью отыскать золотое руно, о происхождении которого рассказывается следующее. Меркурий подарил барана (овна), шерсть которого была золотой, царице Нефеле, жене минийского царя Афаманта. Баран этот был сын Нептуна, обладал даром слова, мог переплывать моря и быстрее ветра переноситься с одного места на другое. После смерти Нефелы Афамант женился на Ино. Злая мачеха принялась преследовать детей умершей царицы — Фрикса и Геллу — и довела свои козни до того, что царь согласился принести Фрикса в жертву Зевсу. Тогда дети решили спастись бегством; так как они знали о необычайных качествах барана, то сели на него верхом, и он быстро понес их через моря. Но при переправе из Европы в Азию Гелла выпустила из рук шерсть барана, за которую она тогда держалась, поте-

ряла равновесие и упала в море (см. рис. 63), получившее с тех пор название Геллеспонта, т. е. моря Геллы. Фрикс же благополучно добрался до Колхиды, где был дружески принят царем Ээтом. По приказанию Меркурия Фрикс принес в жертву Зевсу барана, а шкуру его повесил в рошу Ареса (Марса), и к ней был приставлен стеречь ее страшный дракон, который бодрствовал днем и ночью. Это золотое руно было олицетворением благоденствия и богатства страны. Перенесенное в другую страну, оно проявляло и там свою силу, потому-то отыскать и добыть золотое руно стало не переменным желанием и стремлением каждого героя, но оно находилось в далекой, малоизвестной стране, куда немногие мореплаватели решались отправляться.

Вот при каких обстоятельствах Ясон, сын Эсона, царя Иолка, отправился добывать золотое руно: Пелий, зять Эсона, сверг его с престола, а Ясона отправил на воспитание к кентавру Хирону. Когда ему минуло двадцать лет, он решил отправиться к Пелию и потребовать от него наследство отца. На своем пути он встретит нищую старуху, тщетно пытавшуюся перейти реку. Тронутый ее беспомощностью,

Рис. 63. Фрикс и Гелла. Живопись из Геркуланума

он предложил ей перенести ее на своих плечах. Старуха с благодарностью приняла его предложение. Во время переправы Ясон потерял одну сандалию, но не захотел спустить с плеч старуху, чтобы поискать свою обувь. Переправившись на другой берег, старуха приняла свой настоящий об-раз: это была Юнона, пожелавшая испытать доброту Ясона. Она поблагодарила его и обещала ему свою помощь во всех его предприятиях. Ясон, довольный таким приключением, позабыл о том, что потерял сандалию, и отправился прямо во дворец Пелия, которому оракул предсказал, что он должен опасаться человека, имеющего только одну сандалию. Ужас и смущение Пелия еще увеличились, когда он узнал в прибывшем Ясона. Он тотчас же обратился к нему с таким вопросом «Пришелец, что бы ты сделал с человеком, который, по предсказанию оракула, будет опасен для твоей жизни?» «Я бы послал его добывать золотое руно», — не колеблясь отвечал Ясон, так как он, подобно другим, считал такое предприятие весьма опасным и полагал, что смельчак, отважившийся на это, никогда не возвратится. Ясон не подозревал, что своим ответом произнес свой собственный приговор. Действительно, Пелий приказал ему отправиться отыскивать золотое руно. Прекрасная статуя, находящаяся в Лувре, изображает Ясона в тот момент, когда он привязывает сандалию, главную виновницу похода аргонавтов. Услышав об этой экспедиции, многие герои захотели принять в ней участие; между ними были Тесей, Геракл, Кастор и Поллукс, Орфей, Мелеагр, Зет и Калаид, крылатые сыновья северного ветра Борея, и многие другие. Всех участников было пятьдесят человек — по числу весел на корабле «Аргон»; кормчим на нем был Тифий, а предводителем Ясон. Рассказ о постройке корабля под надзором Минервы и все путешествие аргонавтов указывает на начало парусного судоходства. Античный барельеф, сохранившийся до наших дней, изображает Минерву, показывающую рабочему, как нужно прикреплять парус к мачте (см. рис. 64). Поэт же Сенека ука-

зывает на кормчего Тифия как на первого мореплавателя, употребившего в плавании паруса: «Тифий дерзнул первым развернуть паруса над необозримой поверхностью моря, он осмелился дать новые законы ветрам, он победил море и прибавил ко всем опасностям нашей жизни еще опасности этой страшной стихии». Замечательно то, что Сенека как бы предвидел открытие Америки, — он говорит дальше: «Придет время в последующие века, когда океан расширит земной шар на всем своем протяжении, а новый Тифий откроет нам Новый Свет, и Фулла (так называли древнюю Исландию) перестанет быть для нас концом вселенной». На корабле «Аргон» были также и весла, как мы это видим на старинных изображениях корабля; он был построен из пелионских сосен, а мачта была вырублена в священной дубовой роще Додоны и поэтому обладала даром предсказания. Вновь построенный корабль, несмотря на соединенные силы всех аргонавтов, не спускался в море, и только Орфей звуками своей лиры заставил его добровольно спуститься в море.

Первым местом остановки «Аргон» был остров Лемнос, все женщины которого, возмущенные постоянной неверностью своих мужей, беспощадно умертвили их всех до единого. Венера, возмущенная таким преступлением, внушила им страстное желание вновь выйти замуж, но, окруженные

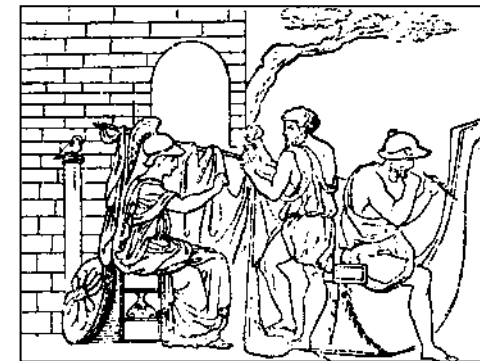

Рис. 64. Построение корабля «Аргон». С античного барельефа

со всех сторон водой и не имея кораблей, чтобы покинуть их пустынный остров, они могли только проливать горькие слезы и томиться. Приезжие были приняты ими с распростертыми объятиями, и обитательницы Лемноса охотно бы удержали их навсегда, но предусмотрительный Ясон, поняв опасность, собрал всех своих спутников на палубу корабля, как бы желая им передать важные сведения, перерубил канат, которым был укреплен корабль, и пустился в дальнейший путь. В то время как они проезжали мимо Самофракии, страшная буря выбросила их корабль на берег Херсонеса, где находилась высокая гора, обитаемая шестирукими великанами долионами. Эти великаны приняли героев далеко не так дружелюбно, как прекрасные лемнианки, и ожесточенный бой возгорелся очень быстро между ними и аргонавтами. Но Геракл пустил в ход свои стрелы и уничтожил всех великанов. В Мисии Геракл покинул своих спутников: он отправился отыскивать своего любимца Гиласа, которого нимфы увлекли на дно источника. Герои прибыли затем в Вифинию, страну бебриков, где царствовал жестокий и тщеславный царь Амик, заставлявший всех чужестранцев выходить с ним на поединок, и уже немало людей отправил он таким образом в царство теней. Лишь только он заметил приближающийся корабль, он вышел на берег и стал дерзко вызывать самого сильного и ловкого из аргонатов померяться с ним силами. Поллукс, оскорбленный более других этим дерзким вызовом, принимает его и после довольно продолжительного боя побеждает и убивает царя. Поллукс считался с тех пор покровителем кулачных бойцов и атлетов.

Благодаря ловкости и умению Тифия аргонавты быстро подвигались вперед; скоро прибыли они в Салмидесс Фракийский, где жил прорицатель Финей. Аполлон даровал ему способность предвидеть и предсказывать будущее, но этот опасный дар погубил его. Он, забыв должное уважение к властителю богов, открывал смертным его самые тайные замыслы и решения. Разгневанный

Юпитер приговорил его к вечной старости, лишил его зрения и возможности насыщаться. Несмотря на то, что Финей приносили разные кушанья все обращавшиеся к нему за предсказаниями, несчастному старику они не доставались: едва их приносили, как крылатые гарпии, которым поручил Юпитер мучить несчастного, слетали с небес и похищали все кушанья. Иногда они, чтобы увеличить его мучения, оставляли ему жалкие остатки, но и те поливали грязью. Эти гарпии были сначала олицетворением всепожирающего вихря, но в сказании об аргонавтах они уже являются олицетворением страшного всепожирающего голода и поэтому изображаются отвратительными крылатыми существами: наполовину птицы, наполовину женщины с бледными, искаженными лицами и страшными когтями. Услышав о прибытии аргонатов, Финей, который знает, что согласно воле Юпитера эти чужестранцы должны его освободить от гарпий, выходит ошупью к ним, еле передвигая ноги. Его несчастный вид вызывает в героях глубокое к нему сожаление. Они объявляют, что готовы ему помочь; они становятся подле него и, когда отвратительные гарпии прилетают, прогоняют их своими мечами. А Зет и Калаид, крылатые сыновья Борея, преследуют их до Строфадских островов, где гарпии молят о пощаде и дают клятвенное обещание не тревожить больше Финей. Желая отблагодарить своих избавителей, Финей говорит им: «Слушайте, друзья мои, то, что мне дозволено вам сообщить, потому что Юпитер, справедливо разгневанный на меня, не позволяет открыть вам все, что с вами произойдет. Покинув этот берег, вы увидите в конце пролива две скалы, между ними еще ни один смертный не проехал: они постоянно движутся и часто сдвигаются вместе, составляя как бы одно целое, и горе тому, кто попадет между ними. Прежде чем пытаться проехать, выпустите голубя; если он пролетит благополучно, то гребите как можно сильнее и спешите проехать;

помните, что ваша жизнь зависит от силы и быстроты ваших рук. Если же голубь погибнет, придавленный скалами, не делайте более никаких попыток, покоритесь воле богов и возвращайтесь обратно». Предупрежденные Финеем, аргонавты взяли с собой голубя. Подъехав к узкому проливу, усеянному подводными камнями, они увидели зрелище, которого после них не видел ни один смертный. Симплегадские скалы раскрылись и отошли одна от другой. Один из героев выпустил голубя, и все глаза устремились вслед за птицей. Вдруг со страшным шумом и треском обе скалы вновь соединяются, море с ревом вздымает свои пенные волны до их верхушек, брызги летят во все стороны, несчастный корабль сильно накреняется и поворачивается кругом, но голубь благополучно достигает берега, оставив между скал только часть своего хвоста. Тифий уговаривает своих спутников употребить все усилия и грести как можно быстрее, лишь бы скорее пройти это страшное место; все дружно повинуются, но вдруг перед ними вздымается гигантская волна. Они уже считают себя погибшими и молят богов о спасении. Минерва, услышав их мольбы, спешит к ним на помощь, и корабль благополучно проходит. С тех пор скалы эти больше не сдвигаются — они остались навсегда неподвижными.

Избегнув опасности в проливе, аргонавты приблизились к острову Ареса (Марса), где жили стимфальские птицы, перья которых были острыми стрелами, и они могли их кидать в смельчаков, отваживавшихся подъезжать к их острову. Видя одного из своих спутников убитым подобной стрелой, Ясон прибегает к хитрости: он приказывает одним быстро грести, а другим прикрывать гребцов щитами и в то же время ударять мечами о шлемы и испускать громкие крики. Птицы, испуганные таким страшным шумом, улетают далеко в горы, а корабль «Арго» продолжает свой путь уже без всяких приключений. Отважные герои видят снежные вершины Кавказа, слышат жалобы прикованно-

го Прометея, печень которого терзает ворон, оплакивают смерть своего искусного кормчего Тифия и, наконец, достигают до Колхиды, где находится золотое руно. Ясон рассказывает Эту, волшебнику и царю этой страны, о цели их прибытия и просит отдать ему золотое руно. Ээт отвечает ему: «Чужестранец, напрасны твои длинные речи и твои просьбы: прежде нежели я отдам тебе золотое руно, я должен убедиться, что в тебе течет кровь богов и что ты достаточно храбр, чтобы силой отнять у меня то, что мне принадлежит. Вот испытание, которое я тебе предлагаю; выдержишь ты его, золотое руно будет принадлежать тебе. Я владею двумя быками, у них медные копыта, и пасти их извергают пламя и дым. Поймай их, запряги их в плуг и вспахай поле, но вместо даров Цереры засевай это поле зубами дракона, которые я тебе дам; к вечеру из них вырастут вооруженные великаны; победи и истреби их твоим мечом» (Аполлоний Родосский). Герои с ужасом выслушивают эти страшные условия, и надо полагать, что Ясон не мог бы их выполнить, если б Юнона, его покровительница, не обратилась за помощью к Венере. Эта богиня возбудила в сердце Медеи, дочери Ээта и могущественной волшебницы, сильную любовь к Ясону. Она приготовила мазь и дала ее Ясону, приказав ему намазать ею все тело и руки. Эта чудодейственная мазь придала ему не только страшную силу, но сделала его неуязвимым, так что огонь, исходивший из пасти медных быков, не мог причинить ему вреда. Вспахав и засеяв поле, он дождался, когда из земли, подобно бесчисленным колосьям, выросли вооруженные великаны, и, следуя совету Медеи, он взял огромный камень и

Рис. 65. Ясон любит золотым руном. С античной камеи

Рис. 66. Медея и дочери Пелия. С живописи на античной вазе

кинул его между ними. Подобно собакам, кидающимся на добычу, ринулись великаны на камень, убивая в озлоблении друг друга, и скоро все поле покрылось их телами. Но Ээт, несмотря на свое обещание, отказался выдать золотое руно; тогда Медея ночью провела Ясона в ту рошу, где оно находилось; при помощи ее чар герой убивает дракона и овладевает сокровищем. Античная камея изображает Ясона в шлеме и с мечом в руке; он любуется золотым руном, висящим на дереве, вокруг которого обвился дракон наподобие змеи (см. рис. 65). Затем вместе с Медеей возвращается Ясон на корабль и тотчас же пускается в обратный путь, опасаясь погони Ээта. Действительно, царь гонится за ними, но жестокая Медея, захватившая с собой маленького брата, разрубает его на куски и, начиная с головы, постепенно кидает эти куски в море. Несчастный отец, узнав голову сына, останавливается, чтобы подобрать останки его, и тем дает возможность аргонавтам уйти.

Возвратясь на родину, Ясон узнает, что Пелий, отправив его в такое опасное путешествие и надеясь, что он там погибнет, приказал умертвить его отца Эсона и всю семью. Волшебница Медея, став женой Ясона, берется отомстить Пелию; она отправляется в Иолк под видом старухи и объявляет там всем, что обладает даром превращать старых в молодых, и для подтверждения своих слов превращается на глазах дочерей Пелия в молодую девушку. Точно так же

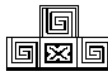
превращает она старого барана в ягненка, предварительно разрубив барана на части и положив их в котел вариться. Дочери Пелия, поверив ей и желая возвратить молодость отцу, разрезают его на куски и точно так же кладут его в котел вариться, но жестокая Медея отказывается его оживить. На одной античной вазе изображена Медея с мечом в руках и две дочери Пелия, слушающие ее рассказы (см. рис. 66). Медея надеялась, что после смерти Пелия Ясон станет царем, но престолом завладевает сын умершего и изгоняет из своих владений Ясона и Медею. Они отправились в Коринф к царю Креонту, который предложил ему жениться на его дочери, прекрасной Креусе; тот соглашается, и царь, опасаясь мести Медеи, приказал ей удалиться из Коринфа. Напрасно молит она Ясона не отвергать ее, припоминает ему все, что сделала для него, но все мольбы ее напрасны — он остается неумолимым. Тогда Медея просит позволения остаться еще один день, притворяется, что простила своему вероломному мужу, говорит, что желает сделать подарок своей счастливой сопернице, которую просит взять под свое покровительство ее двух детей. Она

Рис. 67. Медея. По Рафаэлю

приказывает детям отнести эти подарки — золотую корону и платье из прекрасной блестящей ткани. В восторге от подарков, Креуса их тотчас же надевает, но едва платье и корона надеты, как она тотчас же начинает испытывать страшные страдания от яда, которым мстительная Медея пропитала свои дары, и вскоре умирает среди ужасных мучений. Но это еще не удовлетворяет Медею: она хочет отнять у Ясона все, что он любит; а он любит детей, и она в припадке страшного исступления убивает их. Ясон прибегает на их крики, но застаёт их уже мертвыми, а Медея садится в колесницу, запряженную крылатыми драконами, и исчезает в пространстве (см. рис. 67).

Страшная месть Медеи послужила сюжетом для многих произведений искусства. Живописец древних веков Тиманф прекрасно выразил ее жестокость и исступление в тот момент, когда она убивает своих детей. Из художников новейших времен Рафаэль написал прекрасную фигуру Медеи в одном из своих мифологических эскизов, а Эжен Делакруа изобразил в своей знаменитой картине Медею в каком-то гроте с кинжалом в руке: она, подобно разъяренной львице, прижимает к себе детей, а черты ее лица прекрасно выражают ту страшную борьбу, которая в ней происходит между чувством любви к детям и жадной мести. Эта картина — одно из лучших произведений Делакруа — находится в музее в Лилле. Немецкий художник Фейербах написал на ту же тему очень интересную по выражению и трактовке картину, — она находится в Мюнхене, в галерее графа Шака. Ясон, так жестоко наказанный за вероломство, влачит еще некоторое время свое жалкое существование. Однажды, когда он, по своему обыкновению, спал подле своего полуразвалившегося корабля «Арго», на него обрушилась мачта этого корабля, и он погиб под нею.

ЦЕРЕРА (ДЕМЕТРА)

Тип и атрибуты Цереры (Деметры). — Почести, воздаваемые Деметре. — Похищение Персефоны (Прозерпины). — Отчаяние Деметры. — Персефона в аду. — Голод Эрисихтона. — Элевсинские таинства. — Триптолей. — Флора. — Сильван. — Вертумн и Помона.

Церера, или Деметра, сестра и супруга Юпитера, олицетворяла собой земное плодородие; она своей властью заставляла землю производить плоды и считалась главным образом покровительницей хлебных злаков; от Юпитера у нее была дочь Персефона (Прозерпина), олицетворявшая растительное царство. Деметра была милостивой и благодатной богиней, она не только заботилась о злаках — главной пище людей, но заботилась также об улучшении их жизни. Она научила людей пахать землю, засеивать поля, всегда покровительствовала законным бракам и другим законным учреждениям, способствующим спокойной и оседлой жизни народов. Многие знаменитые скульпторы, в том числе Пракситель, воспроизводили Деметру, но очень немногие статуи сохранились до наших дней, да и то в разрушенном

Рис. 68. Церера. С живописи из Геркуланума

Рис. 69.
Колоссальная
Церера. Античная
статуя

или реставрированном виде. Тип этой богини более известен по живописным изображениям, сохранившимся в Геркулануме; одно из них, самое известное, представляет Деметру во весь рост: голова ее окружена сиянием, в левой руке у нее корзина, наполненная колосьями, а в правой — факел, который она зажгла от пламени вулкана Этны, когда искала свою дочь (см. рис. 68). Некоторые статуи, носящие, хотя, быть может, и ошибочно, имя этой богини, пользуются большой известностью; самая замечательная из них воспроизведена на рисунке 69. По типу, который выработало древнее искусство, Деметра представляется в виде

величественной матроны с кроткими, мягкими чертами, в длинных свободных одеждах; на голове у нее венок из колосьев, а в руках мак и колосья. Корзина с плодами и свинья — вот ее атрибуты. Иногда бывает трудно отличить статуи или изображения Деметры от изображений ее дочери. Им обеим часто придают одни и те же атрибуты, хотя Персефону чаще всего изображают более молодой. До наших дней почти не сохранилось подлинных статуй этих богинь, зато существует много монет с их изображениями (см.

рис. 70 и 71). Овидий рассказывает, что Деметра излечила посредством мака бессонницу сына Келея, и с тех пор она часто изображается с головкой мака в руке. На одной из элевсинских монет Деметра изображена сидящей на колеснице, ко-

Рис. 70. Церера. С античной монеты

торую везут змеи; на оборотной стороне медали изображена свинья — эмблема плодородности (см. рис. 72).

У греков точно так же, как у римлян, культ Деметры (Цереры) был очень распространен; ей повсюду воздавали большие почести и приносили обильные жертвы. По словам Овидия, это происходило потому, что «Деметра первая вспахала землю плугом, ей обязаны люди произрастанием всех плодов земных, служащих им пищей. Она первая дала нам законы, и все блага, которыми мы пользуемся, дарованы нам этой богиней. Она заставила быков склонить их головы под ярмом и послушно бороздить плугом твердую поверхность земли. Вот почему ее жрецы щадят трудящихся быков, а приносят ей в жертву ленивую свинью».

Деметра страстно любила свою дочь, и похищение Персефоны повергло ее в страшное горе и отчаяние. Гомер в гимне, посвященном богине жатвы, рассказывает о похищении Персефоны следующее. Юпитер обещал Плутону в супруги свою дочь Персефону, и вот в один прекрасный день, когда юная богиня вместе с подругами собирает по полям и лугам душистые цветы, земля разверзается, появляется на своей колеснице мрачный властитель царства теней и увлекает Персефону в свой дворец. Никто не видал

Рис. 71.
Прозерпина.
С античной
монеты

Рис. 72. Церера.
С элевсинской
монеты

этого похищения, и только чуткое ухо матери услышало ее крики о помощи. Она спешит к ней, но не находит ее. Полная отчаяния, отправляется она на поиски своей дочери, с восхода солнца и до заката ищет она ее — все напрасно; наступает ночь, она зажигает факел на горе Этне, продолжая и ночью искать свою дочь. Девять дней и ночей проводит она в этих поисках, забывая о пище и питье. Она обходит весь шар земной — нигде нет и следа ее дочери. Тогда Деметра обращается к Гелиосу (Солнцу) и просит его, всевидящего, сказать ей, кто похитил Персефону. Гелиос говорит ей, что это сделал Плутон с разрешения властелина богов. Богиня объявляет тогда Юпитеру, что до тех пор, пока ей не будет возвращена ее дочь, она не будет заботиться о плодородии земли. И действительно на земле наступает голод и грозит гибелью всему человечеству. Юпитер не может допустить этой гибели и соглашается вернуть Персефону ее матери. Но Плутон уговорил ничего не подозревавшую Персефону съесть несколько зерен граната; этот плод считался эмблемой брака, а поэтому она не может уже покинуть навсегда Плутона, так как брак считается заключенным. Асалаф, сын реки Ахеронта, видел, как Персефона ела гранат, и рассказал об этом Юпитеру. Рассерженная таким доносом Деметра тотчас же превратила его в сову. Тогда боги решили на совете, что Персефона будет проводить на земле с матерью две трети года, а одну треть в царстве Плутона, под землей. Две трети года все цветет и зеленеет на земле: нивы покрываются золотистыми колосьями, плоды зреют на деревьях, повсюду вырастают прекрасные цветы. Персефона проводит это время с матерью и наслаждается солнечным светом. Затем наступает последняя треть года — зима: все растительное царство замерло, заснуло, Персефона скрылась в мрачном жилище Плутона, а покинутая Деметра грустит и облачается в траурные одежды, и вместе с ней вся земля.

Персефона считалась царицей ада, пребывая там, она властвует над тенями умерших и над фуриями, но как толь-

ко должна наступить весна, Меркурий, крылатый посланник богов, сходит в ад и приводит ее на землю. На саркофагах очень часто изображалось возвращение Персефоны на землю, потому что это возвращение в царство света после пребывания в царстве теней являлось как бы намеком на будущую жизнь. Пракситель изваял прекрасную группу «Похищение Прозерпины», которая пользовалась большой славой в древние века. Новейшие художники очень часто трактуют этот сюжет в своих произведениях. Между ними всего более замечательны картины Рубенса и Джулио Романо, а также мраморная группа Жирардона в Версале (см. рис. 73).

Милостивая и добрая к тем, кто воздаст ей почести и исполняет ее повеления, Деметра безжалостна к неверующим, и вот какая ужасная кара постигла того, кто нарушил ее божественные права. Ей была посвящена прекрасная тенистая роща. Эрисихтон, сын Триопа Фессалийского, вторгается в эту рощу со своими рабами, которым приказывает рубить лучшие деревья. Деметра под видом жрицы появляется перед Эрисихтоном и напоминает ему, что это — священная роща богини жатвы, но тот не слушает ее и даже угрожает ей топором, если она не уйдет, и говорит, что из этих деревьев он выстроит себе прекрасный дворец и будет в нем задавать роскошные пиры. Тогда разгневанная богиня изгоняет всех из ее рощи, а Эрисихтона приговаривает к следующему наказанию: его будет вечно мучить неутолимый голод — чем больше он будет есть, тем больше захочется ему есть, и голод не перестанет

Рис. 73. Похищение Прозерпины. Группа Жирардона в Версальском парке

терзать его внутренностей. Он проводит целые дни за столом, рабы его подают ему дни и ночи всевозможные кушанья, но голод ничем не утоляется. Уже истрачены все его запасы, истощены все его средства, он — нищий, который должен выпрашивать подаяние у проходящих. Но у него есть дочь Местра, он продает ее в рабство. Нептун, тронутый мольбами молодой девушки, дарует ей способность превращаться в какое угодно животное. Она превращается в лошадь и убегает от своего хозяина; затем по очереди превращается в собаку, овцу, птицу и возвращается постоянно к отцу для новой продажи. Но вскоре и этих денег не хватает, голод его все растет и растет; наконец он пожирает самого себя.

Знаменитые элевсинские таинства праздновались в честь Деметры в Элевсине. Сперва одни только элевсинцы принимали в них участие, но мало-помалу культ Деметры распространился по всей Греции, тогда и афиняне стали также их праздновать. Вначале это были скромные полевые праздники, где приносились жертвы и воздавалась благодарность милостивой богине, даровавшей обильную жатву, и где молили Деметру о даровании вновь весны, т. е. возрождения всего растительного царства. Но когда в судьбе Персефоны стали видеть как бы олицетворение будущей бессмертной жизни и связанное с этой идеей представление о награждении добрых и наказании злых, то празднества эти приняли характер таинств, в которые посвящались желающие после известных испытаний. Высший жрец, иерофант, руководил всеми церемониями и совершал посвящения. Так как эти праздники главным образом относились к появлению Персефоны на земле и к схождению ее в ад, то и праздники разделялись на великие и малые элевсины. Малые элевсины справлялись в месяце антестериионе (февраль—март) в Афинах, в знаменитом храме Деметры, построенном на берегу реки Илисса; этот праздник состоял из большей частью неизвестных нам об-

рядов. Великие элевсины праздновались осенью в месяце боэдромионе (сентябрь—октябрь), после жатвы, и продолжались девять дней и девять ночей. Первый день посвящался в Афинах разным приготовлениям к празднику, приносились жертвы, устраивались жертвенные пиршества, совершали омовение, очищение и постились. Другие дни, а также ночи посвящались торжественным процессиям к морю, шумным шествиям и атлетическим играм, причем победителю давали в виде награды меру ржи, собранной с поля, посвященного богине земледелия. Шестой день был самый торжественный: устраивалось шествие по священной дороге из Афин в Элевсины, причем несли статую Иакха, считавшегося братом и женихом Персефоны. В этом шествии принимали участие, кроме жрецов и властей, все посвященные и посвящаемые, в миртовых венках, с полевыми орудиями и факелами в руках. Шествие это, выходя из Афин утром, достигало Элевсина, находящегося в четырех часах пути, только вечером, так как оно по дороге очень часто останавливалось, участвовавшие предавались разным увеселениям и шуткам, а молодые девушки исполняли священные танцы в честь Деметры. По прибытии в Элевсин и во все последующие ночи в долине на берегу Элевсинского залива, а главным образом в ве-

Рис. 74.
Триптолем
между Церерой
и Прозерпиной.
С античной
живописи на вазах

ликолепном здании, выстроенном Периклом, жрецами и посвященными разыгрывалась священная драма, род мистерии, изображавшая в мифических и символических сценах похищение Персефоны, отчаяние и горе Деметры и ее поиски дочери. Деметра называлась тогда матерью печали, и звуки медных инструментов подражали ее стонам и крикам. Все участвовавшие в мистерии, подражая скитаниям богини, бродили во тьме; вокруг них раздавались неопределенные звуки, слышались таинственные голоса, вселявшие в них мистический ужас. Но лишь только находили Персефону, сцены веселья и радости, яркий свет, пение хоров и танцы сменяли мрак и ужас. Эти внезапные переходы от мрака к свету, от горя к радости изображали для посвященных переход от ужасов мрачного Тартара к радостному блаженству Елисейских полей и являлись таким образом как бы символом бессмертия души и награды, обещанной праведникам. Бессмертие души изображалось превращением хлебного зерна, которое, брошенное в землю и как бы предназначенное к гниению, возрождается к новой жизни в виде колоса. Время, проведенное Де-

метрой в поисках дочери, является для человечества благодатным временем: она щедро одарила всех оказавших ей гостеприимство в дни ее печальных скитаний. Одним она даровала злаки, другим — винные ягоды, третьих научила собирать жатвы, четвертых — печь хлеба. Но щедрее всего наградила она Элевсин, куда она однажды пришла измученная и голодная и была радушно принята Келеем. Войдя к нему

Рис. 75. Флора.
С помпейской живописи

в дом, она застала жену его Метаниру всю в слезах у колыбели больного ребенка, которого звали Триптолемом. Деметра берет ребенка и целует его — жизнь и здоровье тотчас же возвращаются к нему. Богиня проводит у Келея некоторое время, она полюбила ребенка и хочет его сделать бессмертным; для этого она кладет его в огонь, чтобы очистить его от всех грехов человечества, но мать в ужасе вырывает ребенка из ее рук. Деметра тогда объясняет ей, что она своим вмешательством лишила сына бессмертия, но так как богиня держала его на руках, то он удостоится божественных почестей, будет первым землепашцем и первый соберет плоды своих трудов. Она посылает Триптолема на колеснице, запряженной драконами, разезжать по всей земле и учить людей земледелию. Всюду встречают его радостно, и везде он — желанный гость. В элевсинских таинствах Триптолем, вернувшийся к жизни от поцелуя богини, олицетворяет труд землепашца, побеждающего бесплодие земли с божественной помощью Деметры. Ему воздвигли храм в Афинах, рядом с храмом Деметры. Миф о Триптоleme часто воспроизводится на памятниках искусства древних веков (см. рис. 74).

В мифологии римлян являются еще несколько богов и богинь, олицетворяющих растительное царство. Они все второстепенные боги и интересны только по сохранившимся изображениям. Флора считалась богиней цветов; ее живописное изображение сохранилось на стене одного из домов в Геркулануме, и многие античные статуи известны под

Рис. 76. Флора.
В Капитолийском музее в Риме

именем статуй Флоры, но подлинность их не может быть удостоверена, так как они все подверглись сильной реставрации. Между ними более известны Флора с венком на голове и букетом в руках (см. рис. 75) и колоссальная статуя Флоры в Капитолии, в Риме (см. рис. 76). Новейшие художники очень часто изображали эту богиню, чаще же всех Рубенс, а французский художник Пуссен написал «Триумф Флоры». Эта картина считается одним из лучших его произведений и находится теперь в Лувре. В честь Флоры были учреждены особенные праздники, называемые флоралиями. Их праздновали от 28 апреля по 3 мая; в эти дни двери домов украшались венками, все предавалось веселью и разгулу, и женщины одевались в разноцветные платья, что было запрещено в другое время.

Сильван считался лесным богом, но вместе с тем он был и богом полей. Деревья лесов и лугов, вся растительность пашен и садов находились под его покровительством. В честь него праздновали осенью праздник жатвы, ему приносили в жертву молоко, древесные плоды, виноград и ко-

Рис. 77. Сильван.
С античного барельефа

лосья. Плотники, столяры и вообще все ремесленники, выделявавшие деревянные изделия, почитали его и признавали его своим покровителем. Ему строили храмы в лесах, и ремесленники устраивали несколько раз в году торжественные процессии, завершавшиеся жертвоприношениями на его алтарях. Его изображали всегда с серпом в одной руке и с веткой в другой (см. рис. 77).

Вертумн был богом овощей и фруктов; он назывался также богом превращений, как бы намекая этим на превращения, которым подвергаются плоды до их созревания. Изображали его в виде статного и сильного мужчины с бородой и венком из листьев на голове, а в руках он держит рог изобилия, наполненный плодами (см. рис. 78). На Авентинском холме находился его жертвенник, на котором ему приносились жертвы, когда начинали созревать плоды. Благодаря своим превращениям он победил сердце богини фруктовых садов — Помоны, и она стала его супругой. Почти не сохранилось древних изображений этой богини. Но скульпторы XVIII века воспроизводили очень часто в своих группах Помону и Вертумна.

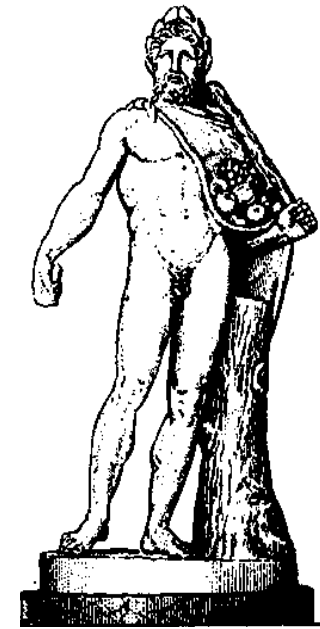
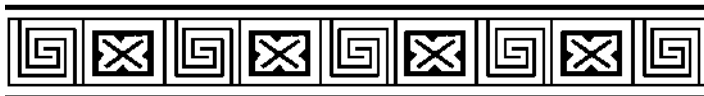

Рис. 78. Вертумн.
С античной статуи

АПОЛЛОН

Рождение Аполлона и Дианы. — Латона и змей Пифон. — Карийские крестьяне. — Аполлон Феб. — Тип Аполлона.

Аполлон и Артемида (Диана) были детьми Юпитера и титаниды Латоны (Лето). Ревнивая Юнона, преследуя Латону, упростила Гею (Землю) не давать ей нигде пристанища и таким образом помешать ей произвести на свет Аполлона и Диану. Но Нептун из сострадания к Латоне выдвинул из моря остров Делос, который, не прикрепленный к морскому дну, плавал по морю и, как не принадлежащий к матерiku, не находился под властью Геи. И тут-то в продолжение девяти дней и ночей Латона испытывала ужасные мучения, а жестокая Юнона не отпускала к ней на помощь своей дочери Илифии, богини родов. Наконец, все богини Олимпа сжалились над несчастной и послали легконогую Ирис (радугу) умолять Илифию прийти помочь Латоне. Лишь только богиня родов прибыла на остров Делос, как тотчас же появился на свет Аполлон, а затем Артемида. Прекрасный эскиз Флаксмена изображает Илифию, стоящую перед Латоной, которая держит на коленях своих детей (см. рис. 79).

Мстительная Юнона не может никак простить Латоне того, что она своей красотой прельстила Юпитера, и продолжает ее преследовать и после рождения детей; она подговаривает страшного дракона Пифона, сына Геи, не давать покоя несчастной Латоне, которая спасается от него бегством, неся на руках своих детей. На одной антич-

Рис. 79. Аполлон, Диана и Латона. По Флаксмению

ной вазе Пифон изображен в виде огромной змеи, почти настигающей убегающую Латону (см. рис. 80). Не находя нигде пристанища, Латона, спасаясь постоянно от новых преследований Юноны, прибыла в Карию. Мучимая сильной жаждой, она подошла к озеру с намерением утолить ее, но поселяне, прибежавшие с соседних полей, не позволили ей напиться и велели тотчас же уходить. Напрасно упрашивала она, хотя бы ради детей, позволить ей зачерпнуть хоть несколько капель воды; они не поддались на ее просьбы, а стали гнать, угрожая ей палками. Тогда гнев овладел Латоной; вспомнив, что она — богиня и может своей властью покарать жестоких людей, она превращает их в лягушек. Рубенс и Альбано написали на эту тему прекрасные картины; одна из них находится в Мюнхене, а другая в Лувре. Скульпторы также пользовались не раз этим сюжетом, воспроизводя его в группах, украшающих фонтаны и бассейны.

Аполлон называется Фебом (лучезарным), когда он олицетворяет солнце. Стрелы Аполлона пролетают огром-

*Рис. 80. Латона,
преследуемая
змеем Пифоном.
С античной
живописи на вазах*

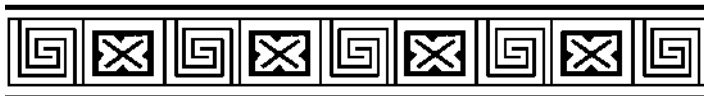
ное пространство, потому что солнце раскидывает свои лучи очень далеко; он — бог-прорицатель, потому что солнце, освещая свой путь, должно видеть все, что произойдет и происходит; он — покровитель муз и бог вдохновения, потому что солнце, неизменно совершая свой путь, устанавливает этим и поддерживает гармонию всей природы; он — бог-исцелитель, потому что солнце исцеляет болезни своим благодатным теплом. Аполлон, как олицетворение солнца, является в древних мифах самым прекрасным из богов; он — победитель тьмы и злых духов, бог света и жизни; он — друг и покровитель всего прекрасного и доброго и ненавидит все нравственно скверное, все нечистое и безобразное в природе. Искусство изображало его в самых разнообразных видах. Самые примитивные его изображения — конические столбы, поставленные на больших дорогах. Эти столбы напоминали о нем как о боге-покровителе и исцелителе; повешенное на них оружие указывало на то, что он — бог-мститель, награждающий и наказывающий; когда же столбы украшались лирами, они должны были изображать Аполлона как бога гармонии, возвращающего покой тревожным душам. Тип Аполлона Амиклейского, воспроизведенный на старинных монетах, может дать наглядное понятие о том, какие были первые

*Рис. 81. Аполлон
Амиклейский*

изображения этого бога в эпоху архаическую (см. рис. 81). В последующие эпохи тип этот сильно изменяется: Аполлон всегда изображается с длинными кудрями, разделенными посреди пробормом, выражение лица открытое, энергичное, гордое и вместе с тем нежное, формы стройные, гибкие, выражают силу и здоровье. Его изображают безбородым и вечно юным, потому что солнце никогда не стареет. На одной из многочисленных античных статуй, сохранившихся до наших дней, он изображен опирающимся о ствол дерева, по которому ползет ящерица, потому что первые теплые лучи солнца пробуждают ящерицу от спячки. На другой не менее знаменитой статуе он представлен держащим лиру в руках, а подле него стоит грифон, изображение которого часто встречается рядом с фигурой Аполлона.

ТРЕНОЖНИК АПОЛЛОНА

*Дельфы — центр вселенной. — Аполлон — победитель
Пифона. — Оракул и рок (судьба). — Эдип. — Сфинкс. —
Эдип и Антигона.*

Солнце видит все происходящее раньше человечества, потому что оно освещает все своими лучами; вот почему Аполлон предвидит будущее и предсказывает его людям. Дар предсказания — одно из главных качеств Аполлона. Оракул, изрекавший смертным его предсказания, находился в его храме, в Дельфах. В древние века этот город считался центром земли, потому что, как гласит одно сказание, Юпитер выпустил однажды с двух противоположных концов вселенной двух голубей, и они встретились в Дельфах. Оракул сначала принадлежал Гее, которая приказала сыну своему, дракону Пифону, охранять его, почему и город назывался иногда у греков Пифо. Аполлон убил чудовище, некогда преследовавшее его мать; он на нем первом испытал свои смертоносные стрелы. По словам поэтов, бог солнца победил Пифона, будучи еще ребенком, но, без сомнения, рост богов подчиняется другим законам, нежели рост простых смертных, потому что скульпторы, изображая победу Аполлона над драконом, представляли его в виде юноши, достигшего полного развития. Таким он изображен на одном из величайших художественных произведений античного мира — на статуе, известной под названием Аполлона Бельведерского. Она была найдена в конце XV века и приобретена папой

Юлием II, который поставил ее в садах Бельведера; теперь она находится в Ватиканском музее (см. рис. 82). С тех пор как эта статуя стала известна и до наших дней она не перестает возбуждать восторги и восхищение художников и ценителей искусства.

Победив Пифона, Аполлон и хор дельфийских дев впервые пропели победную песнь — пеан. Затем, сняв с дракона шкуру, бог обернул ею треножник, на котором сидела пифия, передававшая ответы оракула. Этот оракул считался самым важным в Греции; простой случай открыл его место. Козы, бродя по склонам Парнаса, подошли к отверстию в земле, из которого подымались испарения; они так сильно подействовали на коз, что с ними тотчас же сделались судороги.

Прибывавшие пастухи почувствовали и на себе действие этих испарений: ими овладело какое-то исступление, во время которого они испускали пронзительные крики и пророчествовали. Над этим отверстием поставили треножник деревянный, резной, украшенный золотом, и на нем помещалась пророчествовавшая жрица пифия. Она всходила на треножник после разных омовений и очищений, облаченная в длинные одежды, и, возбуждаемая выходящими из земли парами, произносила прорицания, которые передавались жрецами в стихотворной форме. Эти изречения отличались загадочностью и запутанностью; они большей частью давались в символической форме. Впоследствии, когда один философ задал вопрос, почему бог поэзии изрекает свои пророчества в таких плохих стихах, оракул стал передавать их прозой.

*Рис. 82. Аполлон
Бельведерский.
С античной
статуи
в Ватикане в Риме*

Вера в то, что оракул может безошибочно предсказывать будущее, способствовала еще сильнейшему развитию в древние века веры в предопределения судьбы, или рока, и в то, что ничто не может спасти человека от раз предназначенной ему оракулом судьбы, какие бы он ни делал попытки, чтобы избавиться от нее. Яснее всего выражена эта вера в предопределение в мифе об Эдипе. Царь фиванский Лай, вступив на престол, обратился к Дельфийскому оракулу, умоляя Аполлона даровать ему сына, но бог ему ответил, что пусть он не желает иметь детей, а если у него все же родится сын, то он погибнет от его руки, и всю его семью постигнет страшное несчастье. Когда же у Лая родился сын Эдип, он, помня предсказание оракула, отдал его пастухам, предварительно связав и проколов ему ноги, и приказал отнести и покинуть его на вершине горы Киферон, посвященной эриниям. Соседние пастухи нашли ребенка и отнесли его к бездетному царю Полибу и жене его Мeroпе (Медузе). Они стали его воспитывать как сына, и Эдип считал их своими родителями. Прекрасная статуя Шодэ в Лувре изображает пастуха Форбаса, кормящего Эдипа (см. рис. 83).

Когда Эдип из ребенка превратился в юношу, он однажды на пиру услышал, как один из присутствующих назвал его найденышем. Тогда он принялся расспрашивать Полиба и Меропу, но они не захотели открыть ему тайны его происхождения, и Эдип решил обратиться к Дельфийскому оракулу, прося Аполлона назвать его отца. Но бог также не открыл ему его происхождения, а предсказал ему, что он убьет родного отца и женится на родной матери, будет иметь от нее детей и станет таким образом родоначальником несчастного и преступного рода. Напуганный этим предсказанием Эдип не решился вернуться к тем, кого продолжал считать своими родителями, надеясь, что таким образом избегнет предопределения судьбы. Он отправился в Фивы; по дороге, в одном узком проходе, он встретился

с колесницей неизвестного ему отца его, Лая. Возница, управлявший лошадьми колесницы, громко и дерзко приказывает Эдипу сойти с дороги, но он не слушается этого приказания, и между ними возгорается борьба, в которой принимает участие и Лай. Эдип убивает его и становится, таким образом, ничего не подозревая, убийцей своего отца. Только один из рабов, сопровождавших несчастного царя фиванского, избежал смерти; это был тот самый пастух, которому было поручено отнести Эдипа на вершину Киферона. Он возвратился в Фивы и, стыдясь сознаться, что их победил один человек, рассказал, что на них напали разбойники и убили царя.

Но фиванцам было не до того, чтобы искать и преследовать этих убийц: ужасный Сфинкс, сын Эхидны и Тифона, по повелению Марса, оскорбленного фиванцами, поселился на скале у проезжей дороги, задавал всем прохожим загадки и убивал всех не сумевших их разгадать. Много людей уже погибло таким образом, ужас объял всю страну, все жители города облачились в траурные одежды. Тогда Креонт, брат царицы Иокасты и правитель царства после смерти Лая, объявил, что отдаст тому, кто избавит страну от Сфинкса, престол и руку овдовевшей царицы. Является Эдип, и чудовище задает ему следующую загадку: «Какое это животное, которое ходит утром на четырех ногах, в полдень на двух, а вечером на трех?» «Это человек, — ответил ему Эдип, — в детстве он ползает на четвереньках, затем ходит на двух ногах, а под старость опирается на палку — вот его третья нога». По-

Рис. 83. Пастух Форбас, кормящий Эдипа.
Группа Шодэ
в Луврском музее

Рис. 84. Сфинкс.
С античной
монеты

бежденный Сфинкс бросился со скалы в море и скрылся навсегда. Надо полагать, что этот греческий мифологический Сфинкс есть как бы воспоминание о египетском Сфинксе, хотя искусство изображает его в совсем ином виде. На монетах он является в виде крылатой львицы с головой и грудью женщины (см. рис. 84). На одной античной камее изображен Сфинкс сидящим на скале; перед ним стоит Эдип, отвечающий на его вопросы; человеческие кости, разбросанные кругом, красноречиво напоминают о том, что ожидало несчастных, не разгадавших загадок (см. рис. 85). Из новейших художников Энгр написал на эту тему прекрасную картину.

Эдип стал таким образом царем фиванским и мужем своей матери; от этого брака рождаются четверо детей. Проходит несколько лет счастливого царствования Эдипа; народ, видя в нем мудрого и доброго царя, любит и почитает его.

Но боги не могут оставить безнаказанно преступления; они уж и так слишком долго дозволили отцеубийце занимать престол его отца. Карающий Аполлон насыляет мор и голод на страну; народ обращается к Эдипу, избавившему его от Сфинкса, прося избавить и от этих бед. Главный жрец храма Юпитера от лица всего народа умоляет Эдипа спасти всех, он говорит: «Ты видишь, толпы окружают твой дворец; смотри, тут и дети, едва умеющие стоять на ногах, тут старцы, согбенные под гнетом лет, и цветущая юность. Остальной твой народ, неся оливковые ветви в руках, направился в храмы Афины Паллады и Аполлона молить о пощаде, потому что на наш город обрушилась буря, и он затоплен морем крови. Смерть поражает зародыши плодов в недрах земли, она поражает стада и губит детей

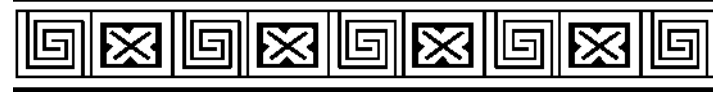
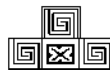
во чреве матери. Страшное и враждебное божество Чума опустошает нашу страну и уничтожает народ, а мрачный Плутон обогащается нашими слезами и стонами. Ты, избавив нас с помощью богов от жестокого Сфинкса, стал с тех пор нашим защитником; мы и теперь умоляем тебя, Эдип, спаси нас от всех этих бед» (Софокл). Эдип, желая узнать, почему боги так карают фиванцев, послал спросить об этом Дельфийского оракула, который ответил, что несчастья и беды прекратятся только тогда, когда они изгонят из своей страны убийцу царя Лая. Получив такой ответ, Эдип тотчас же принялся разыскивать повсюду убийцу, ужасаясь при мысли о том, что один человек может навлечь на страну столько бедствий. Он издал следующее повеление: «Кто бы ни был этот человек, я запрещаю каждому жителю страны, где я царствую, принимать его, говорить с ним, позволять ему приносить священные жертвы, подавать ему очищающую воду. Пусть все изгонят его из своих жилищ, ибо он бич страны, — так повелел мне оракул бога, почитаемого в Дельфах, и, поступая так, я повинуюсь богу и мщу за смерть царя. Я проклинаю тайного преступника, и пусть он изгнанником влачит свою несчастную жизнь вдали от родины» (Софокл). Все поиски оказались, однако, напрасными; тогда Эдип посылает за слепым прорицателем Тиресием, обладающим даром понимать даже голоса птиц. Но Тиресий колеблется открыть царю истину, несмотря даже на его угрозы. Эдип, припоминая совершенное им убийство незнакомого старика по дороге в Фивы, начинает подозревать, не он ли сам — убийца Лая; он призывает спасшегося тогда раба, начина-

Рис. 85. Эдип перед Сфинксом.
С античной камеи

ет его допытывать и узнает страшную истину, а также и свое происхождение. Иокаста слышит слова раба; объята ужасом, спешит она в свои покои и убивает себя. Эдип, узнав об этом, идет к ней, снимает с нее ее золотые пряжки и ими выкалывает себе глаза. Сыновья его, Этеокл и Полиник, желая завладеть престолом, прогоняют несчастного слепого, который, лишенный всего, даже средств к пропитанию, отправляется вместе с дочерью Антигоной, не покинувшей его в несчастье, искать приюта в чужой стране.

Антигона трогательно заботится о слепом отце; она — его единственная поддержка в изгнании, и имя ее является даже и в наши дни синонимом детской любви. Эдип находит наконец пристанище у Тесея, а между Этеоклом и Полиником возгорается страшная вражда; каждый из них хочет завладеть престолом отца. Для того чтобы положить конец этим распрям, они обратились к Дельфийскому оракулу, который ответил, что престол останется за тем, кто вернет в страну изгнанного Эдипа. Сыновья тотчас же послали за ним, умоляя его вернуться, но Эдип ответил им следующим образом: «Сыновья мои могли мне когда-то помочь, но не сделали этого, и я должен был скитаться нищим и изгнанником. Мои дочери, насколько им позволяет слабость, присущая их полу, добывают мне пищу и окружают меня своими попечениями. Сыновья же предпочли меня изгнать и овладеть престолом. Никогда не возвращусь я к ним; пусть они не рассчитывают на это, и никогда не владеть им мирно царством Кадма. Пусть боги никогда не прекращают распрей тех, кто допустил изгнание отца, не защитив его» (Софокл). Эдип проклял своих сыновей и умер в Аттике; по словам Павсания, его могила находилась невдалеке от Афин.

ЛИРА (КИФАРА) АПОЛЛОНА

Лавры Аполлона. — Превращение Дафны. — Отчаяние нимфы Клитии. — Лира и флейта. — Силен Марсий. — Наказание Марсия. — Уши царя Мидаса.

Лавры, которыми венчают поэтов и победителей, обязаны своим происхождением превращению нимфы Дафны в лавровое дерево. Об этом сложился следующий миф. Гордясь только что одержанной победой над Пифоном, Аполлон встречает сына Венеры — Эрота (Купидон, Амур), натягивающего тетиву своего лука, и посмеивается над ним и его стрелами. Тогда Эрот решает отомстить Аполлону. В его колчане находятся различные стрелы: одни вселяют в раненном ими любовь и страстное желание, другие же — отвращение. Бог любви знает, что в соседнем лесу живет прелестная нимфа Дафна; он знает также о том, что Аполлон должен пройти через этот лес, и он ранит насмешника стрелой любви, а Дафну — стрелой отвращения. Лишь только Аполлон увидел прекрасную нимфу, он тотчас же вспылал любовью к ней и подошел к ней, чтобы рассказать ей о своей победе, надеясь таким образом победить ее сердце. Видя, что она не слушает его, он, желая во что бы то ни стало прельстить ее, стал ей говорить, что он — бог солнца, почитаемый всей Грецией, могущественный сын Юпитера, целитель и благодетель всего рода человеческого. Но нимфа, чувствуя к нему отвращение, быстро убегает от него; она пробирается сквозь чащу лесов, перепрыгивает через камни и скалы; Аполлон следует за ней, умоляя выслушать его. Наконец

Дафна добирается до реки Пеней; она просит речного бога, ее отца, лишить ее красоты и тем спасти от преследований ненавистного ей Аполлона. Речной бог внял ее просьбам: она начинает чувствовать, как члены ее немеют, тело покрывается корой, волосы превращаются в листья, ноги ее прирастают к земле: она превратилась в лавровое дерево. Прибежавший Аполлон дотрагивается до дерева и слышит еще биение ее сердца. Он из веток дерева сплетает венок и украшает им свою золотую лиру — кифару.

В Геркулануме сохранилось несколько живописных изображений превращения Дафны. Из новейших художников скульптор Кусту изваял две прекрасные статуи, изображающие бегущую Дафну и преследующего ее Аполлона. Обе эти статуи находятся в Тюильрийском саду (см. рис. 86). Из живописцев писали картины на этот сюжет Рубенс, Пуссен и Карло Маратте. Современные исследователи мифов полагают, что Дафна олицетворяла зарю; поэтому древние греки, желая выразить, что зоря скрывается (гаснет), лишь только появляется солнце, поэтически говорят: прекрасная Дафна убегает, лишь только Аполлон хочет к ней приблизиться.

Аполлон в свою очередь отверг любовь нимфы Клитии. Несчастливая, страдая от его равнодушия, проводила дни и ночи в слезах, не принимая никакой пищи, кроме росы небесной. Глаза ее были постоянно устремлены на солнце

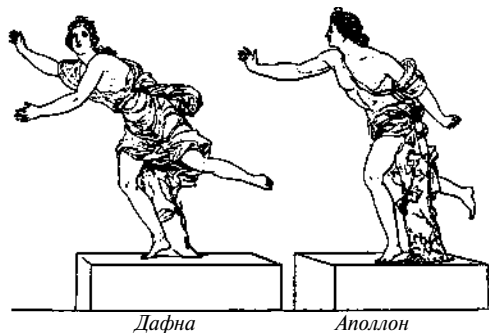

Рис. 86. Статуи
Гильома Кусту
в Тюильрийском
саду

и следили за ним до заката. Мало-помалу ноги ее превратились в корни, а лицо — в цветок подсолнечника, который и до сих пор продолжает повертываться к солнцу: даже и в этом виде нимфа не перестает любить лучезарного Аполлона.

Ли́ра (кифа́ра) — всегдашняя спутница Аполлона, бога гармонии и поэтического вдохновения, и, как таковой, он носит наименование Аполлона Мусагета и изображается художниками увенчанным лаврами в длинной ионической одежде и с лирой в руках. Ли́ра, точно так же как колчан и стрелы, — его отличительные признаки. Для греков ли́ра была инструментом, олицетворяющим национальную музыку, в противоположность флейте, олицетворявшей фригийскую музыку.

Фригийский силен Марсий нашел флейту, которую бросила Афина, увидав однажды, как искажается ее лицо, когда она на ней играет. Марсий довел искусство игры на флейте до высокого совершенства. Гордясь своим талантом, он осмелился вызвать Аполлона на состязание, и было решено, что побежденный будет совершенно во власти победителя. Музы были выбраны судьями этого состязания; они решили в пользу Аполлона, одержавшего таким образом победу. Он привязал побежденного Марсия к дереву и содрал с него кожу. Сатиры и нимфы пролили столько слез о несчастном фригийском музыканте, что из этих слез образовалась река, названная потом его именем. Аполлон приказал повесить кожу Марсия в пещере, в городе Келены. Предание рассказывает, что она трепетала как бы от радости, когда в пещере раздавались звуки флейты, и оставалась неподвижной, когда играли на лире.

Казнь Марсия очень часто воспроизводилась художниками. В Лувре находится прекрасная античная статуя, изображающая Марсия, привязанного за вытянутые руки к дереву; под ногами у него голова козла. Состязание Аполлона с Марсием послужило также сюжетом для многих картин, из новейших пользуются известностью картины Рубенса. Соперничество между Западом и Востоком проявлялось

в мифах в самых разнообразных формах, но чаще всего в виде музыкального состязания. Миф о Марсии оканчивается очень жестоко, что вполне соответствует диким нравам первобытных народов. Впрочем, и последующие поэты как будто не поражаются жестокостью, проявленной богом музыки. Комические поэты очень часто выводят Марсия в своих произведениях. Он является в них типом самонадеянного невежды. У римлян этому мифу было придано совершенно иное значение: его признавали за аллегория неумолимого, но справедливого правосудия, и вот почему его так часто воспроизводят на памятниках искусства. Статуи Марсия ставились на всех площадях, где происходили судьбища, и во всех римских колониях — в зданиях судов.

Подобное же состязание, но окончившееся более легким и остроумным наказанием, состоялось между Аполлоном и Паном. Все присутствовавшие на нем высказались за игру Аполлона и признали его победителем, один только Мидас оспаривал это решение. Мидас был тот самый царь, которого боги уже однажды наказали за его непомерную жадность к золоту. Теперь же разгневанный Аполлон за непрошеную критику превратил его уши в длинные ослиные. Мидас тщательно их скрывал под фригийским колпаком; один только брадобрей знал об этом, и ему было запрещено под страхом смертной казни говорить об этом кому бы то ни было. Но тайна эта страшно тяготила душу болтливого брадобрея, он отправился на берег реки, выкопал яму и несколько раз произнес, наклоняясь над ней: «У царя Мидаса ослиные уши». Затем, тщательно закопав яму, он ушел облегченный домой. Но на том месте выросли тростники, и они, колеблемые ветром, шептали: «У царя Мидаса ослиные уши», и тайна эта стала известна всей стране. В Мадридском музее находится картина Рубенса, изображающая «Суд над Мидасом».

МУЗЫ

*Юпитер и Мнемосина. — Отличительные признаки муз. —
Дочери Пиера. — Музы — победительницы сирен.*

Музы первоначально были не что иное как воодушевляющие нимфы источников, они одаряли людей поэтическим талантом и научали их ритмическому размеру в стихах. Число их также подвергалось изменениям. Вначале упоминается только о трех музах: Мелета — размышление, Мнема — память и Айода — песня. По Гесиоду, их девять сестер, они все дочери Юпитера и Мнемосины (память). Музы родились у подножия Олимпа, это прекрасные девы, сердца их чисты и девственны, у них дивные голоса, и они поют на пирах богов гармоничные песни, увеселяя богов. Они поют также о божественных обязанностях обитателей Олимпа и о великих, непреодолимых законах природы. Музы вдохновляют поэта и вливают песни в его душу. «Когда эти дочери великого Юпитера хотят наделить смертного талантами, они, лишь только избранник их родится, начинают кормить его нежной небесной росой, и из уст его льются слова сладкие, как мед» (Гесиод). Они любят и покровительствуют поэтам и певцам, которые признают, что

*Рис. 87. Муза Терпсихора.
С античной камеи*

Рис. 88. Эрато
и Амур.
С античной камеи

только им они обязаны своими талантами, и наказывают дерзких, воображающих, что могут состязаться с ними в пении. Им воздавались большие почести, и культ их был распространен повсюду. Для того чтобы понять, почему их так почитали, надо вспомнить, что в древние века поэзия являлась могущественным фактором цивилизации. Впоследствии распространили влияние муз на все отрасли искусства и наук; каждой из них отвели определенный круг деятельности и каждой придали особенные отличительные атрибуты. Клио, муза истории, изображалась со свертком пергамента в руке; Каллиопа, муза эпоса, в мечтательной позе держит в руках навошенные дощечки и острую палочку (stylos). Трагическая маска, вакхический венок, котурны — вот отличительные признаки Мельпомены, музы трагедии; иногда ей придают атрибуты Геркулеса для выражения ужаса, а вакхический венок должен напоминать, что трагедии разыгрывались впервые на празднествах Вакха (Диониса). В Лувре находится прекрасная античная статуя Мельпомены. Терпсихора — муза танцев, она увенчана лаврами и ударяет по струнам большой лиры вроде арфы, оживляя и вдохновляя этими звуками танцующих (см. рис. 87). Комическая маска, венок из плюща, пастуший посох, тимпанон (род гуслей) — обычные атрибуты Талии, музы комедии и буколической поэзии. Эрато — муза любовной поэзии и мимики, она держит в руках легкую, небольшую лиру; очень часто рядом с ней изображали Эрота (Амура) (см. рис. 88). Эвтерпа изображалась всегда с флейтой, она — муза лирической поэзии и музыки. Полигимния, или Полигимния, — муза красноречия и гимнов, у нее нет никаких атрибутов, но ее легко узнать среди ее сестер по задумчивому взгляду

Клио Талия Эрато Эвтерпа

Рис. 89. Саркофаг муз. Античный барельеф в Луврском музее

Полигимния Каллиопа Терпсихора Урания Мельпомена

Рис. 90. Саркофаг муз. Античный барельеф в Луврском музее

и по тому, что она опирается о скалу. Наконец, Урания — муза звездоведения (астрономии), у ног ее находится глобус, а в руках палка-радиус, который употреблялся древними астрологами для указания звезд, видимых на небесном своде.

Первоначальный культ муз явился у древнего племени фракийских певцов, которые жили в Пиэрии, у Олимпа, а затем переселились в Беотию, близ горы Геликон. Эта гора, как и Парнас, была любимым местом пребывания муз. Там находились прекрасные тенистые рощи, прохладные пещеры и прозрачные источники Аганиппа и Гиппокрена, посвященные им.

На многих античных памятниках искусства Аполлон изображается в сопровождении девяти муз. Этот же сюжет

Рис. 91. Сирена

часто воспроизводится художниками эпохи Возрождения. В Лувре находится известная картина Мантеньи «Парнас», на ней изображен Аполлон, заставляющий танцевать муз под звуки своей лиры в присутствии Марса, Венеры и Амура. Рафаэль в своей знаменитой фреске в Ватикане представил Аполлона среди муз. На картине Джулио Романо бог поэзии сам танцует с музами. На саркофагах очень часто изображались музы, так же, как и театральные маски, потому что древние смотрели на жизнь как на роль, которую люди играли как бы мимоходом на земле, и тот, кто исполнял хорошо свою роль, попадал на острова Блаженства (Праведных). Прекрасный саркофаг, известный под названием саркофага муз, находящийся теперь в Лувре, был открыт в XVIII веке при раскопках вблизи Рима. На нижнем барельефе находится прекрасное изображение девяти муз с их атрибутами (см. рис. 89 и 90).

Музы так же, как и Аполлон, не оставляли безнаказанными тех, кто осмеливался с ними состязаться. У царя македонского Пиера было девять дочерей, которые так гордились своими музыкальными способностями, что решились вызвать Муз на состязание. Они стали воспевать бой богов с великанами, осмеивая первых за то, что многие из них превратились в зверей, чтобы спастись от страшного Тифона. Слыша это, музы и их спутницы пришли в негодование, но так как нимфы всей страны были приглашены на это состязание, то пришлось и музам петь. Каллиопа, настроив свою лиру, запела о таинственном похищении Персефоны и о горе Деметры. Нимфы единогласно признали ее победительницей, но Пиериды не захотели признавать решения тех самых нимф, которых они же избрали своими судьями, и забылись до того, что пытались ударить божественных муз. Кара не замедлила последовать: они были превращены в сорок.

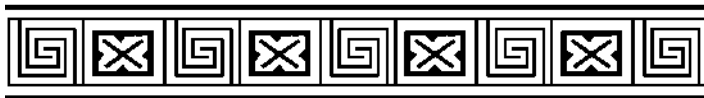

Рис. 92. Сирена

Сохранив и в этом виде их врожденную болтливость и тщеславие, они стали оглашать леса и поля своими резкими криками. Этот миф прекрасно характеризует страстность и озлобление соперничающих между собой художественных школ.

У муз явились также и другие соперницы — сирены, их называли музами смерти. На примитивных памятниках искусства они изображались с головой и руками женщины и с туловищем птицы (см. рис. 91). В последующих же изображениях их представляли в виде женщин с крыльями и лапами птиц (см. рис. 92); боги им дали крылья и факел, когда они отправились разыскивать Персефону. Сирены славились нежностью и мягкостью голоса, их пение привлекало всех. Они проводили большую часть своей жизни, лежа на скалах и принося гибель мореплавателям, которых заманивали своими песнями к подножию этих скал. Гомер называет сирен очаровательницами, прельщающими всех мужчин, которые отваживались послушать их пение. «Кто по неосторожности остановится и будет прислушиваться к пению сирен, тот не увидит больше ни жены, ни возлюбленных детей: сирены очаруют его своими гармоничными голосами и погубят. Вокруг этих очаровательниц валяются кости и высохшие остовы их жертв» («Одиссей»). Сирены осмелились состязаться с музами, но были ими побеждены и безжалостно ошипаны. В воспоминание этой победы музы часто изображались с перьями на голове. Несчастные, ошипанные сирены кинулись в воду от стыда и горя, — вот, быть может, та причина, почему новейшие художники смешивают их с тритонидами и изображают их в виде женщин с рыбьими хвостами.

ОРФЕЙ

Ли́ра Орфе́я. — Орфе́й и Эвриди́ка. — Орфе́й в аду. — Орфе́й, растерза́нный вакханка́ми.

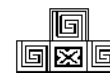
Музы — богини-девственницы; они любят только поэзию и музыку. Венера спросила однажды своего сына Эроса, почему он не ранит муз своими стрелами. Он ответил ей: «Я их уважаю, потому что они достойны уважения; они всегда погружены в раздумье, всегда заняты новыми песнями, придумывают новые напевы. Но я часто приближаюсь к ним и слушаю их, очарованный их прелестными мелодиями» (Лукиан). Целомудренность нимф вошла в поговорку у древних народов, но, выражаясь аллегорически, называли великого поэта или музыканта сыном муз. Вот почему и Орфей называется сыном Каллиопы и Аполлона. Орфей олицетворяет то восхищение, которое вызывала музыка у первобытных народов. Его мелодичный голос и чарующая игра на лире производили повсюду чудеса. Мы уже упоминали о том, что корабль «Арго» сам спустился на воду, очарованный игрой Орфея, но этого мало: деревья наклонялись, чтобы лучше слушать божественного музыканта; реки переставали течь; дикие звери, ставшие внезапно ручными, ложились у ног его (см. рис. 93). Нимфа Эвридика была его женой. Орфей ее очень любил, и когда она, ужаленная змеей, умерла, поэт отправился в царство теней умолять Персефону вернуть ему ту, которая была ему так дорога. От звуков его лиры все препятствия исчезают сами собой. Тени

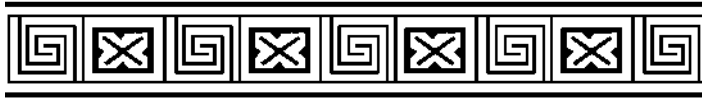

умерших прекращают свои занятия, они забывают свои терзания, чтобы принять участие в его горе. Сизиф прекращает свой бесполезный труд, Тантал забывает свою жажду, Danaиды оставляют в покое свою бочку, колесо несчастного Иксиона перестает вертеться. Фурии, и те даже тронуты до слез горем Орфея. Плутон, покоренный звуками печальной лиры Орфея, соглашается возвратить ему Эвридику, но с тем только условием, что он не взглянет на нее до тех пор, пока не выйдет из царства теней. Но в ту минуту, когда уже они прошли через все препятствия, когда им оставалось сделать лишь один шаг, чтобы выбраться из подземного царства, Орфей забыл свою клятву и обернулся, чтобы посмотреть на Эвридику. Она протягивает ему руки, Орфей хочет ее обнять, но она вновь исчезает в мрачном жилище Плутона, едва успев проститься с ним навеки. Потеряв таким образом по собственной вине Эвридику, Орфей провел семь дней на берегу Ахеронта в слезах и печали, отказываясь от всякой пищи; затем он удалился во Фракию, избегая людей и живя среди зверей, которых привлекали к нему его нежные, грустные песни. Вакханки открыли его убежище и старались заманить его к себе на свои веселые празднества, но Орфей, возненавидевший всех женщин, отверг с презрением их приглашение, и они, разгневанные его отказом, растерзали его на клочки. Сохранилось много античных камей, на которых Орфей изображен пленяющим звуками своего голоса и лиры диких зверей. Этот миф не раз вдохновлял и новейших художников.

Рис. 93. Орфей

СТРЕЛЫ АПОЛЛОНА

Юпитер и Антиопа. — Казнь Дирки. — Дети Ниобы.

Нимфа Антиопа, дочь реки или царя Асопа (Никтея), была женой царя фиванского Лика. Юпитер, прельщенный ее красотой, являлся к ней под видом сатира, и у нее родились от него два сына — Амфион и Зет. Отвергнутая мужем за такую неверность, Антиопа была заключена под стражу, а дети ее, брошенные на произвол судьбы, были подобраны пастухами, которые и воспитали их. Между тем Лик женился вторично на Дирке, начавшей жестоко преследовать Антиопу; она во время празднеств Вакха под предлогом принесения жертвы Вакху повелела привязать ее к рогам свирепого быка и пустить его на свободу. Амфион и Зет, присутствовавшие на празднике, узнали от воспитавших их пастухов, что хотят принести в жертву Вакху их мать, бросились на вакханок, прогнали их и освободили Антиопу, а вместо нее привязали к рогам быка Дирку, которую таким образом постигла та участь, на какую она обрекала ненавистную ей Антиопу. Прекрасная античная группа в Неаполитанском музее изображает казнь Дирки (см. рис. 94). Лик был также убит, и Амфион стал царем фиванским. Он первый воздвиг алтарь Меркурию, в благодарность за что бог подарил ему лиру. Предание рассказывает, что при звуках этой лиры поднялись камни и образовали стену вокруг Фив, и в этой стене было семь ворот, соответствовавших семи струнам лиры.

*Рис. 94. Казнь Дирки.
С античной группы
в Неаполитанском музее*

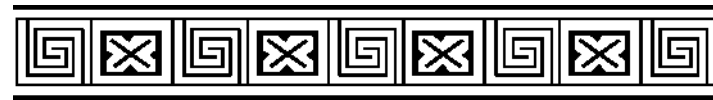
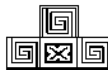
У Амфиона была жена Ниоба, дочь Тантала и сестра Пеллопа. Она была, подобно отцу, высокомерна и тщеславна. Гордясь своими многочисленными детьми, она осмелилась насмехаться над Латоной, у которой их было только двое. По словам Овидия, однажды, когда жрица Манто, дочь прорицателя Тиресия, созывает фиванских девушек и женщин в храм, чтобы принести там жертвы на алтарях Латоны, Ниоба появляется перед ними в царственной одежде, затканной золотом, и начинает отговаривать всех приносить жертвы богине, которую никто не видал и у которой только двое детей. Лучше воздавать ей, Ниобе, божеские почести: ведь Юпитер — ее дед, а Тантал, любимец богов, — ее отец, тогда как Латона — дочь простой титанки. Кроме того, у Ниобы растут семь прекрасных дочерей и семь храбрых сыновей. Женщины и девушки повинуются ей, и алтарь Латоны остается пустым. Оскорбленная Латона поручает своим детям — Аполлону и Диане — отомстить дерзкой Ниобе; у Аполлона ведь есть смертоносные стрелы, поражающие внезапно подобно молнии. И вот в один прекрасный день, когда Ниоба сидит, окруженная своими детьми, и любит

Рис. 95. Ниоба
и самая младшая из
ее дочерей.
С античной группы

их красотой, в воздухе раздается свист стрелы, и один из сыновей падает мертвым у ног ее. За ним следуют и остальные сыновья; их всех поразили стрелы Аполлона. Такой же участи подверглись и дочери Ниобы; они были убиты стрелами Дианы. Смерть детей была мгновенной; мать, отец и наставники видят, как они падают, пораженные стрелами, и не могут их спасти. Горе и ужас объяли несчастную Ниобу; она как бы окаменела; смертельная бледность покрывает ее лицо; глаза неподвижно усталились в одну точку; она вся превратилась в скалу. Но и в этом виде она может оплакивать своих детей, и слезы ее, накапливаясь, превращаются в источник, вытекающий из скалы.

Миф о Ниобе и ее детях был очень популярен в древние века. Многие скульпторы воспользовались им для своих статуй и групп, и многие из этих произведений считаются и до наших дней шедеврами скульптурного искусства. Плиний, описывая знаменитую античную группу «Ниоба и ее дети», не знает, кому ее приписать, — Скопасу или Праксителю (см. рис. 95 — часть группы), но кто бы ни был творец этой группы, она — выдающееся произведение искусства. Ее нашли при раскопках близ Рима, и она находится в музее во Флоренции. Во многих музеях, например в Мюнхене, находятся прекрасные отдельные статуи Ниобы и ее детей. Их также очень часто изображали на саркофагах для выражения скорби матери, у которой смерть внезапно похитила дитя. Этот миф олицетворял также в древние века неожиданные удары судьбы.

АПОЛЛОН И ЭСКУЛАП

Нимфа Коронида. — Рождение Эскулапа (Асклепия). — Аполлон у Адмета. — Аристей. — Змея Эскулапа. — Храм в Эпидавре. — Эскулап в Риме.

Аполлон — бог, карающий и насылающий в наказание на человечество чуму и разные бедствия; он же вместе с тем, как бог солнца, является и богом-исцелителем и исправителем бед. Но он передал свою целительную силу в руки сына своего Эскулапа (Асклепия), матерью которого была нимфа Коронида. Аполлон очень любил эту нимфу, но, узнав от ворона, что она ему изменила, в припадке ревности убил ее стрелой, а затем превратил ее в ворону. Болтливого же доносчика превратил из белого, каким он был до того времени, в черную, мрачную птицу. С тех пор обе эти птицы посвящены Аполлону. Коронида должна была произвести на свет ребенка, когда была поражена стрелой. Аполлон вынул из мертвой сына Эскулапа, которого отдал кентавру Хирону на воспитание. Дочь Хирона была пророчицей; она предсказала следующее Эскулапу: «Расти для блага мира, дитя. Многие смертные будут обязаны тебе жизнью. Ты будешь обладать даром даже воскрешать умерших. Но, сделав это раз против воли богов, ты навлечешь на себя гнев Юпитера, и его громовые стрелы поразят тебя» (Овидий). Это предсказание исполнилось: Эскулап воскресил, против воли властелина богов, Ипполита, пасынка Федры, и был за это поражен громовой стрелой Юпитера. После рождения Эскула-

па распространилась молва, что этот ребенок умеет исцелять больных и даже воскрешать мертвых. Действительно, Эскулапу приписывают много чудесных исцелений, но он главным образом прославился своим даром воскрешать мертвых.

Аполлон, разгневанный на Юпитера за то, что он убил его сына, взял свой лук и колчан и отправился убивать циклопов, которые были обязаны ковать громоносные стрелы. Юпитер изгнал его за это на землю, и, принужденный добывать себе пропитание как простой смертный, Аполлон нанялся к Адмету, царю Фессалии, пасти его стада. Он также условился вместе с Нептуном возвести стены вокруг Трои, но Лаомедонт отказался им заплатить, и разгневанный бог наслал на страну мор. Наконец, Юпитер, найдя, что Аполлон достаточно наказан, вернул его на Олимп.

У Аполлона был еще сын Аристей — от нимфы Кирены, которую бог увез из Фессалии в Ливию, на берег Средиземного моря. По ее имени назван там город Кирены. Аристей считался богом, покровительствующим стадам, но главная его обязанность заключалась в воспитании пчел и уходе за ними. На памятниках искусства он почти всегда изображается в виде пастыря; чаще всего несет он на плечах ягненка. Примитивные изображения Христа в римских катакомбах представляют Спасителя в виде доброго пастыря Аристее и с атрибутами этого последнего. Искусство придает всегда Эскулапу приятные и улыбающиеся черты. Он обыкновенно стоит, опираясь правой рукой на палку, вокруг которой обвивается змея; на голове у него повязка из ленты, придерживающая его довольно длинные волосы. Змея посвящена Эскулапу (см. рис. 96) и считается эмблемой медицины. Плиний объясняет это тем, что змея, сбрасывая кожу, как бы возрождается; точно так же возрождается и тело больного от лекарств. По словам же других писателей, Эскулап, наблюдая за змеями, открыл тайну воскрешать мертвых. Однажды, когда бог си-

дел у постели больного, явилась змея и обвилась около его палки. Он убил ее, но тотчас же появилась другая змея, неся во рту траву, натерла ею мертвую змею, которая тотчас же воскресла. Эскулап отыскал также эту траву и с тех пор часто и с успехом употреблял ее. В картине Герена «Жертвоприношение Эскулапу» изображен старик, которого дети подводят к статуе бога, а одна из его дочерей, стоя на коленях, наблюдает за змеей, голова которой поднялась над жертвенником.

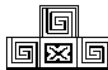
Рис. 96. Эскулап,
Гигея и Телесфор

В городе Эпидавре находился знаменитый храм, посвященный Эскулапу; его окружала священная кипарисовая роща. Целые толпы больных стекались туда со всех частей Греции, ища там исцеления от всевозможных немощей и болезней. Больные, являвшиеся просить совета у Эскулапа, подвергались предварительно посту, омовениям и очищениям. Затем они должны были провести ночь в храме, где бог появлялся им обыкновенно во сне и давал наставления, которые потом объяснялись и истолковывались жрецами этого храма. Культ Эскулапа был распространен по всей Греции. Ему воздвигали много храмов, которые обыкновенно строились около целебных источников. Животное, приносимое ему в жертву, был петух.

Римляне воздавали ему также большие почести, и когда страшная чума, свирепствовавшая в течение трех лет, грозила опустошить всю страну, верховные жрецы решили, что нет другого средства, как послать за Эскулапом в Эпидавр. Бог благосклонно выслушал посланных и отпустил с ними свою змею. Лишь только корабль со змеей прибыл в Рим, эпидемия тотчас же прекратилась.

Лукиан в своих диалогах («Dialogi deorum») очень остроумно описывает ссору Эскулапа с Геркулесом во время

пира богов на Олимпе. Юпитер, стараясь их примирить, говорит: «Перестаньте ссориться точно люди, — это недостойно и неприлично за столом богов». *Геркулес*: «Неужели же ты хочешь, Юпитер, чтобы этот отравитель сидел выше меня?» *Эскулап*: «Да, конечно, ведь я и стою больше тебя!» *Геркулес*: «Как так? Не потому ли, что Юпитер убил тебя своей громовой стрелой за то, что ты сделал то, чего не должен был делать?» *Эскулап*: «Ты, вероятно, забыл, как ты горел на костре на вершине горы Эты (Oeta)? Чего же ты винишь меня, что я тоже испробовал огня?» *Геркулес*: «Да разве мы с тобой вели одинаковую жизнь? Сын Юпитера, я исполнял самые тяжелые работы, очистил землю, боролся с чудовищами, наказывал злодеев, оскорблявших род людской. А ты кто? Собиратель трав, шарлатан, годный только на то, чтобы подавать лекарство больным и прикладывать пластыри. Ты никогда ни в чем не проявил мужества!» *Эскулап*: «Ты прав, но я же тебя вылечил от твоих ожогов, когда ты пришел сюда, весь покрытый ими. А затем, умалчивая обо всем прочем, я никогда не был рабом, как ты, я не сидел за прялкой, одетый в пурпуровое платье, меня не била Омфала своей золотой сандалией, и, наконец, я никогда в припадке исступления не убивал своей жены и детей» (Лукиан).

ГЕЛИОС, или СОЛНЦЕ

Гелиос и остров Родос. — Зодиакальные знаки. — Колесница Гелиоса. — Фазтон. — Кони Гелиоса. — Падение Фазтона.

Культ Гелиоса, или Солнца, вначале разнился от культа Аполлона, с которым его впоследствии отождествили. Гелиос, освещая всю вселенную, мог видеть все, что происходило на ней, даже самое сокровенное, поэтому его называли всевидящим и обращались к нему, желая что-либо узнать. Так, например, он открыл Вулкану измену Венеры; Деметре он рассказал о том, кто похитил Персефону. На одной из античных статуй Гелиос изображен в виде одетого юноши; в одной руке он держит шар, в другой — рог изобилия; подле него видны головы его коней (см. рис. 97). Знаменитый Колосс Родосский, между ног которого проходили свободно парусные суда, есть также не что иное, как изображение Гелиоса. Когда после свержения титанов олимпийские боги победили вселенную, Гелиос, не присутствовавший при дележе, был всеми позабыт; он стал жаловаться Юпитеру, и тот выдвинул со дна моря остров Родос, посвященный с тех пор Гелиосу.

Рис. 97. Гелиос (Солнце).
С античной статуи

Зодиакальный, или солнечный путь, есть то пространство неба, которое пробегает солнце на своей колеснице в течение года. Путь этот разделен на двенадцать частей, по числу месяцев в году и числу находящихся на этом пути созвездий, которые принято изображать в искусстве следующими знаками: Овен (апрель) в сопровождении голубя Венеры; Телец (май), подле него стоит треножник Аполлона; Близнецы (июнь), сопровождаемые черепахой Меркурия; Рак (июль) — за ним орел Юпитера; Лев (август) — около него корзина Деметры, ее обвивает змея; Дева (сентябрь), она держит два факела, а за нею шапка Вулкана; Весы (октябрь), их держит ребенок, и подле него волчица Марса; Скорпион (ноябрь) с собакой Дианы; Стрелец (декабрь) и лампа Весты с ослиной головой; Козерог (январь) и павлин Юноны; Водолей (февраль) и дельфины Нептуна; Рыбы (март) и сова Минервы. При этом полагали, что каждый из богов избирал охотнее всего своим местопребыванием именно то созвездие, которому приданы специальные атрибуты этого божества. Солнечный путь, по мифологическим сказаниям, совершенно не согласуется с принципами современной астрономии. По этим сказаниям Гелиос, выходя из реки Океан на востоке, достигал в полдень небесной вершины и затем направлялся к западу, к тому месту, за которым начиналось царство вечного мрака и которое носило название «Солнечные ворота». Там Гелиоса ожидал золотой челн, выкованный для него Вулканом, он ночью описывал по реке Океану полукруг и к утру вновь прибывал к тому пункту, откуда начинался его дневной путь. Лишь только Гелиос показывался на востоке, как тотчас же горы, в образе дев, открывали ему двери неба и впрягали в его колесницу крылатых коней, изрыгающих пламя. Дни, месяцы, годы, века вместе с горами составляли свиту Гелиоса, жилище которого — роскошный золотой дворец — находилось на самом дальнем востоке. Прекрасные тихие звезды меркли и скрывались

в лоно ночи при первом появлении этого лучезарного бога, а вершины гор, вершины деревьев и скалы, до которых дотрагивалась, пролетая, златоперстая Аврора (заря), румянились и золотились по мере приближения блестящей колесницы. В своей знаменитой картине Гвидо изобразил Гелиоса на колеснице, сопровождаемого горами и днями, а впереди колесницы летит Аврора, рассыпая на своем пути цветы. Великан Атлант (Атлас), приреченный Юпитером заслушать вечно поддерживать своими могучими плечами небесный купол, находился на том именно пункте вселенной, где ночь и день, чередуясь, следуют друг за другом, никогда не встречаясь. Геспериды, страна на конце вселенной, принадлежала Атланту; он владел огромными стадами, которые там паслись, и ему принадлежал знаменитый Гесперидский сад, где на деревьях росли золотые яблоки. Впрочем, в мифах нет точного и определенного указания, где находился конец вселенной и жилище Атланта; некоторые указывают на Кавказ, другие на Ливию или же на Мавританию. В Неаполитанском музее находится знаменитая статуя этого великана, известная под названием Атланта Фарнезского: он изображен поддерживающим небесный купол (см. рис. 98). В этом же виде изображался он чаще всего на резных камнях.

Гелиос своими горячими и благотворными лучами способствовал росту растений, полезных людям и стадам, но зловредные травы и ядовитые плоды также растут и зреют под влиянием солнечного света и тепла; вот почему греки считали дочерью Гелиоса волшебницу Цирцею и внуч-

Рис. 98. Атлант Фарнезский. В Неаполитанском музее

Рис. 99. Миф о Фээтоне. Античный барельеф

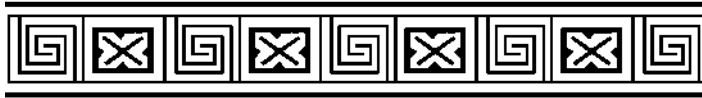
кой — «всезнающую» и «всеизмышляющую» Медею: они обе умели отыскивать ядовитые плоды и травы и варили из них губительные волшебные напитки.

Миф о Фээтоне указывает на тот вред, который иногда причиняли земному шару палящие лучи Гелиоса. Фээтон, или «Блестящий», был сыном Гелиоса и океаниды Климены. Пospорив однажды с одним из сыновей Юпитера, который отрицал его божественное происхождение, Фээтон отправился к отцу и весь в слезах стал умолять его доказать перед всей вселенной его происхождение. Гелиос, тронутый горем сына, обещал сделать для него все, что только в его силах, и даже поклялся исполнить его первое желание, хотя бы самое безрассудное. Тогда Фээтон попросил его позволить ему один только день управлять его золотой колесницей. Гелиос, предвидя опасность от управления такой неопытной рукой его крылатыми конями, пришел в ужас, но, поклявшись Стиксом, он должен был сдержать свою клятву. В обычное время приказал он горам запрячь коней; сам намазал лицо юноши волшебной мазью, чтобы предохранить его от пламени, вылетающего из ноздрей этих коней. Фээтон, гордясь, что явится перед вселенной на золотой колеснице,

смело взял вожжи, но кони, почувствовав тотчас же неумелые руки, понеслись, сбиваясь с обычного пути. Испуганный Фээтон, забыв все наставления отца, начал терять голову. Когда же Скорпион, к которому кони подъехали слишком близко, замахнулся на него клешней, он бросил вожжи, и кони понеслись с ужасающей быстротой. Вот что говорит об этом Овидий: «Несясь с неудержимой быстротой, кони приблизились к земле, трава сохнет, деревья загораются, земля трескается и становится бесплодной, города объаты пламенем, моря высыхают и превращаются в песчаные пустыни. С тех пор жители Африки, кожа которых обуглилась от пламени, сохранили навеки темный цвет кожи, а Нил, испугавшись такого необычайного явления, бросил свое прежнее русло, и источник его скрылся от людских взоров. Властелин богов Юпитер, видя, что половина земли объата пламенем, хочет залить ее дождем, но не может вызвать его. Тогда, чтобы спасти вселенную от гибели, он берет свои громоносные стрелы и поражает ими несчастного юношу, который падает на землю. Гелиос, пораженный горем, отказывается освещать небесный свод, и только настоятельное приказание Юпитера заставляет его вновь совершать свой обычный путь. Сестры Фээтона, гелиады, в продолжение четырех месяцев не покидают его могилы, оплакивая безвременную кончину брата. Тронутые их жалобами и слезами, боги превратили их в деревья, а неиссякаемые слезы, продолжавшие капать с этих деревьев, превратились в прозрачные капли янтаря, так высоко ценимого в древности».

Много художников изображали на своих картинах миф о Фээтоне, в том числе и Рубенс, написавший прекрасную картину на эту тему. Из античных произведений сохранился в вилле Боргезе прекрасный барельеф, изображающий весь миф (см. рис. 99).

ДИАНА (АРТЕМИДА), СЕСТРА АПОЛЛОНА

Тип и атрибуты Дианы. — Диана-охотница. — Кара Актеона. — Нимфы Дианы. — Диана и Каллисто. — Тип Дианы Эфесской. — Амазонки.

Сестра Аполлона, Диана, или Артемида, явилась одновременно на свет с братом. Их соединяла самая тесная дружба, и греки в своих мифах придают им одни и те же качества и достоинства; даже черты лица у них похожи, только у Дианы они женственнее и округленнее. Она — богиня охоты, ее отличительные признаки — колчан, золотой лук и факел. Ей посвящены олень и собака. На большей части античных статуй волосы ее связаны в один узел на затылке, на манер дорических причесок. На архаических статуях эта богиня является одетой в длинные

Рис. 100. Диана.
С античной монеты

Рис. 101. Олень, атрибут
Дианы. С античной монеты

одежды. В эпоху высшего развития эллинского искусства она изображается покрытая короткой дорической рубашкой. Чаще всего на картинах она представлена в сопровождении своих нимф, рыскающая по лесам в поисках за быстроногими ланями, или же на колеснице, везомая сернами и оленями. Сохранилось много монет с изображением головы этой богини и ее атрибутов (см. рис. 100, 101). В одном гимне, воспевающем Диану, говорится о том, что она еще ребенком «просила отца своего Юпитера позволить ей остаться вечной девственницей, дать ей колчан и стрелы и легкую короткую одежду, не мешающую ей носиться по лесам и горам. Она также просила дать ей шестьдесят юных нимф, ее всегдашних спутниц на охоте, и двадцать других, которые заботились бы об ее обуви и собаках. Она не желает владеть городами, ей совершенно достаточно и одного, потому что она редко будет оставаться в городах, предпочитая горы и леса. Но как только в городах будут призывать ее женщины, ожидающие ребенка, она тотчас же поспешит им на помощь, потому что парки обязали ее помогать этим женщинам за то, что все богини старались помочь ее матери Латоне, когда на нее обрушился гнев Юноны». У Дианы, подобно Аполлону, много имен: ее зовут Дианой-охотницей, когда она является, по словам Катутла, «повелительницей лесов, гор и рек». Лучшей статуей Дианы-охотницы считается та, которая находится в Лувре; она известна под названием «Диана с ланью» (см. рис. 102), это perdant к знаменитой статуе Аполлона Бельведерского. Существует много повторений этой

Рис. 102. Диана
с ланью.
С античной
статуи в Лувре

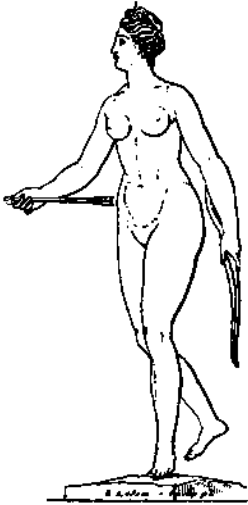

Рис. 103. Диана.
Бронзовая статуя
Гудона в Лувре

статуи, но лучшая из них — луврская. Современные скульпторы также часто изображали Диану-охотницу, но иногда, вопреки греческим традициям, представляли ее обнаженной, — например, знаменитый Гудон (см. рис. 103). Жан Гудон придал своей Диане прическу XVI века и черты лица знаменитой фаворитки Дианы де Пуатье. Диану называют Дианой Аркадской, когда она купается и резвится вместе со своими нимфами в реках и источниках, ей посвященных, и Дианой Луциной или Илифией, когда она помогает при рождении детей. В древнем искусстве Диану никогда не изображали обнаженной, потому что, согласно древним мифам, когда она купалась, простой смертный не мог смотреть на нее безнаказанно; сказание об Актеоне (см. рис. 104) подтверждает это.

В одной из тенистых и прохладных долин, посвященной Диане, протекал ручей между берегами, покрытыми роскошной растительностью; уставшая от охоты и томительного зноя богиня любила купаться в прозрачной воде этого ручья. Однажды охотник Актеон, по воле злого рока, подошел к этому месту именно в то время, когда Диана и ее нимфы весело резвились и плескались в воде. Увидав, что на них смотрит смертный, нимфы, испуская крики ужаса, поспешили к богине, стараясь скрыть ее от нескромных взоров, но напрасно: Диана была целую голову выше своих спутниц. Разгневанная богиня брызнула водою на голову несчастного охотника и сказала: «Иди теперь и, если можешь, похвались тем, что видел купающуюся Диану». Тотчас же на голове Актеона выросли ветвистые рога, уши и шея удлинились, а руки превратились в тонкие ноги, все

тело покрылось волосами. Объятый ужасом, бежит он и падает в изнеможении на берегу реки. Он видит в ней отражение оленя, в которого он превратился, хочет бежать дальше, но его собственные собаки кидаются на него и разрывают его на клочки. В искусстве Актеон никогда не изображался под видом оленя, а только с небольшими рогами, указывавшими, что превращение началось. Много живописцев пользовалось этим сюжетом для своих картин: так, например, восьмидесятилетний Тициан написал для Филиппа Второго свою знаменитую картину «Диана и Актеон». Филиппо Лори, Пеленбург, Альбано написали несколько картин на ту же тему. Французский художник Лезюэр написал очень известную по репродукциям картину «Диана, застигнутая Актеоном в воде». Он взял тот момент, когда испуганные нимфы стараются укрыть Диану, Актеон стоит на берегу ручья, как бы пораженный видом такой красоты. Купанье Дианы и ее нимф послужило сюжетом для многих художественных произведений древнего и но-

Рис. 104. Актеон,
пожираемый собаками.
С античной статуи
в Британском музее в Лондоне

Рис. 105. Диана
Эфесская.
С античной
статуи

вого искусства. Рубенс написал несколько картин, Пеленбург как бы избрал своей специальностью эту тему, а Доменикино написал очень известную картину, которая теперь находится в вилле Боргезе в Риме.

Нимфы, спутницы Дианы, все обречены оставаться девственницами, и богиня строго следит за их нравственностью. Заметив однажды, что нимфа Каллисто не сдержала своего обета, она безжалостно ее изгоняет. Прекрасная картина Тициана изображает тот момент, когда нимфы стараются скрыть подругу от разгневанных взоров богини. Многие художники эпохи Возрождения, в том числе Рубенс, Альбано, Лезюэр трактовали тот же сюжет. Ревнивая Юнона, подозревая, что Каллисто пользовалась благосклонностью Юпитера, превратила ее в медведицу, надеясь на то, что она не уйдет от

стрел охотников, но Юпитер, жалея Каллисто, обратил ее в созвездие, известное под названием Большой Медведицы.

Кульст богини, известной под названием Дианы Эфесской, — азиатского происхождения. Эта богиня не имеет ничего общего с сестрою Аполлона. Воинственные амазонки воздвигнули величественный храм в Эфесе (он считался одним из семи чудес мира) и учредили там культ этой богини, олицетворяющей плодородие земли. В храме находилась античная статуя богини, напоминающая своим видом мумию (см. рис. 105), бычьи головы, которыми она вся покрыта, являются символами земледелия, там ей была посвящена пчела.

Амазонки, построившие этот храм, играли большую роль в древних мифах. Это было племя очень воинствен-

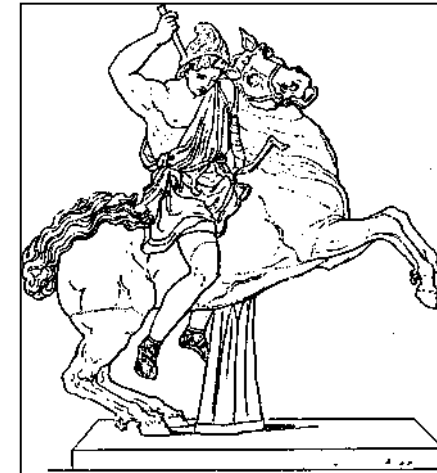

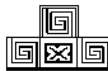
Рис. 106. Сражающаяся
амазонка

ных женщин, они обязывались отбывать военную службу и давали обет оставаться в продолжение известного времени девственницами; когда же этот срок оканчивался, они выходили замуж для того, чтобы иметь детей. Они же занимали все общественные должности, исполняли все общественные обязанности. Их мужья проводили свою жизнь дома, исполняя хозяйственные обязанности и нянча детей. Древние скульпторы, желая увековечить амазонок и сохранить о них память в потомстве, устроили род конкурса с присуждением награды за лучшую статую амазонки. Высшую награду получила статуя Поликлета, а вторую — Фидий. На статуях амазонки изображаются большею частью с голыми руками и ногами, в короткой одежде, обнажающей одну сторону груди (см. рис. 106). Иногда, впрочем, их изображали в фригийских колпаках и в панталонах; в таком виде встречаются их изображения на саркофагах героев и на некоторых расписных вазах. «Битва амазонок» Рубенса, находящаяся в Мюнхенской пинакотеке, считается одним из лучших произведений этого великого фла-

Рис. 107. Греки и амазонки. С расписной вазы

мандского мастера. Амазонки фигурируют во всех героических и национальных мифах греков. В последний раз о них упоминается в Троянской войне. Геракл — первый герой, который их победил. Сохранилась расписная ваза, где изображена битва амазонок с греками и их победитель Геракл в сопровождении Минервы, Аполлона и Дианы, покровительницы амазонок (см. рис. 107).

КАСТОР И ПОЛЛУКС (ДИОСКУРЫ)

*Лебедь Леды. — Кастор и Поллукс. — Гилаейра и Феба. —
Разделенное бессмертие.*

Леда, супруга спартанского царя Тиндарея, обратила на себя внимание Юпитера. Не желая возбуждать ревности Юноны, он под видом лебедя слетал с вершины Олимпа на свидание с красавицей Ледой. Этот поэтический миф вдохновлял многих художников. Сохранилось много древних статуй и камей с изображением этого сюжета. Из позднейших художников Корреджо, Паоло Веронезе и Тинторетто писали картины на эту же тему, но венецианские художники не отличались особенной исторической точностью в своих мифологических картинах. Так, например, Тинторетто изобразил Леду в комнате. Находя, вероятно, не особенно удобным держать такую большую птицу, как лебедь, на свободе в комнате, Леда как бы приказывает своим служанкам запереть его в клетку для кур, в которой находятся уже другие птицы, а ее маленькая собака ожесточенно лает на лебедя.

Кастор и Поллукс, сыновья Леды, родились из яйца (сохранилось древнее скульптурное изображение Леды, показывающей яйцо с двумя близнецами Тиндарею). Они были близнецами, но, согласно древним

Рис. 108. Кастор и Поллукс. Камея

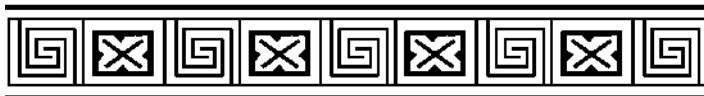
Рис. 109. Похищение Гилаейры и Фебы Кастором и Поллуксом.
С картины Рубенса в Мюнхенском музее

мифам, Кастор был сыном Леды и Тиндарея, Поллукс же, как сын Юпитера и Леды, пользовался привилегией божественного бессмертия; впрочем, их обоих очень часто называют Диоскурами, т. е. сыновьями Юпитера. Оба героя принимали участие и отличились в знаменитом походе аргонавтов. Поллукс победил в кулачном бою жестокого царя бебриков — Амика и с тех пор он считался покровителем всех атлетов и борцов, Кастор же победил и усмирил диких коней. Они также победили и разбили попадавших им на дороге морских разбойников.

Оба брата, прельстившись красотой двух дочерей Левкиппа — Гилаейры и Фебы, похитили их. Но красави-

цы были уже невестами двух мессинских героев — Идаса и Линкея. Между соперниками завязалась жестокая борьба; пораженный стрелой противника, Кастор упал, к нему на помощь поспешил Поллукс, а Юпитер, видя неравную борьбу, поразил своими громовыми стрелами дерзких юношей, вздумавших тягаться с его сыновьями. Поллукс, видя, что его брат превратился в безжизненный труп, стал умолять Юпитера вернуть его к жизни, но повелитель богов ответил, что может только предложить Поллуксу на выбор следующее: или разделять жилище богов и быть вечно бессмертным, или вместе с Кастором проводить полгода в мрачном царстве Гадеса (Аида), а полгода на Олимпе. Поллукс тотчас же выбрал последнее, не желая расставаться с братом. Тронутый такою нежною дружбой, Юпитер превратил их в созвездие Близнецов. Их также считали олицетворением вечерней и утренней звезды. Многие храмы были посвящены Диоскурам, и в честь их были учреждены игры. Сохранилось много монет с их изображениями, статуй и резных камней. На одной весьма ценной камее изображены головы обоих близнецов; на лбу каждого из них блестит звезда (см. рис. 108). В Мюнхенской пинакотеке находится прекрасная картина Рубенса, изображающая похищение Диоскурами дочерей Левкиппа. Она очень известна по многим воспроизведениям (см. рис. 109). Античная группа, считающаяся одним из лучших скульптурных произведений древних веков, изображает Кастора и Поллукса во весь рост: один из братьев держит два факела — один горящий, другой потухший, как бы намекая этим, что они проводят полгода в царстве теней, а полгода среди богов Олимпа.

ВУЛКАН, или ГЕФЕСТ

Рождение Вулкана. — Его свержение с Олимпа. — Тип и атрибуты Вулкана. — Месть Вулкана. — Вулкан, водворенный на Олимпе Вакхом. — Сети Вулкана. — Кузница Вулкана. — Циклопы.

Вулкан, или Гефест — бог огня, он олицетворял собою силу и творчество. Огонь был его элементом подобно тому, как вода была элементом Нептуна. По древним сказаниям, земной огонь происходит от небесного огня; этот земной огонь находился главным образом внутри вулканов, выбрасывающих его часто наружу, и вот греки, желая олицетворить эту силу природы, сложили миф о Вулкане. Он — сын Юпитера и Юноны; подобно пламени, которое вначале слабо и ничтожно и только потом разгорается и усиливается, Вулкан родился слабым, хилым и хромым. Красавица Юнона, стыдясь подобного сына, сбросила его с вершины Олимпа. Он упал в море и был воспитан двумя nereидами, Фетидой и Эвриномой (см. рис. 110); в продолжение девяти лет он занимался изготовлением украшений из драгоценных камней и металлов для дочерей Океана. Так как люди стали заниматься ремеслами только после открытия огня, то Вулкан является богом — покровителем и поощрителем ремесел и промышленности. Он сам работает и придумывает разные искусные и полезные вещи для богов; его называют «искусным художником», «плавильщиком металлов» и «кузнецом». Его хромота и искривленные ноги должны напоминать о том, что

Рис. 110. Фетида и Эвринома берут к себе Вулкана, сброшенного его матерью с Олимпа. По Флакмену

пламя коверкает и искривляет все, что попадает к нему на пути, даже самые твердые металлы. Прожив несколько лет на дне моря, Вулкан вернулся на Олимп, но, заступившись за мать во время одной ее ссоры с Юпитером, он навлек на себя гнев Громовержца, и тот, схватив его за ногу, сбросил его обратно на землю. В продолжение целого дня летел Вулкан в пустом пространстве, пока не упал почти без признаков жизни на остров Лемнос, который с тех пор стал его любимым местопребыванием. Там, на горе Мосихле устроил он свою кузницу, где работал дни и ночи вместе со своими учениками, одноглазыми циклопами. На острове же Лемносе находился храм в честь этого бога, выстроенный на том месте, куда, по древним сказаниям, упал Вулкан; там ежегодно бывал праздник в честь огня, который поддерживали на жертвеннике круглый год.

Древние поэты описывали Вулкана в виде сильного, искусного кузнеца, но неуклюжего и смешного, подвергавшегося частым насмешкам красивых олимпийских богов. Архаическое искусство изображало его в виде хромоногоего карлика в остроконечной шапке, и только в эпоху расцвета греческого искусства его стали представлять сильным и мужественным, с густой бородой и со всеми принадлежностями кузнеца (см. рис. 111). Он неутомимый работник и придумывает для богов Олимпа всевозможные вещи; им сделаны скипетр и эгида Юпитера, трон бога сна, корона

Рис. 111. Голова
Вулкана.
Античный
фрагмент

и колесница Гелиоса, корона Ариадны, медные быки, охраняющие золотое руно; он также выковал для Аполлона стрелу, которая всегда попадала в цель и вновь возвращалась к нему. Диана также обратилась к Вулкану, когда ей понадобились колчан, лук и стрелы. Желая отомстить своим безжалостным родителям, Вулкан придумал выковать золотое кресло, которое не выпускало неосторожного, рискнувшего сесть на него, и только повинаясь воле Вулкана, отпускало свою жертву. Однажды Юнона, придя навестить сына в его кузницу и ничего не подозревая, села на золотое кресло; Вулкан, несмотря на все ее просьбы, не захотел ее освободить; тогда бог войны Марс вступился за свою мать

и принудил его отпустить Юнону. Вулкан страшно рассердился, он не захотел более возвращаться на Олимп и ничего не стал делать для богов. Огорченные боги напрасно просили его вернуться — он был неумолим, пока наконец Вакху удалось напоить его вином и привести пьяным на Олимп. С тех пор дружба между Вулканом и Вакхом упрочилась, и в этом надо видеть намек на то, что виноград созревает лучше и обильнее на вулканической почве, как бы согреваемый подземным огнем.

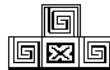
По «Одиссее» и по некоторым другим мифам супругою Вулкана была Венера, богиня красоты; по другим же сказаниям, она была супругой Марса, бога войны. Желая примирить эти разноречивые сказания, поэты измыслили другую версию на более поэтичной и любовной подкладке. Венера, не любя своего хромого, вечно покрытого сажей и занятого грубыми работами мужа, изменила ему ради красивого, статного бога войны. Гелиос всевидящий пер-

Рис. 112. Венера
и Вулкан.
С картины
Джулио Романо
в Лувре

вым рассказал об этом обманутому мужу. Тогда Вулкан выковал тончайшую проволоку, из которой он изготовил почти невидимую, но крепкую сеть, и, подкравшись к ничего не подозревающим жене и Марсу, он набросил на них эту сеть, затем призвал богов для того, чтобы они могли полюбоваться на смятение двух любовников. Но Вулкана, по-видимому, мало огорчала измена Венеры; в шуточной форме повествует одно стихотворение о том, что Вулкан более всего тревожится о судьбе даров, преподнесенных им в разное время Венере, и решил не выпускать ее из сетей до тех пор, пока не получит их обратно. Античные барельефы, сохранившиеся до наших дней, изображают пленных Марса и Венеру и осмеивающих их богов.

Кузница Вулкана и его работники, одноглазые циклопы, служили не раз темой для разных произведений искусства; их изображали на камнях, античных барельефах и картинах. Из художников новейшего времени Веласкес изобразил мастерскую Вулкана в тот момент, когда Гелиос пришел сообщить ему об измене Венеры: бог огня занят работой, а три циклопа, опустив свои молоты, с любопытством прислушиваются к рассказу Гелиоса. В Лувре находится небольшая картина Романо (см. рис. 112): в мастерской, окруженные амурами, сидят рядом Венера и Вулкан, он показывает ей только что выкованные стрелы и колчан. Исполняя заказ кардинала Савойского, поручившего ему написать плафон с изображением четырех элементов, Альбано написал Вулкана и его кузницу как олицетворение огня. Существует много изображений циклопов, этих одноглазых великанов, производивших, по мнению древних, такой адский шум в недрах вулканов. Они сильно занимали народное воображение, и им приписывали в древние века, подобно тому, как в средние века дьяволу, все постройки и памятники неизвестного происхождения. Циклопы своим видом нагоняли на всех ужас. В одном гимне рассказывается о том, как Диана в сопровождении нимф отправилась в кузницу Вулкана просить его выковать ей колчан и стрелы. Там они видят циклопов, и нимфы, объятые ужасом, бледнея и дрожа, смотрят на великанов, единственный глаз которых зловеще сверкает посреди лба. От ударов их тяжелых молотов дрожит и колеблется вся Италия, искры сыплются во все стороны, вылетая из недр вулканов, где живут эти страшилища. Даже матери пугали ими своих непослушных детей.

ПРОМЕТЕЙ

Прометей и человек. — Дележ Прометея. — Огонь, отнятый у смертных. — Ящик Пандоры. — Наказание и освобождение Прометея.

Титан Иапет олицетворяет собой в мифологии прародителя всего человеческого рода. Быть может, в нем следует признать Иафета, сына Ноя, прародителя целой человеческой расы. Этот титан не имеет никакой определенной миссии или роли в древней мифологии. Греки почитали его как древнейшего представителя титанов, он — современник Сатурна, и у него от Азии, дочери Океана, несколько детей, в том числе Прометей, Эпиметей, Атлант и другие. Прометей, или «провидящий», олицетворяет собой мыслящую силу человеческого разума, хитрость и ум, и хотя Иапет считается предком человечества, но, по древним сказаниям, люди обязаны Прометею своим внешним видом, отличающим их от животных. «Прометей, — говорит Овидий, — размочив землю водой, вылепил из нее человека, по образу богов, и тогда как у всех зверей голова вечно клонится к земле, человек может свободно поднимать свою голову к небесному своду

Рис. 113. Прометей моделирует человека. С античной монеты

Рис. 114. Прометей
лепит человека.
С античного
барельефа

и смотреть на звезды». Древнее искусство изображало очень часто этот миф, чаще всего встречается он на резных камнях и барельефах. На одной камее Прометей изображен в виде скульптора, собирающего человеческий скелет (см. рис. 113). На другой он собирает в одно целое человеческие члены, которые он изваял каждый отдельно. На всех античных изображениях Прометей является ремесленником, формирующим только материальную оболочку человека, а не богом, одухотворяющим его. Эта роль, по мифологии, принадлежит Минерве, богине мудрости. На многих памятниках искусства ясно выражены роли, выпавшие на долю каждого из них в сотворении человечества. Прекрасно сохранившийся барельеф изображает Прометея, сидящего на скале, под сенью дерева; перед ним стоит на столе маленький человек, скорее дитя, которого он только что вылепил, но еще не совсем закончил; трое детей, совершенно готовых, стоят подле Минервы, она сажает на голову одного из них бабочку, символ души у древних (см. рис. 114). Таким образом, Прометей является творцом не

одного человека, а ремесленником, изготавливающим их в большом количестве. Он — всегдашний защитник человечества, отличительные черты его характера — гордое самознание и непризнание власти богов. После победы над титанами между богами и человеческим родом возник спор о том, что именно должны приносить люди в жертву богам, и Прометей явился охранителем интересов человечества. Желая испытать всеведение Юпитера, представителя в этом споре всех богов, он взял быка, разрубил его на куски и поделил их на две части. Все лучшие куски завернул он в шкуру быка и положил сверху желудок, считавшийся самым плохим куском; собрав затем все кости, он их очень искусно уложил, покрыв блестящим жиром. Юпитер, не подозревавший его хитрости, выбрал вторую часть как самую большую. Разгневанный таким обманом, властелин богов отнял у человечества огонь, без которого не могут существовать ни производства, ни промышленность. Прометей решился вновь перехитрить Юпитера: он отправился на Олимп и украл искру небесного огня, спрятав ее в пустом тростнике, который он принес на землю и отдал людям. В одном из музеев находится античная лампа с изоб-

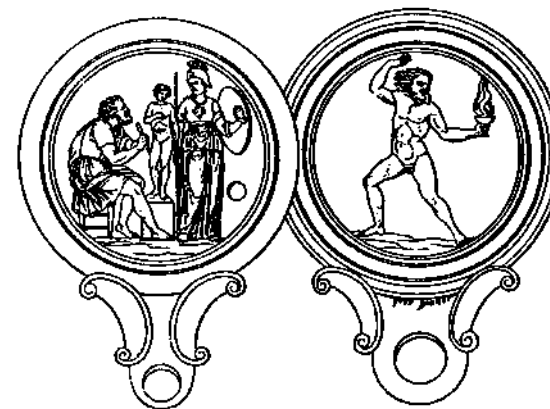

Рис. 115. Прометей
приносит огонь
людям.
С античной лампы

Рис. 116. Пандора,
Меркурий
и Минерва.
По Флакмену

ражением Прометея, убегающего с Олимпа; он держит в руках небольшой сосуд с огнем (см. рис. 115). Тогда, возмущенный этой дерзостью, Юпитер решил наказать Прометея и весь род людской. По словам Гесиода, Юпитер говорит Прометею: «Сын Иапета, ты торжествуешь, что тебе удалось обмануть мою бдительность и похитить у меня огонь, но это похищение станет роковым для тебя и для всего существующего и будущего человечества. Чтобы отомстить за такую дерзкую кражу, я им пошлю роковой дар, которому они обрадуются до глубины души, но который обратится против них и делается их же бичом». У Прометея был брат Эпиметей (букв. «задним умом крепкий»). Опасаясь какой-либо мести Юпитера, Прометей посоветовал брату ничего не принимать от властелина Олимпа. Но Юпитер желал исполнить свою угрозу и послать именно через посредство Эпиметей человечеству ужасный бич, который был бы для него источником мучения и вместе с тем предметом страстных желаний благодаря соблазнительной и привлекательной внешности. Вот, по словам

Гесиода, почему и была сотворена женщина. «Повинуясь Юпитеру, хромой Вулкан вылепил из земли образ девственности; Минерва поспешила ее нарядить в белую тунику и придать ей прелесть и обаятельность. Она прикрепila ей на голову роскошное покрывало, украсила волосы живыми цветами и драгоценной короной работы искусного Вулкана, который, взяв сотворенную им красавицу, повел показать ее богам и людям. Боги и люди пришли в восторг при виде этого чуда красоты, сотворенного на погибель человечеству, и дева эта стала прародительницей всех женщин, этих страшных и опасных врагов мужчин» (Гесиод).

Пандора, то есть «одаренная богами» (так называлась первая женщина), является творением богов, тогда как мужчина был сотворен титаном. Сохранилось на одной античной вазе живописное изображение первой женщины; она стоит между Минервой и Вулканом, которые украшают ее. Английский скульптор Флакмен несколько иначе трактует этот сюжет (см. рис. 116): Пандора сидит, перед ней стоит Минерва, а позади Меркурий, который прикоснулся своим кадуцеем к ее голове для того, как говорит Гесиод, «чтобы внушить ей лживые речи и искусство лгать». Юпитер приказал быстроному посланнику бо-

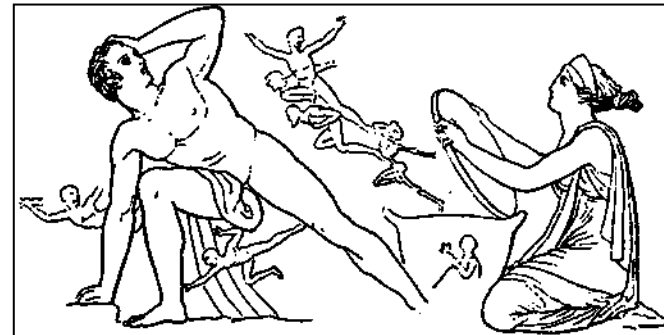

Рис. 117. Пандора открывает роковой ящик. По Флакмену

гов, Меркурию отвести Пандору и подарить ее Эпиметею. Забыв советы Прометея, он с восторгом принял такой пленительный дар, «благодаря которому, — говорит Гесиод, — появилась слабая и изнеженная раса женщин, живущая с тех пор на несчастье всего человечества среди смертных. Страшась нищеты и не умея сохранять и копить, они живут только для того, чтобы тратить, и любят только роскошь».

Вместе с появлением женщины прекратился золотой век человечества. Она лишила его бессмертия; род человеческий с тех пор продолжается и размножается, но каждый отдельно рождается и должен умереть, чтобы уступить место другому. Прометей, дав людям огонь, научил их ремеслам и промышленности, которая не могла существовать до открытия огня; даровав же людям женщину, Юпитер превратил ремесленников в художников, потому что женщина, кроме предметов первой необходимости, вечно требует предметов роскоши и драгоценных украшений (Гесиод). Пандора получила от Юпитера ящик, в котором были заключены людские бедствия, но она не знала об этом. Сойдя на землю, она со свойственным женщинам любопытством открыла ящик, и тотчас же оттуда вылетели болезнь, голод, злоба, ненависть и много других бед. Испуганная их видом, Пандора поспешила закрыть ящик (см. рис. 117), но было уже поздно: на дне ящика осталась одна только обманчивая надежда, и люди таким образом были лишены даже и этого слабого утешения.

Не довольствуясь тем, что покарал человечество, Юпитер придумал страшное наказание для Прометея: он приказал приковать Прометея на вершине горы, к скале (на Кавказе), и орел каждый день прилетал к нему клевать его печень и рвать когтями его тело. Прометей является в этом мифе как бы олицетворением человеческой совести, протестующей против насилия и неумолимой силы, которая подавляет даже справедливость. Наконец, Гераклес, этот борец за правду и справедливость, защитник всех угнетен-

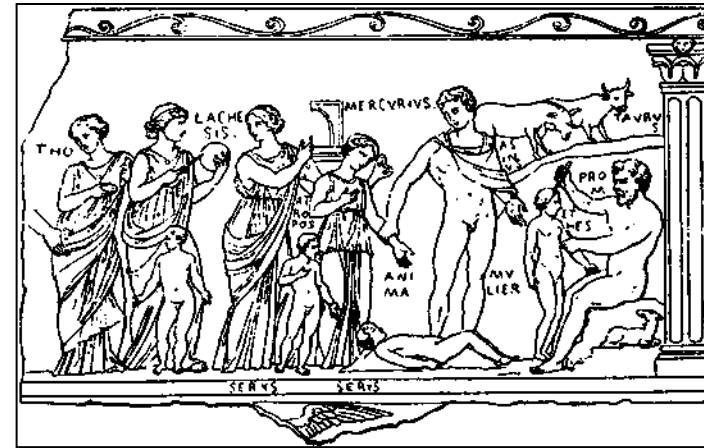
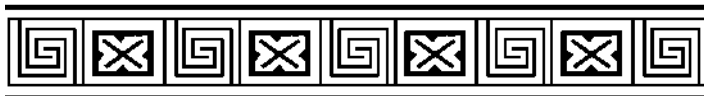

Рис. 118. Миф о Прометее с рождением и судьбой человека.
С античного саркофага в Капитолийском музее

ных, освободил и Прометея: он убил орла и снял с титана оковы. Но так как Юпитер поклялся, что наказание Прометея будет длиться целые века, а боги не могут нарушать клятв, то прибегли к следующей хитрости: из одного звена цепи, которой был прикован Прометей, сделали кольцо и вставили в него кусочек скалы; нося это кольцо, титан как бы оставался прикованным к той же скале.

Весь миф о Прометее был прекрасно изложен Эсхилом в трех трагедиях, но до нас дошла только одна из них — «Прикованный Прометей». Сохранилось также несколько античных барельефов, изображающих весьма разнообразно этот миф; из них самый интересный барельеф на саркофаге, хранящийся в Капитолийском музее (см. рис. 118).

ДЕДАЛ

Изобретения Дедала. — Минос и Пасифая. — Лабиринт. — Крылья Икара. — Изображение Геркулеса.

Имя «Дедал» в древности является собирательным именем для целой корпорации художников и даже ремесленников, занимавшихся изготовлением статуй богов. Все древние статуи, особенно те, которым придавали какую-то чудодейственную силу, считались произведениями Дедала. Подобно Вулкану и Прометею, он — цивилизатор, научающий людей ремеслам и промышленности, он также механик и архитектор. Происхождение его малоизвестно; он считается внуком афинского царя Эрехфея. Он изобрел топор, бурав, станок, а также первый натянул паруса и научил людей управлять парусными судами. У Дедала был ученик, который так же, как и учитель, изобрел много полезных инструментов — пилу, гончарный станок и другие. Опасаясь, как бы ученик не стал более знаменитым, чем он сам, Дедал убил его и должен был покинуть родину. Он отправился на остров Крит, правитель которого, Минос, сын Юпитера и Европы и супруг Пасифаи, дочери Гелиоса, принял его очень радушно. Желая приобрести расположение своих подданных, которые все без исключения были мореплавателями, Минос объявил им, что Нептун исполняет все его желания, и, чтобы подтвердить свои слова, он упросил морского бога подарить ему прекрасного быка, которого он обязывался принести ему же

*Рис. 119. Дедал и Икар.
С картины Ландона*

в жертву. Тотчас же из морской глубины появился прекрасный белый бык, но Минос был так пленен его красотой, что решил его оставить у себя, а в жертву принес одного из своих быков. Разгневанный этим поступком Нептун поручил Венере отомстить за него. И жестокая богиня не придумала ничего лучшего, как внушить Пасифае страстную любовь к белому быку. Ужасное чудовище с головою быка — Минотавр явился плодом этой любви. Минотавр питался исключительно только человеческим мясом. По приказанию царя Миноса Дедал выстроил ему обширное здание, в котором было столько проходов и переходов, закоулков и углов, что попавший туда посетитель не мог найти выхода и должен был блуждать по этому лабиринту — так называлось это здание. Туда поместили Минотавра, который оставался там до тех пор, пока не был убит Тесеем. Минос, обвиняя Дедала в том, что он помог в этом деле Тесею (тем более что Дедал посоветовал Ариадне дать герою путеводную нить), заключил его в темницу вместе с сыном Икаром. Темница стояла на скале на самом берегу моря. Казалось, надо было отказаться от вся-

ких попыток к бегству, но изобретательный Дедал придумал следующее: набрав птичьих перьев, он соединил их посредством проволоки и воска и сумел придать им форму гигантских птичьих крыльев. Его сын Икар, не предчувствуя того, что это изобретение отца будет причиной его гибели, с радостью помогал ему в работе. Лишь только Дедал окончил свои крылья, он сейчас же решил испробовать их, и ему удалось подняться на большую высоту и даже совершенно спокойно и без больших усилий держаться над водой. Довольный такой удачей, он привязал также крылья и сыну (см. рис. 119), объяснил ему способ управления ими; кроме того, он дал ему совет не слишком низко летать над уровнем моря, чтобы испарения, осаждаясь на крыльях, не замедлили бы его полета, а также не подниматься слишком высоко к небесному своду, дабы лучи солнца не растопили бы воска, которым были скреплены перья. Вначале все шло хорошо; Икар следовал за отцом и помнил его советы. Но, становясь все более и более отважным, он поднялся на большую высоту; жгучее солнце растопило воск, и несчастный юноша, громко призывая отца на помощь, упал в море. Огорченный Дедал должен был продолжать путь в одиночестве и прибыл в Нижнюю Италию, в город Камик, где построил великолепный храм в честь Аполлона. Он повесил в нем свои крылья и изобразил на стене красками всю историю своего полета над морем и смерть сына.

Миф о Дедале и Икаре вдохновлял художников во все века и сильно занимал их воображение. Из древних изображений сохранились фрески в Геркулануме, на которых изображена гибель Икара (см. рис. 120). Новейшие художники продолжают даже в наши дни трактовать этот сюжет; еще не так давно ученики нашей Академии писали на эту тему конкурсные картины.

Есть более реальное объяснение гибели Дедала: он придумал паруса и, подкупив стражей темницы, выпустивших

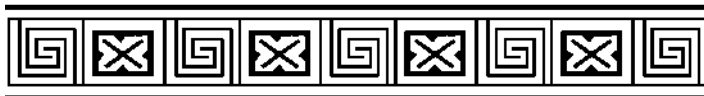
Рис. 120. Гибель Икара.
С фрески в Геркулануме

его с сыном, укрепил паруса на корабле и ушел от своих тюремщиков, которые не могли поспеть за его быстро несшимся кораблем.

Дедал известен главным образом в истории искусства тем, что первый придал своим статуям более жизненные формы. Он отделил ноги и руки от туловища, открыл им веки и выразил во всей фигуре движение. Он был очень дружен с Геркулесом и, желая ему сделать удовольствие, вылепил его статую и поместил на той дороге, по которой Геркулес должен был проходить, отправляясь побеждать какое-то чудовище. Дедал сделал такую живую фигуру и так реально передал силу героя, что Геркулес, не узнав в ней себя, вообразил, что перед ним достойный по силам враг, схватил огромный кусок скалы и бросил его в статую, которая разлетелась вдребезги.

Весь миф о Дедале как бы намекает на то удивление, которое испытывали люди того времени при виде неизвестных до того изобретений и произведений только что нарождающейся промышленности.

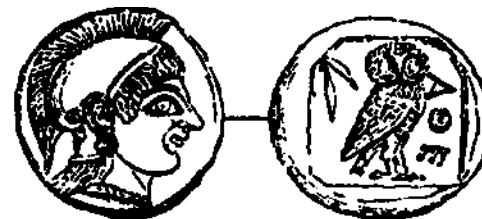

МИНЕРВА, или АФИНА ПАЛЛАДА

Рождение Минервы. — Минерва и Вулкан. — Спор Минервы с Нептуном. — Тип и отличительные признаки Минервы. — Минерва и Амур. — Флейта Марсия. — Минерва-работница. — Арахна. — Великие и малые панафинеи.

Один из древнейших греческих мифов рассказывает следующее о происхождении и рождении богини разума: Афина Паллада, или Минерва, была дочерью Юпитера и его первой супруги Метиды («размышление»), которая сама предсказала, что у нее сперва родится дочь, а затем сын, и этот сын будет властелином вселенной. Юпитер, напуганный таким предсказанием, обратился за советом к Гее (Земле), и та посоветовала ему проглотить Метиду, что он и исполнил. Спустя несколько времени Юпитер почувствовал сильную головную боль; ему казалось, что череп его готов разлететься на куски. Он попросил Вулкана раздвоить ему голову топором и посмотреть, что там происходит. Лишь только Вулкан исполнил его просьбу, как из головы Юпитера вышла вооруженная и в полном расцвете сил Афина Паллада, «могучая дочь могучего отца», как ее обыкновенно называет Гомер. Несколько древних памятников искусства (между прочими — Парфенонский фриз, не существующий теперь), изображали рождение Афины Паллады. Минерва есть, таким образом, олицетворение божественного разума и благоразумия Юпитера. Это сильная и воинственная богиня, умная и рассудительная. Так как она родилась не от мате-

Рис. 121.
Архаическая
Минерва. На
древней афинской
монете

ри, а прямо из головы Юпитера, то ей чужды все женские слабости; она отличается серьезным, почти мужским характером; ее никогда не смущают волнения любви и страсти; она — вечная девственница, любимица Юпитера, его единомышленница, хотя иногда, как, например, в Троянской войне, она поступает против воли отца. Здраво и ясно смотрит она на человечество и охотно принимает участие во всех жизненных проявлениях людей. Она всегда на стороне правого дела, помогает храбрым героям одерживать победы над врагами, является покровительницей Одиссея и Пенелопы, руководительницей Телемаха. В ней как бы олицетворяется человеческая культура; она изобрела много полезных предметов, как то: плуг и грабли; научила людей запрягать волов и заставила их склонить шею под ярмом. Полагают, что она первая смирила лошадь и превратила ее в домашнее животное. Она научила Ясона и его спутников построить корабль «Арго» и покровительствовала им все время, пока продолжался их знаменитый поход. Афина Паллада — богиня войны, но она признает только благоразумную войну, ведомую по всем правилам военного искусства и имеющую определенную цель; этим она отличается от бога войны Марса, которому приятен вид крови и который любит ужасы и смятение войны. Минерва является повсюду строгою исполнительницей законов, покровительницей и защитницей гражданских прав, городов и гаваней; она обладает зорким глазом; древние поэты называли ее «голубоглазой, светлоокой и даль-

зоркой». Ею был учрежден ареопаг, и ее почитали, как покровительницу, музыканты, художники и все ремесленники. Когда Земля, родив от Гефеста сына Эрихтония, бросила его на произвол судьбы, Минерва подобрала его и воспитала. По преданию, он походил одною половиною своего туловища на змею. Афина, занятая постоянно войнами, положила ребенка в корзину и поручила его на время дочерям Кекропа, запретив им открывать корзину. Но две из них, вопреки советам старшей, Пандросы, мучимые любопытством, открыли корзину и увидели там спящего ребенка, обвитого змеей, которая тотчас же ужалила любопытных девушек. Эрихтоний был поручен Минервой Пандросе и вырос под ее наблюдением. Желая выказать ей, а также и богине свою благодарность, он выстроил в городе Афинах храм, одна половина которого была посвящена Минерве, а другая Пандросе. Когда Кекроп основал город, названный потом Афинами, он не мог решить, кого выбрать покровителем названного города — Афины или Нептуна. Эта нерешительность вызвала спор между богами. Фидий изобразил на обоих фронтонах Парфенона этот спор; куски этих фронтонов хранятся теперь в Британском музее. Чтобы примирить обоих противников, Кекроп решил выбрать того из них, кто изобретет самый полезный предмет. Нептун ударил землю своим трезубцем, и появился источник морской воды; затем он сотворил коня, как бы желая дать понять, что народ, покровителем которого он будет избран, станет воинственным племенем и будет заниматься мореплаванием. Но Афина превратила дикого коня в домашнее животное, а от удара ее копыта по земле появилось оливковое дерево, покрытое плодами, указывая этим, что ее народ будет сильным и могучим благодаря земледелию и промышленности. Кекроп обратился тогда к народу, прося его самого решить, которого из богов он желает избрать своим покровителем. Народ прибегнул ко всеобщему голосованию, причем все мужчины подава-

ли голос за Нептуна, а женщины — за Минерву; одной женщиной оказалось больше, Минерва одержала победу, и город был посвящен ей. Но, опасаясь гнева Нептуна, пригрозившего поглотить своими волнами Афины, жители воздвигли и ему храм, и вот каким образом афиняне в одно и то же время стали землепашцами, мореплавателями и промышленниками.

Минерва была главным божеством для афинян, и Акрополь считался ее священной горой. Культ Минервы существовал очень долго и прекратился только под влиянием христианского учения. Сохранилось много монет с изображением головы Минервы; на одной из них изображена также сова — птица, посвященная этой богине (см. рис. 121). Известный ученый Готфрид Мюллер говорит, что идеальным типом Афины Паллады является статуя Фидия — Афина Парфенонская. Черты лица этой статуи стали прототипом всех статуй Минервы. Знаменитый ваятель изобразил ее со строгими, правильными чертами: у нее высокий и открытый лоб; длинный, тонкий нос; линии рта и щек несколько резкие; широкий, почти четырехугольный подбородок; глаза, опущенные dolu; волосы просто откинута по сторонам лица и выются слегка по плечам. Минерва часто изображается в шлеме, украшенном четырьмя конями, показывая этим, что она примирилась с Нептуном, которому была посвящена лошадь. Богиня всегда носит эгиду с головою горгоны Медузы, она всегда украшена драгоценностями, и ее наряд очень роскошный. На одной из античных камеи (см. рис. 122) на богине, кроме блестящей эгиды, надеты богатое кольцо из желудей и серьги в виде виноградных гроздей. Иногда на

Рис. 122. Паллада.
С античной камеи

Рис. 123. Минерва.
На одной
из древних монет

монетах ее шлем украшен фантастическим чудовищем с змеиным хвостом (см. рис. 123). Она всегда изображается со шлемом на голове, весьма разнообразным по формам. Обыкновенное оружие Минервы — копье, но иногда она держит в руке громовые стрелы Юпитера; она также часто держит на руке статую Ники — богини победы. Художники древних веков изображали охотнее всего Афины Палладу. На самых древних памятниках она изображается с поднятым щитом и копьем. Эгида, которую она всегда носит, есть не что иное, как шкура козы, на которую она прикрепила голову Медузы; эта эгида заменяет ей иногда щит. Олицетворяя в физическом порядке молнию, Минерва должна носить эгиду как отличительный признак; на архаических статуях она употребляет эгиду вместо щита; в эпоху золотого века греческого искусства она носит эгиду на груди. Голова Медузы — также один из отличительных признаков этой богини и изображается или на эгиде, или на шлеме. Эта голова должна была намекать на то, какой ужас овладевал врагами богини, когда она появлялась перед ними. На одной фреске, открытой в Геркулануме, богиня одета в пеплос, ниспадающий на хитон грубыми и неизящными складками; она закрыла левую руку эгидой и готова вступить в бой (см. рис. 124).

Знаменитая статуя Фидия «Афина Парфенонская», была изваяна из слоновой кости и золота. Богиня стояла во весь рост, грудь ее покрывала эгида, а туника ниспадала до пят. Она держала в одной руке копье, а в другой — статую богини победы Ники. На шлеме у нее был сфинкс — эмблема божественного разума; по бокам его были изображены два грифона; над забралом — восемь коней, несущихся во весь опор, — символ быстроты мысли. Голова и руки

богини были из слоновой кости, вместо глаз вставлено два драгоценных камня; золотые драпировки могли по желанию сниматься для того, чтобы город в случае каких-либо общественных бедствий мог воспользоваться этим сокровищем. На наружной стороне щита, поставленного у ног богини, была изображена битва афинян с амазонками, на обратной стороне — борьба богов с великанами; миф о рождении Пандоры был изваян на пьедестале. Минерва скульптора Зимарта, бывшая на выставке в Салоне 1855 г., есть повторение шедевра Фидия, возможно точно и тщательно воспроизведенная копия по описанию Павсания, дошедшему до нас. Прекрасная бронзовая статуя Минервы, находящаяся в Туринском музее, является одной из самых замечательных и красивых древних статуй, сохранившихся до нашей эпохи (см. рис. 125).

Целомудренная богиня Афина никогда не изображалась древними художниками обнаженной, и если некоторые современные художники и представляют ее в этом виде в своих произведениях, например, «Суд Париса», то это по незнанию древних традиций. До нее никогда не касались стрелы Эроса, который ее всегда избегал и оставлял в покое. Венера, недовольная тем, что ее шаловливый сын не делает даже попытки ранить свою стрелою целомудренную богиню, осыпала его за это упреками. Он оправдывается, говоря: «Я боюсь ее, она страшная, глаза ее зорки, а вид ее мужественен и величественен. Каждый раз, как я отваживаюсь подойти к ней, чтобы задеть ее моей стрелой, она вновь пугает

Рис. 124. Минерва. С фрески в Геркулануме.
В Неаполитанском музее

меня своими мрачными взорами; кроме того, у нее на груди такая страшная голова, и я в страхе роняю мои стрелы и дрожа бегу от нее» (Лукиан). Минерва нашла однажды оленью кость, сделала флейту, стала извлекать из нее звуки, доставлявшие ей большое удовольствие. Но, заметив, что при игре у нее раздуваются щеки и некрасиво оттопыриваются губы, она, не желая так обезобразить свое лицо, забросила свою флейту, прокляв заранее того, кто найдет ее и будет на ней играть. Ее нашел Марсий и, не обращая внимания на проклятие богини, принялся играть на ней и стал хвалиться своим талантом, вызывая самого Аполлона на состязание с ним. Он не избежал страшной кары за свое ослушание и высокомерие.

Когда Афина является покровительницей ремесел и всяких женских работ, она носит название Минервы-работницы, или Эрганы. Тканье разных тканей было одним из главных промыслов афинян, но азиатские ткани всегда ценились выше по тонкости и изяществу работы; это соперничество между двумя странами породило поэтический миф о соперничестве между Арахной и Афиной. Арахна была незнатного происхождения, ее отец был простой красильщик родом из Лидии, но она славилась своим искусством ткать красивые и тонкие ткани; она умела ровно и быстро прясть, а также украшать свои ткани всевозможными вышивками. Всеобщие похвалы так вскружили ей голову и она начала так гордиться своим искусством, что вздумала состязаться с Афиной, хвастаясь, что она может ее победить. Богиня, приняв вид старухи, пришла к гордой ткачихе и стала ей доказывать, как опасно для простой смертной оспаривать первенство у богини, но Арахна ей дерзко ответила, что, явись перед нею сама Афина, она сумеет и ей доказать свое превосходство. Минерва приняла этот вызов, и они принялись за работу. Богиня выткала на своем станке историю своей распри с Нептуном, а дерзкая Арахна изобразила на своих тканях разные любовные по-

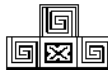
хождения и превращения богов, но при этом работа ее была исполнена с таким совершенством, что богиня не могла отыскать в ней ни малейшего недостатка. Рассерженная и забыв, что она должна быть справедлива, Минерва в пылу гнева ударила ткачиху челноком по голове. Арахна не могла перенести подобного оскорбления и повесилась. Афина превратила ее в паука, который вечно тклет свои тончайшие паутины. Этот миф указывает на превосходство восточных тканей: Арахна, лидийка по происхождению, все же одержала победу над афинской Минервой, и если она была наказана, то не как работница, а только за свое высокомерное желание тягаться с богиней.

Праздник, известный под названием великие панафинеи, был учрежден в Афинах в честь Афины Паллады, защитницы и покровительницы этого города. Это был, несомненно, самый большой и древний народный праздник; его праздновали каждые четыре года, и в нем принимали участие все афиняне. Он продолжался с 24 гекатомбеона по 29 (половина июля и августа). Первый день был посвящен музыкальным состязаниям, которые происходили в Одеоне, построенном по повелению Перикла: туда собирались всевозможные певцы, музыканты с их разнообразными инструментами и поэты. Другие дни были посвящены гимнастическим и конским состязаниям, причем победителя награждали венком из оливковых ветвей и красиво расписанными сосудами, наполненными драгоценным оливковым маслом. Самая торжественная часть праздника происходила

Рис. 125. Минерва.
С античной
статуи.
В Туринском музее

в день рождения этой богини — 28 гекатомбеона. В этот день устраивалось шествие, в котором принимали участие не только все взрослые, но и дети. Во главе процессии шли юные афинянки, они несли новое платье для статуи богини, шафранного цвета пеплос — в продолжение девяти месяцев все знатные афинянки работали над ним, украшая его всевозможными вышитыми и вытканными узорами; за ними шли другие девушки, неся на головах священные сосуды (канефоры); вслед за ними появлялись жены и дочери вольноотпущенников и чужестранки — они не имели права нести священные сосуды и могли только держать вазы и сосуды с вином, а также складные стулья для знатных жен. Почтенные старцы, роскошно одетые за счет города, следовали за ними с оливковыми ветками в руках; затем — устроители и распорядители праздника; мужчины с ветками и сосудами с оливковым маслом; быки, предназначенные в жертву богине; дети, ведущие украшенного барана; музыканты и певцы. Шествие заключали великолепные колесницы, запряженные четверками; ими управляли знатные юноши и всадники на прекрасных конях, в память того, что Афина Паллада первая научила запрягать и управлять лошадьми. Отдельные группы этого шествия были изваяны на фронте и фресках Парфенона Фидием, и часть этих барельефов сохранилась до наших дней. Афине Палладе посвящены оливковое дерево, петух, раннее пение которого будит людей труда, змея, символ ума и обдуманности, и сова, от пронизательных глаз которой ничего не остается скрытым во мраке ночи. Имя совы значит по-гречески «блестящеокая», и этот эпитет придавали поэты и самой богине.

ГОРГОНЫ И ПЕРСЕЙ

Даная и золотой дождь. — Детство Персея. — Персей и горгоны. — Голова Медузы. — Кораллы. — Окаменелый Атлант. — Персей и Андромеда. — Пегас. — Источник Гиппоклены. — Химера и Беллерофонт.

У Акрисия, царя аргосского, внука одной из Данаид, была дочь, красавица Даная. Ему было предсказано, что внук лишит его престола. Он поэтому заключил дочь в медную башню, куда никто из смертных не мог проникнуть. Юпитер, увидав ее, проник к ней под видом золотого дождя. Этот миф вдохновлял многих художников. Тициан изобразил Юпитера, окруженного облаками и рассыпающего золото целыми пригоршнями. Корреджо поместил подле Данаи Амура, который помогает ей собирать золотой дождь. Аннибале Карраччи подобным же образом трактовал этот сюжет.

У Данаи родился от ее союза с Юпитером Персей. Акрисий, узнав это, велел посадить Данаю вместе с сыном в бочку и бросить в море. Бочку прибило к берегам острова Сериф; рыбак, найдя там живых людей, отвел их к Полидекту, царю острова, который принял их очень дружески, но, прельстившись красотой Данаи, решил избавиться от Персея, желая овладеть его матерью. Он приказал юноше отправиться к горгонам и привезти ему голову одной из них, страшной Медузы.

Понимая все опасности этого предприятия, Персей обратился за советом к мудрой Афине Палладе и хитроумному

Рис. 126. Пегас и Хрисаор выходят из головы Медузы.
Живопись на древней вазе

Меркурию (Гермесу). Они снабдили его шлемом-невидимкой Плутона, крылатыми сандалиями Меркурия, острым мечом, имеющим форму серпа, и сумкой. Афина дала ему, кроме того, отполированный щит, в котором все можно было видеть, как в зеркале. Это последнее было необходимо для Персея, который не должен был смотреть на Медузу, обладавшую даром превращать в камень всех, кто осмеливался взглянуть на нее. Горгоны были три сестры, страшные чудовища, внушающие всем ужас. По словам Эсхила, это были крылатые девы, ненавистные всем смертным, на которых никто не мог смотреть, не окаменев от ужаса. Из них одна только Медуза была смертная, но она была еще ужаснее сестер, потому что на голове у нее вместо волос вились и кишели змеи. Для того чтобы до них добраться, Персею пришлось обмануть бдительность двух сестер грай, олицетворяющих старость и рожденных уже седыми. Они обладали одним только глазом, который передавали друг другу, когда поочередно охраняли жилище горгон. Воспользовавшись шлемом-невидимкой, Персей украл у них единственный глаз, и слепые стражницы не могли помешать ему войти во дворец, наполненный окаменелыми людьми. Добравшись до Медузы, Персей, смотря только на свой щит, в котором отражалось страшилище, одним ударом острого меча отрубил ей голову и тотчас же спрятал ее в сумку. На многих

монетах и барельефах изображены все предосторожности, которые предпринимал Персей для того, чтобы не смотреть на Медузу и таким образом избежать ожидавшей его участи. У Медузы не было детей, но она была в союзе с Нептуном, который посещал ее, превращаясь в коня. Когда Персей отрубил ей голову, то из обезглавленного туловища вместе с целым потоком крови вышел Пегас, крылатый конь, и таинственное страшилище Хрисаор. Об этом последнем известно только, что он был отцом страшной Эхидны и дедом Химеры, Цербера и лернейской гидры. Появление Пегаса и Хрисаора изображено в архаическом стиле на одной очень древней вазе (см. рис. 126). Вообще, миф о Персее и его победе над Медузой очень часто трактовался как древними, так и новейшими художниками. В особенности в древние века этот миф пользовался большой популярностью; сохранилось до наших дней несколько скульптурных изображений самого раннего периода, когда искусство было в самом зачаточном состоянии.

В искусстве не существует точного и определенного типа Персея; он по своей природе и качествам более всего подходит к Меркурию, с которым имеет и много общего в одежде. В эпоху Возрождения Бенвенуто Челлини изваял статую «Персей-победитель». Герой попирает ногами туловище Медузы и держит в руке ее голову. Статуя эта считалась шедевром Челлини. В начале нашего века Канова изваял Персея по заказу итальянского правительства, но его произведение по достоинствам считается ниже Бенвенуто Челлини. Не-

Рис. 127. Персей и Андромеда.
Группа в Луврском музее

Рис. 128. Персей показывает Полидекту голову Медузы. Живопись на вазе

сколько орфических поэм рассказывают очень поэтичный миф о том, как трава, обогренная кровью Медузы, превратилась в твердый камнеподобный коралл: «Персей, храбрый герой с золотым мечом, победил страшную Медузу, но даже на мертвую он не решился взглянуть, потому что одного взгляда на отрубленную голову было достаточно для того, чтобы отправиться в мрачное жилище смерти. Обрызганный кровью герой подошел к берегу моря, желая очиститься в его водах. Он положил еще теплую и трепещущую голову Медузы на траву, и вся трава кругом пропиталась тотчас же до корней ее кровью; трава не утратила своей формы, но как бы окаменела и превратилась из зеленой в кроваво-красную. Пораженный Персей призвал Минерву полюбоваться на это чудо, и таким образом и появился коралл». Положив голову Медузы в сумку, Персей с помощью крылатых сандалий поднялся на воздух, а кровь Медузы, капавшая из сумки, падала на африканскую землю, породила гадов и страшных змей, которыми так богата эта страна. Герой пролетел всю вселенную от того места, где солнце восходит, до царства Атланта. Великан, которому было предсказано, что какой-то сын Юпитера похитит золотые яблоки его Гесперидского сада, хотел его прогнать. Оскорбленный Персей, чувствуя, что борьба с этим великаном будет ему не по силам, показал

ему голову Медузы; лишь только Атлант взглянул на нее, как сейчас же окаменел и превратился в огромную гору, а борода его и волосы обратились в деревья (Овидий). Летя дальше, Персей увидел прекрасную деву, прикованную к скале: это была несчастная Андромеда, дочь царя Эфиопии. Ее мать, красавица Кассиопея, возгордившись своей красотой, вздумала оспаривать первенство у Юноны. Мстительная и ревнивая супруга Юпитера попросила Нептуна послать в эту страну морское чудовище, пожиравшее и истреблявшее все и всех, прибывающих к берегам Эфиопии. Аммонский оракул предсказал, что эта кара будет продолжаться до тех пор, пока не отдадут на съедение чудовищу Андромеду, и несчастная была привязана к скале nereидами. Персей отвязал ее и вступил в бой с морским чудовищем. Поднявшись, опять-таки благодаря своим крылатым сандалиям, над поверхностью моря, Персей стремительно спустился на спину чудовища и всадил ему в плечо свой острый меч.

Освобождение Андромеды Персеем послужило темой для многочисленных произведений искусства. На древних памятниках Андромеда изображалась привязанной

Рис. 129. Нимфы ухаживают за Пегасом. Помпейская живопись

Рис. 130. Пегас.
С античной
монеты

к скале и покрытой длинными одеждами. Новейшие художники трактовали этот же сюжет несколько иначе. У них Андромеда лишена всякой одежды; у Паоло Веронезе и Рубенса Персей спускается с небес, собираясь поразить чудовище. Прекрасная группа в Лувре работы Пюже представляет тот момент, когда герой развязывает узы Андромеды (см. рис. 127). Обрадованный спасением дочери, царь Эфиопии устраивает брачный пир, но так как он уже прежде обещал Андромеду свое-

му брату Финею, то тот во главе многочисленных воинов врывается в залу пира и нападает на Персея. Видя себя окруженным многочисленными врагами, герой вытаскивает голову Медузы, говоря, что те, кто за него, должны отвернуться и не смотреть на то, что у него в руках; все же враги его, взглянув на Медузу, окаменели.

После этих подвигов Персей отправился на родину, желая освободить мать из-под власти Полидекта. Прибыв на остров Сериф, он показал царю голову Медузы, и Полидект тотчас же превратился в камень. Сохранился античный сосуд, на котором изображен Персей, показывающий царю страшную Медузу (см. рис. 128).

Когда из обезглавленного туловища Медузы вышел крылатый конь Пегас, то он прямо поднялся на Олимп, где Юпитер повелел ему возить колесницу Авроры. На многих античных барельефах изображены нимфы, которые моют и украшают Пегаса (см. рис. 129). Он считался также конем муз, потому что ударом копыта о землю вызвал источник Гиппокрены, посвященный музам. Только позднейшие писатели и художники видят в Пегасе коня, на которого садились верхом поэты, когда отправлялись искать вдохновения; в древние же времена Пегас — конь героев по преимущест-

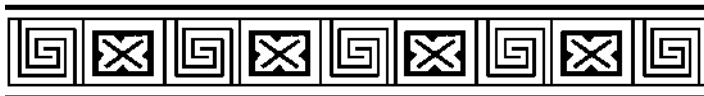

Рис. 131.
Поражение Химеры
Беллерофонтом

ву, и только с его помощью удастся Беллерофонту победить страшную Химеру. Минерва, помогавшая Персею победить Горгону, помогла и Беллерофонту овладеть Пегасом. Она дала ему золотую уздечку, украшенную драгоценными камнями и обладавшую чудодейственной силой. Лишь только отважному герою удалось накинуть ее на Пегаса, тот смирился и, позволив Беллерофонту сесть на него, понес его в страну, опустошаемую Химерой. Беллерофонт, искупая свое преступление (он убил одного из своих сограждан), должен был победить Химеру, дочь Тифона и Эхидны, чудовище с львиной головой, драконовым хвостом и туловищем козы. Но ее мог победить только тот, кто сумеет овладеть крылатым конем Пегасом. Убив ее при помощи Пегаса, Беллерофонт отправился воевать с амазонками и одержал над ними блестящую победу. Воображая, что ему должно все удаваться, он отправился верхом на Пегасе в жилище бессмертных богов. Юпитер покарал дерзкого; он сотворил овода, ужалившего Пегаса; от боли крылатый конь сделал большой прыжок, и неосторожный Беллерофонт упал мертвым на землю.

Подвиги Беллерофонта часто изображались на монетах (см. рис. 130) и гравированных камнях, а также на вазах и на одном из тканых ковров в Дельфийском храме (см. рис. 131).

МАРС, или АРЕС

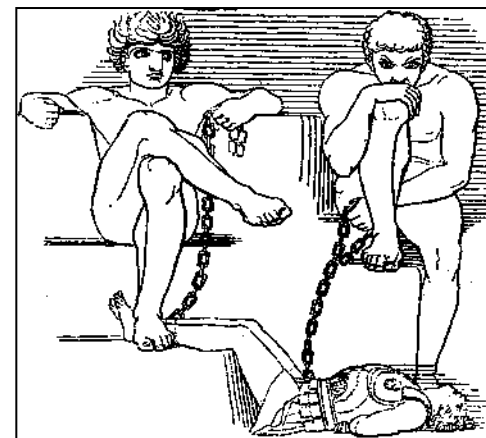
*Тип и атрибуты Марса. — Марс в борьбе с великанами. —
Венера и Марс. — Марс, раненный Диомедом. —
Салийские жрецы.*

Марс, или Арес, кровожадный бог войны, не был особенно почитаемым у греков; в одной воинственной Спарте имел он некоторое значение. И только римляне установили настоящий культ Марса, бога войны. Тип Афины Паллады более подходил к характеру и мягким мирным нравам эллинов; эта богиня олицетворяет правильную войну, ведомую за правое дело или в защиту угнетенных, а Марс — воплощение крово-

жадности и ужасов войны: он не разбирает, на чьей стороне справедливость, и старается только увеличить число жертв и усилить смятение. По странной случайности, древние искусства никогда не изображали этого бога сражающимся, а всегда в мирной позе, как бы отдыхающим после битв. Иногда, подобно Минерве, он держит на руке статую Победы и оливковую ветвь (см. рис. 132). Чаше же всего Марс изображается с блестящим шлемом на голове и с ме-

Рис. 132. Марс. С античной камеи

*Рис. 133.
Скованный Марс,
охраняемый
великанами.
По Флаксмелу*

чом или копьем в руке. У греков очень редко встречаются отдельные статуи Марса, и только скульптор Алкмен Афинский изваял наконец настоящий тип бога войны, послуживший потом прототипом для всех последующих изображений Марса. Он изображен на статуе Алкмена статным, сильным мужем, с короткими вьющимися волосами и с мрачной думой на челе. Отличительные признаки этого бога — щит, копье, оливковая ветвь, волк и дятел.

Сохранилось немало памятников искусства, изображающих союз Марса и Венеры. Рубенс написал на эту тему две прекрасные картины; одна из них находится в музее во Флоренции. Марс принимал деятельное участие в войне богов с великанами, он победил нескольких из них, но в свою очередь был взят в плен великанами Отом и Эфиальтом, которые держали его в оковах в продолжение тринадцати месяцев. Группа скульптора Флаксмелена изображает скованного бога, охраняемого великанами (см. рис. 133). Грубого Марса могла только победить богиня красоты Венера (см. рис. 134). Союз войны с любовью, силы с красотой отвечал вполне греческому духу, и от союза

Марса с Венерой родились дочь Гармония и Эрот, или Амур, бог любви.

Римские художники чаще и охотнее всего изображали Марса, поддававшегося обаянию богини красоты. На многих картинах этим богам приданы черты царствовавших в то время цезарей и их жен. Из новейших произведений пользуется большою известностью картина Пуссена в Лувре.

Марс, являющийся, по сказаниям, противником греков во время Троянской войны, был ранен Диомедом. Дротик, пущенный этим греческим героем, был направлен Минервой в Марса; почувствовав сильную боль, бог войны испустил крик, подобный воинственному крику тысяч сражающихся воинов, и отправился к Юпитеру жаловаться на Минерву. Но повелитель богов принял его весьма немилостиво, говоря: «Непостоянный и кровожадный бог, перестань беспокоить меня своими жалобами; из всех жителей Олимпа я тебя одного ненавижу, ты любишь только

распри, войну и убийство. Ты унаследовал строптивый и неуживчивый характер твоей матери Юноны, которую я не всегда могу заставить повиноваться моей воле. Стрдание, испытываемое тобою теперь, только плоды ее советов». В Лувре находится небольшая картина Давида, изображающая Диомеда, только что бросившего дротик, и Марса, раненого, покрытого кровью.

Култ Марса был очень распространен среди римлян. Полководцы, отправляясь на войну, шли в храм

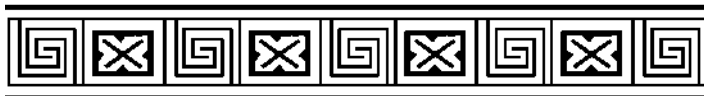

Рис. 134. Марс и Венера.
С античной группы

этого бога просить его помощи против врагов; они дотрагивались до его щита и копья, повешенных над жертвенным алтарем, и громко произносили «Бодрствуй, Марс!» Особенные жрецы — салии («плясуны» или «пляшущие»), учрежденные Нумой Помпилием, исполняли в этих храмах разные обряды, охраняли анцилии (щиты) и устраивали торжественные процессии по городу, сопровождаемые пляской и пением. Согласно преданиям, во время страшной чумы, опустошавшей Рим, с неба упал щит, и чума прекратилась после того, как этот щит (анцилия) был торжественно обнесен вокруг города. Тогда по его образцу было изготовлено еще 11 щитов, которые раз в году, во время праздников в честь Марса, обносились салийскими жрецами вокруг города.

Обыкновенной спутницей Марса была Беллона — олицетворение кровавого боя, она управляла колесницей бога. Ее сопровождала целая свита: Страх, Бегство, Ужас и Распря, которая способствовала гибели Трои, бросив среди богинь золотое яблоко (яблоко раздора). В древнем искусстве встречаются весьма редко изображения Беллоны, и только в последние времена ее часто изображали на батальных и декоративных картинах.

ВЕНЕРА, или АФРОДИТА

Рождение Венеры. — Тип и отличительные признаки Венеры. — Венера небесная и Венера земная. — Пигмалион и его статуя. — Венера Книдская. — Венера Мелосская. — Венера морская. — Туалет Венеры.

Рожденная из морской пены, окрашенной кровью раненого Урана, богиня красоты Венера, или Афродита, была сперва вынесена морскими волнами на берег острова Киферы, а затем на остров Кипр, ставший любимым местопребыванием этой богини. По преданию, всюду, где бы она ни появлялась, под ее ногами вырастали прекрасные цветы и обаянию ее красоты покорялись все боги, люди и даже звери. Существует несколько разноречивых сказаний о рождении Венеры. Но художники, изображая это рождение, представляют ее всегда выходящей из морской пены. На античных картинах богиня обыкновенно лежит в простой раковине. На монетах она изображается на колеснице, везомой тритонами; наконец, на многочисленных барельефах богиня является в сопровождении морских коней или морских кентавров. В XVIII веке французские художники, и главным образом Буше, любили изображать этот поэтический миф на плафонах и декоративных картинах (см. рис. 135). Рубенс написал замечательную по свежести колорита и блеску красок картину «Праздник Венеры», она находится в Венском музее. Из произведений новейших художников большой известностью пользуется картина Бугеро «Рождение Венеры».

*Рис. 135. Рождение Венеры.
С картины Буше*

Туалет Венеры — излюбленный сюжет для художников и поэтов. Горы занимаются воспитанием прелестной богини, а грации присутствуют при ее туалете и помогают ей. «Она — самая красивая из всех богинь, вечно юная, вечно пленительная, ее прекрасные очи сулят одно блаженство, она обладает волшебным поясом, в котором заключены все чары любви, и даже гордая Юнона, желая вернуть любовь Юпитера, просит Венеру одолжить ей этот пояс. Ее золотые украшения горят ярче огня, а прекрасные, увенчанные золотым венком волосы благоухают» (Готфрид Мюллер). Множество картин изображает туалет Венеры и прислуживающих ей граций. Все лучшие художники позднейших времен писали на эту тему, в том числе Буше, Прудон, Рубенс, Альбано, Тициан и много других. Культ Афродиты, по мнению многих ученых-исследователей, был

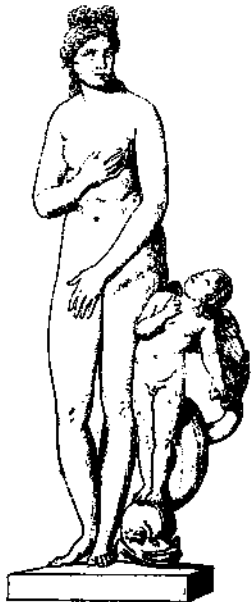

Рис. 136. Венера морская.
С античной статуи

занесен в Грецию из Сирии, где почитали подобную же богиню под именем Астарты.

Когда греческое искусство перешло от грубых и бесформенных примитивных изображений Афродиты к более совершенным, оно стало стремиться к созданию идеального типа, в котором бы соединялись и воплощались все обаятельные качества и красота, какими так щедро наделило эту богиню воображение греков, этих страстных поклонников красоты. Богиню стали изображать сидящей на троне, она обыкновенно покрыта длинной одеждой, складки которой, мягко ниспадая, отличаются особым изяществом. Вообще, отличительный признак всех статуй Афродиты есть именно изящество, элегантность драпировок и движений. Во всех произведениях школы Фидия и его последователей в типе Афродиты выражена, главным образом, женственность ее натуры, и чувство любви, которое она

должна возбуждать, есть чувство чистое и продолжительное, не имеющее ничего общего с вспышками чувственными. И только позднейшее аттическое искусство стало трактовать и видеть в Афродите именно только олицетворение женской красоты и чувственной любви, а не могущественную богиню, покоряющую силой своей прелести и женственности всю вселенную. Вот что говорит Овидий о всемогуществе Афродиты: «Она дает оплодотворенные семена растениям, она первая соединила общественной и семейной жизнью людей, раньше отличавшихся грубостью и жестокостью, она научила каждое живое существо

искать союза с другими существами. Ей обязаны мы размножением птиц и животных. Благодаря ее могуществу живут и размножаются рыбы и все живущие в безбрежных морях и других водах (Венера Морская)» (см. рис. 136); «Она первая придала людям более мягкую, приятную внешность, она же ввела украшения и заботы о наружности». Павсаний в своем описании Фив говорит о том, что с давних времен существовало три различных изображения Венеры: Венера небесная, или божественная, Венера земная и Венера Предохранительница. Черепаха, эмблема женского целомудрия, была посвящена небесной Венере, тогда как козел, символ распутства, был посвящен Венере земной. Сохранилась в Помпее фреска, изображающая Афродиту небесную: богиня покрыта одеждой, усеянной звездами, на голове у нее корона, а в руках скипетр. Знаменитый скульптор Скопас изваял по заказу одного города статую земной Венеры; она сидит верхом на козле; подобное же изображение встречается на античных камнях (см. рис. 137). Эта Венера была особенно чтима в Коринфе — приморском городе, издавна прославившемся красотой своих гетер. Там в храме этой богини приносились жерт-

Рис. 137. Венера земная.
С античной камеи

вы, и там сохранилось несколько интересных посвящений Венере. Вот одно из них: «Добродетельная Микарета, которая прежде проводила дни за ткацким станком, заставляя без устали гулять по нем челнок Минервы, посвятила Венере свою рабочую корзинку, веретено, шерсть и все рабочие принадлежности. Она сожгла их на алтаре богини, говоря: «Исчезните вы все, инструменты труда, допускающие умирать смолоду тружениц и заставляющие увядать и блекнуть красоту бедных девушек!» Затем она украсила чело свое цветами, взяла в руки лютню и стала вести веселую, полную наслаждений жизнь, проводя время в пирах и праздниках».

Остров Кипр также славился своими гетерами. Живущий там скульптор Пигмалион был так возмущен наглостью и испорченностью кипрских женщин, что решил оставаться одиноким на всю жизнь. Но так как в его воображении жил образ идеальной женщины, то он вырезал из слоновой кости статую, в которой соединялись красота форм и чистое, целомудренное выражение. Статуя эта так нравилась самому творцу, что он влюбился в нее, но ей не хватало жизни, а всем живым женщинам, которых он видел, не хватало чистоты, стыдливости. В один из праздников в честь Венеры Пигмалион отправился в храм этой богини, принес ей жертву и стал умолять ее о том, чтобы она дала ему в супруги такую же совершенную женщину, как была совершенна его статуя. По-видимому, богиня затруднилась найти таковую среди живущих и, желая исполнить просьбу

Рис. 138. Венера Капитолийская

художника, она прибегла к чуду. Когда Пигмалион возвратился домой, он подошел поцеловать свою статую, и — о чудо! — под его поцелуями она ожила. Этот поэтический миф во все времена служил темой для многочисленных художественных произведений.

Вначале Венеру никогда не изображали совершенно обнаженной. Поэтому Пракситель возбудил своей статуей всеобщее удивление и даже удивление самой Венеры, которая воскликнула при виде статуи: «Меня видели обнаженной Парис и Адонис, но где и когда мог меня видеть Пракситель?» Плиний рассказывает, что Пракситель, исполняя заказ жителей города Коса, изваял две статуи: одну одетую, другую обнаженную. Они выбрали первую, а художник продал вторую жителям города Книда, и это знаменитое произведение искусства стало для них источником славы и благоденствия, потому что, как говорит Плиний в своих записках, из всех частей земли прибывали в город Книд путешественники, желавшие полюбоваться статуей Венеры.

Поэты и прозаики оставили нам бесчисленное количество самых восторженных описаний этой статуи. По словам одного из них, гордая Юнона и мудрая Минерва, посмотрев на нее, вскричали: «Не будем больше винить Париса!» К сожалению, этой статуи не существует больше, но так как она служила для многих художников прототипом для их Венер, то почти во всех музеях можно видеть повторения, весьма близкие к оригиналу. Кроме того, сохранилось много монет, на которых воспроизведена знамени-

Рис. 139. Венера Анадиомена. С античной статуи из бронзы

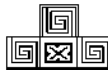

Рис. 140. Венера
Победительница.
С античной камеи

тая статуя. Из более известных статуй Венеры следует упомянуть о Венере Капитолийской (см. рис. 138), Венере Медицейской, находящейся теперь в картинной галерее во Флоренции, и об античной бронзовой статуе Венеры Анадиомены; под этим именем известны все статуи этой богини, на которых она изображена выжимающей свои роскошные волосы (см. рис. 139). Многие художники изображали Венеру Анадиомену, окруженную грифонами, nereидами и амурами. Одной из лучших картин на эту тему считается картина Тициана. Эта богиня также

носит название Венеры Genetrix и почитается как прародительница человеческого рода. Искусство изображает ее в длинной одежде, одна сторона груди у нее обнажена, и в руке она держит гранат, символ плодovitости. Иногда богиня держит копье и шлем Марса, тогда она называется Венерой Победительницей (см. рис. 140). Знаменитая статуя Венеры Мелосской, находящаяся теперь в Лувре, — одно из величайших произведений искусства.

Венере были посвящены мирт и яблоко — символы любви, мак — эмблема плодovitости, воробей и голубь, лебедь и ласточка — вестницы весны, черепаха — символ женского целомудрия — и дельфин — как богине, рожденной из морской пены.

АДОНИС И ГРАЦИИ

*Рождение Адониса. — Охота Адониса. — Смерть его. —
Праздники в честь Адониса.*

Адонис олицетворяет жизнь растительного царства, пробуждающегося весной и умирающего осенью, а так как, согласно древним мифам, всюду на земле, куда бы ни ступила нога прекрасной Венеры, тотчас же из-под нее появлялись цветы, то греки соединили узам любви Венеру и Адониса. Это был юноша поразительной красоты; он возбудил в Венере страстную любовь к себе, и эта изнеженная женственная богиня, не желая расставаться с ним, сопровождала его повсюду, следовала за ним даже и на охоте. Марс из ревности решил погубить Адониса; Диана предупредила об этом Венеру, которая старалась всеми силами убедить своего любимца отказаться от охоты. Но все ее мольбы остались тщетными: юноша пренебрег ее советами и отправился на охоту. Сохранилось много фресок и картин, изображающих сборы Адониса на охоту, но скульпторы древних веков редко пользовались этим мифом для своих статуй. На гравированных камнях он встречается чаще, и Адонис везде представлен в образе прекрасного юноши с красивыми и изящными формами. Художники новейшего времени, напротив того, очень часто вдохновляются мифом об Адонисе. Большой известностью пользуется прекрасная группа Кановы на эту тему. Тициан в своей картине придал Адонису черты лица Филиппа II, для которого она была написана (см.

Рис. 141. Адонис покидает Венеру. С картины Тициана в Луврском музее

рис. 141); он выбрал тот момент, когда Адонис, несмотря на мольбы Венеры, покидает ее. Рубенс почти так же трактовал этот сюжет, но у него Купидон (Амур) старается удержать прекрасного охотника. Альбано, Приудон и много других художников писали на ту же тему. Венера, тщетно прождав возвращения Адониса, отправилась на поиски; она искала его повсюду, пробираясь сквозь кустарники; тернии рвали одежды богини и царапали ее лицо и руки до крови; всюду, куда падали капли крови Венеры, вырастали благоухающие розы. Богиня нашла наконец своего любимца, но уже без признаков жизни; она превратила его в цветок анемона. В Лувре находится картина Пуссена, изображающая умирающего Адониса на руках Венеры. Когда Адонис сошел в царство Плутона, все тени пришли в восторг от его красоты, а Персефона влюбилась в него. Венера, вся в слезах, отправилась на Олимп к Юпитеру и принялась умолять его вернуть ей Адониса, но Персефона ни за что не соглашалась отдать его. Властелин богов, желая их примирить, решил, что юноша будет проводить полгода в жилище смерти, а полгода на земле с Венерой. Этот миф, напоминающий миф о Персефоне, мо-

жет быть объяснен следующим образом: зима, время года, когда растительное царство умирает или засыпает, есть то время, когда Адонис пребывает с Персефоной; наступает весна, все оживает, прекрасный юноша вновь возвращается к богине красоты.

Кульτ Адониса, перенесенный из Сирии финикийцами, быстро распространился среди греков. В Афинах и в Александрии был учрежден праздник в честь этого полубога. Он праздновался в начале весны и продолжался целую неделю. В первый день все участвующие в траурных одеждах оплакивали смерть Адониса и исчезнувшую с ним вместе растительность. В остальные же дни радостно праздновали его возвращение на землю. Сохранилось до наших дней несколько гимнов и радостных песен, которые распевались во время этого праздника.

На всех памятниках примитивного искусства грации изображены одетыми; на знаменитом барельефе, находящемся в Лувре, они покрыты длинными одеждами (см. рис. 142), так же как и на всех монетах Римской эпохи. «Напрасно доискивался я, — говорит Павсаний, — какой скульптор или живописец первый изобразил их об-

Рис. 142. Три грации. С античного барельефа в Луврском музее

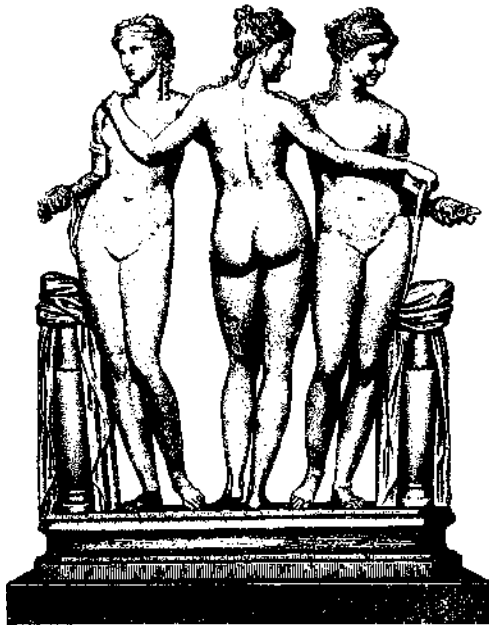
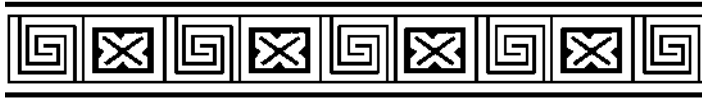

Рис. 143. Три
грации.
Античная группа
в Луврском музее

наженными. На всех древних памятниках они одеты, и я, право, не понимаю, почему же последующие скульпторы и живописцы изменили это. Теперь же все художники изображают их лишенными одежды». Знаменитая античная группа «Три грации» находится в музее города Сиенны. Существует много вариантов этой группы; Луврскому музею принадлежит одно из лучших повторений (см. рис. 143). На многих фресках в Помпее изображены грации в их традиционной позе; этому следовали и Рафаэль, и Рубенс, и многие знаменитые художники. Канова, Торвальдсен и Прадье изваяли на ту же тему прекрасные мраморные группы; произведение Торвальдсена считается лучшим. Из новейших художников группа Жана Пилона считается шедевром; его грации покрыты длинными ту-

никами, но позы их совершенно не согласуются с традициями греческого искусства. Грации олицетворяли все то, что составляет прелесть и привлекательность жизни. Их обязанности были самые разнообразные, они помогали и присутствовали при туалете Венеры, они часто сопровождали крылатого бога Эроса. Философы обращались к ним и приносили им жертвы, прося их придавать их речам более мягкости и интереса, опасаясь, что без помощи граций философия покажется всем слишком сухой и скучной материей. Их призывали в начале пира, прося ниспослать на пирующих нежное веселье и тихую гармонию, они же присутствовали при праздниках, потому что их присутствие изгоняло печаль и заботы, но главные их обязанности заключались в том, чтобы доставлять богам и людям все то, что делает жизнь хорошей и счастливой. Их обыкновенно зовут Пасифеей, Аглаей и Харитой, но на некоторых расписных сосудах им давали следующие имена, как бы намекая на их свойства: Геласия (нежная улыбка), Лекори (блестящая красота) и Комасия (приятная собеседница). Они изображаются всегда обнявшись, олицетворяя этим взаимные услуги и братскую помощь, которую люди обязаны оказывать друг другу для того, чтобы их жизнь была счастливой и спокойной.

АМУР, или ЭРОТ, или КУПИДОН

Рождение Эрота. — Его воспитание. — Тип и отличительные признаки Амура. — Красота Психеи. — Ревность Венеры. — Оракул. — Психея, похищенная Зефиром. — Капля масла. — Странствования Психеи. — Человеческая душа.

Культ Амура, или Эрота, бога любви, существовал уже в глубокой древности у греков, его считали одним из старейших богов. Он олицетворяет ту могущественную силу, которая влечет одно живое существо к другому и благодаря которой рождается все живущее и продолжается род человеческий. Он не только бог любви между различными полами, но он и бог дружбы между мужчинами и юношами. Во многих мужских гимназиях (школы борцов) его изображение стояло рядом со статуями Гермеса (Меркурия) и Геркулеса (Геракла). По древним сказаниям, его происхождение неизвестно, и никто не знает, кто его отец, но позднейшие поэты и художники стали признавать Венеру и Марса за его родителей. Рождение Амура, или Эрота, послужило сюжетом для многих картин, из них одной из лучших считается картина Лезюэра, изображающая Венеру, окруженную тремя грациями; одна из них подает ей прелестного ребенка (см. рис. 144). Эрот всегда изображался под видом мальчика, едва достигшего юношеского возраста. Венера, видя, что ее сын почти не растет, спросила у Фетиды, какая тому причина. Та ответила, что ребенок вырастет, когда у него будет товарищ, который будет его

Рис. 144. Рождение Амура.
С картины Лезюэра

любить. Венера тогда дала ему в товарищи Антеропа («разделенная любовь»); когда они вместе — Эрот растет, но вновь становится маленьким, лишь только Антероп покидает его. Смысл этой аллегии заключается в том, что любовь или дружба должны быть разделяемы другим человеком, для того чтобы расти и развиваться. Воспитание Эрота Венерой очень часто изображалось на камнях и гравированных камнях. Мать играет с ним, отнимает у него лук или стрелы, дразнит его и резвится с ним. Но шаловливый ребенок не остается в долгу у матери, и она не раз испытывает на себе действие его стрел. Эрот, по мифологии, является цивилизатором, сумевшим смягчить грубость первобытных нравов. Искусство воспользовалось этой идеей и, желая выказать непреодолимую силу Эрота, стало изображать его укротителем диких и свирепых зверей. На многих каме-

Рис. 145. Сила любви.
С античной камеи

ях и гравированных камнях Эрот изображен верхом на льве, которого он укротил и превратил в ручного зверя (см. рис. 145). Часто изображается он на колеснице, в которую впряжены дикие звери. Эрот страшен не только людям, но и богам. Юпитер, предвидя уже пред самым рождением его все беды, которые он натворит, приказал Венере умертвить его, но богиня спрятала сына в лесу, где дикие звери вскормили его. Поэты и писатели постоянно твердят о жестокости Эрота, о том, что он не знает жалости, что он наносит неизлечимые раны, заставляет людей совершать самые безрассудные поступки и доводит до преступления. У Анакреона есть несколько прелестных стихотворений на эту тему; вот одно из них: «Посреди ночи, в тот час, когда все смертные спят крепким сном, является Эрот и стучит в мою дверь. “Кто там стучит? — восклицаю я. — Кто прерывает мои сны, полные очарования?” — “Отвори! — отвечает мне Эрот. — Не бойся, я мал, я весь промок от дождя, луна куда-то скрылась, и я потерял дорогу в ночной темноте”. Услышав его слова, мне становится жалко бедняги, я зажигаю мой светильник, открываю дверь и вижу перед собою дитя; у него крылья, лук, колчан и стрелы; я подвожу его к моему очагу, согреваю его холодные пальчики в своих

Рис. 146. Венера и Амур.
С античной камеи

руках, вытираю его мокрые волосы. Но едва успел он немного оправиться, как берется за лук и стрелы. “Я хочу, — говорит он, — посмотреть, не отсырела ли тетива”. Он натягивает ее, пронзает мне сердце стрелой и говорит мне, заливаясь звонким смехом: “Мой гостеприимный хозяин, радуйся; мой лук совершенно здоров, но зато сердце твое больное”».

В искусстве у Эрота два совсем различных типа: он изображается то под видом прелестного крылатого ребенка, играющего с матерью (см. рис. 146), то под видом юноши. В Пию-Клементинском музее находится прекрасный тип Эрота-юноши. К сожалению, сохранились только голова и плечи (см. рис. 147). Пракситель первый дал идеальный тип Эрота, послуживший прототипом для всех последующих статуй этого бога. Этот знаменитый скульптор был большим поклонником прекрасной гетеры Фрины, которая просила его подарить ей самое лучшее из его произведений. Пракситель согласился исполнить ее просьбу, но все не мог решиться указать, которую из своих статуй он считает лучшей. Тогда Фрина прибегла к следующей хитрости: она велела одному из ее рабов прийти сказать Праксителю, что его мастерская объята пламенем; встревоженный художник кинулся к двери, крича, что все плоды его долголетних трудов пропали, если пламя не пощадит

Рис. 147. Амур-юноша.
С античного бюста

его двух статуй — Сатира и Эроса. Фрина успокоила его, сказав, что это было только испытание и что теперь она знает, какие произведения он считает лучшими, и выбрала себе Эроса. Она принесла в дар статую родному своему городу Феспии, только что опустошенному Александром Великим. Статую поставили в храм, посвященный богу любви, и туда стали приезжать из разных стран только для того, чтобы любоваться этим великим произведением искусства. «Феспия, — говорит по этому поводу Цицерон, — превращена теперь Александром в ничто, но в ней появился “Купидон” Праксителя, и нет путешественника, который не завернул бы в этот город, чтобы посмотреть на эту прекрасную статую». Калигула перенес ее в Рим, а Клавдий возвратил ее феспийцам, Нерон ее вновь отнял, и она погибла при пожаре, уничтожившем большую часть Рима. Знаменитый скульптор Лизипп изваял также статую Эроса; она была помещена в том же храме, где находилось произведение Праксителя. В храме Венеры в Афинах находилась знаменитая картина Зевксиды, изображавшая бога любви, увенчанного розами. До римского владычества Эроса продолжали изображать юношей, статным и изящным по формам, и только после этой эпохи является он на памятниках искусства в виде крылатого и здорового ребенка. Его отличительные признаки — крылья, лук, колчан со стрелами.

Новейшее искусство очень часто изображало Амура. В одной из комнат Ватикана Рафаэль написал его на колеснице, везомой бабочками и лебедями; почти во всех музеях находятся картины этого художника с изображением маленького бога любви и Венеры. Корреджо и Тициан писали Купидона в различных позах и видах, но никто так часто не изображал бога любви, как Рубенс: почти во всех картинных галереях можно встретить его толстеньких, румяных и веселых купидонов. Во французской школе Пуссен, Лезюэр, а в особенности Буше, являются худож-

Рис. 148. Торговка амурами.
С античной живописи

никами — специалистами амуров, прелестных и веселых, но ничем не напоминающих идеального типа Праксителя. Художник Виен написал интересную картину, сюжет которой заимствовал с античной картины, — называется она «Торговка амурами» (см. рис. 148). Прюдон оставил также много картин, сюжетами для которых послужили различные похождения Амура. Этот божок часто наудачу, подобно слепцу, не видящему цели, пускает свои стрелы, и вот почему поэты называют любовь слепой. Корреджо и Тициан, желая олицетворить эту идею, изображали Венеру, надевающую повязку на глаза сыну.

В позднейшие времена Эроса соединяли с Психеей, олицетворяющей человеческую душу и изображавшейся под видом прелестной нежной девушки с крыльями бабочки. Апулей в своих «Метаморфозах» соединил разнообразные элементы мифа о Психее в одно поэтическое целое. По его словам, у одного царя было три дочери, все красивые, но если для описания двух старших можно было подобрать на человеческом языке подходящие выражения и похвалы, то для младшей этого было недостаточно: красота ее была так совершенна, что не поддавалась никакому описанию простого смертного. Жители страны и чужестранцы являлись целыми толпами, привлеченные слухами

об ее красоте, и, увидав ее, они преклоняли колени перед ней и воздавали ей такие почести, как будто перед ними была сама Венера. Наконец распространился слух, что это сама Венера, сошедшая на землю с вершин Олимпа. Никто не стал больше ездить в Книд, никто не посещал островов Кипра и Киферы, храмы Венеры оставались пустыми, на алтарях не приносили больше жертв, и только когда появлялась Психея, народ принимал ее за Венеру, преклонялся перед ней, осыпал ее цветами, возносил к ней свои мольбы и приносил ей жертвы. Это благоговение перед красотой, так соответствовавшее духу греческого народа, прекрасно выражено в одной из обширных композиций Рафаэля на эту тему (см. рис. 149). Возмущенная Венера, мучимая завистью к своей счастливой сопернице, решила ее наказать. Она призвала сына, крылатого бога любви, и поручила ему отомстить за нее той, которая осмелилась оспаривать у нее первенство красоты. Она просила Эроса внушить Психее любовь к человеку, недостойному ее, к самому последнему из смертных. Обе сестры Психеи вышли замуж за царей; одна только Психея, окруженная толпами поклонников, не находила себе супруга. Отец ее, пораженный этим, спросил у оракула Аполлона, что тому причиной, и получил в ответ приказание выставить дочь на скале, где она должна

Рис. 149.
Преклонение перед
красотой Психеи.
Композиция
Рафаэля

Рис. 150. Похищение
Психеи. По Приодону

ожидать брачного союза: ее супругом будет бессмертный, у него крылья как у хищной птицы, и он подобно этой птице жесток и коварен, внушает страх не только людям, но и богам, и покоряет их. Повинуясь оракулу, отец отвел Психею на скалу и оставил ее там ожидать таинственного супруга. Дрожа от ужаса, красавица заливалась слезами, как вдруг нежный Зефир приподнял ее и понес на своих крыльях в прекрасную долину, где опустил ее на мягкую траву. Похищение Психеи Зефиром послужило сюжетом для многих картин (см. рис. 150). Психея увидала себя в прекрасной долине; прозрачная река омывала берега, покрытые прекрасной растительностью; у самой реки стоял великолепный дворец. Психея отважилась переступить порог этого чертога; в нем нет и признака живого существа; она обходит его, и везде все пусто; только голоса невидимых существ говорят ей, и чего бы она ни пожелала — все к ее услугам. И действительно, невидимые руки прислуживают ей за столом, покрытым яствами и напитками, невидимые

Рис. 151. Амур
и Психея.
С картины Жерара
в Луврском музее

музыканты играют и поют, услаждая ее слух. Так проходит несколько дней; по ночам посещает Психею ее таинственный супруг, Амур, но она его не видит и только слышит его нежный голос; он просит ее не стараться узнавать, кто он: лишь только она это узнает, наступит конец их блаженству. В Лувре находится прекрасная картина Жерара «Амур целует Психею» (см. рис. 151). По временам Психея, вспоминая предсказание оракула, с ужасом думает о том, что, несмотря на нежный голос, ее супруг может быть каким-нибудь ужасным страшилищем.

Сестры, оплакивая печальную судьбу Психеи, искали ее повсюду и наконец пришли в ту долину, где она живет. Психея встречает их и показывает им дворец и все сокровища, заключающиеся в нем. С завистью смотрят сестры на всю эту роскошь и начинают осыпать ее вопросами об ее супруге, но Психея должна была признаться, что она его

никогда не видала. Сестры принимают ее убеждать зажечь ночью светильник и посмотреть на него, уверяя ее, что это, наверное, какой-нибудь страшный дракон. Психея решает последовать советам сестер; ночью подкрадывается она с зажженным светильником в руке к ложу, на котором покоится ничего не подозревающий бог любви. Она при виде его приходит в восторг, любовь ее к нему все растет, она наклоняется к нему, целует его, и горячая капля масла падает со светильника на плечо Амура. Проснувшись от боли, он тотчас же улетает, оставив Психею предаваться своему горю. Эта сцена очень часто воспроизводится художниками новейшей эпохи. Большой известностью пользуется картина Пико на эту тему (см. рис. 152). Психея в отчаянии бежит за ним, но напрасно: она не может его догнать, он уже на Олимпе, и Венера перевязывает ему раненое плечо.

Мстительная богиня, желая наказать Психею, ищет ее по всей земле. Наконец находит, заставляет ее исполнять разные работы и посылает ее к Персефоне принести ей от нее ящик с красотой. Психея отправляется; по дороге ей попадает старая богиня, которая обладает даром слова и дает советы Психее, как попасть в жилище Плутона; она также предупреждает ее не поддаваться больше любопыт-

Рис. 152. Амур
покидает Психею.
С картины Пико

ству, уже раз оказавшемуся столь губительным для нее, и не открывать ящика, который она получит от Персефоны. Психея переправляется через реку мертвых в лодке Харона и, следуя совету старой богини, умиряет Цербера, дав ему пирог с медом, и получает, наконец, ящик от Персефоны. Вернувшись на землю, она позабывает все советы и, желая воспользоваться красотой для себя, открывает ящик. Вместо красоты из него поднимается пар, который усыпляет любопытную Психею. Но Амур успел уже улететь от матери, он находит Психею, будит ее стрелой, посылает скорее отнести ящик Венере, сам же он отправляется к Юпитеру и умоляет его вступить перед Венерой за его возлюбленную. Юпитер дарует Психею бессмертие и приглашает богов на свадебный пир. Прекрасная группа Кановы, находящаяся в Лувре, изображает «Пробуждение Психеи» (см. рис. 153). Рафаэль на одном из своих декоративных панно изобразил свадебный пир Психеи и Амура. Сохранилось много античных камей с изображением Психеи и Амура; эти камеи дарились обыкновенно молодым супругам как свадебные подарки (см. рис. 154). От союза Психеи с богом любви родилась дочь Блаженство (Счастье).

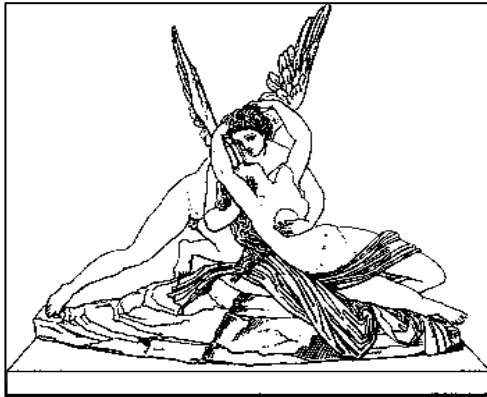

Рис. 153.
Пробуждение
Психеи.
С группы Кановы
в Луврском музее

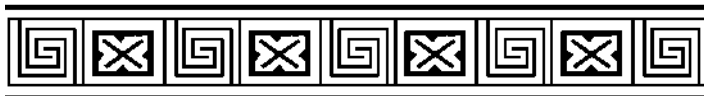
Весь этот миф изображает вечное стремление человеческой души ко всему возвышенному и красоте, дающей человеку высшее счастье и блаженство. Психея есть символ человеческой души, которая, по мнению греческих философов, до сошествия своего на землю живет в тесном общении с добром и красотой. Наказанная за свое любопытство (низменный инстинкт), Психея бродит по земле, но в душе ее не заглохли стремления к возвышенному, добру и красоте; она повсюду ищет их, исполняет всевозможные работы, проходит через целый ряд испытаний, которые подобно огню очищают ее душу; наконец, спускается в жилище смерти и, очищенная от зла, обретает бессмертие и вечно живет среди богов, «потому что, — говорит Цицерон, — то, что мы называем жизнью, есть в действительности смерть; наша душа начинает жить только тогда, когда освобождается от брэнного тела; только сбросив эти тягостные оковы, обретает она бессмертие, и мы видим, что бессмертные боги посылают всегда смерть своим любимцам как высшую награду!».

Искусство изображает Психею всегда в виде нежной молодой девы, с крыльями бабочки на плечах; очень часто на камнях подле нее лежит зеркало, в котором душа, до своей земной жизни, видит отражение обманчивых, но привлекательных картин этой земной жизни. Как в древнем, так и в новом искусстве существует много художественных произведений, изображающих этот поэтический миф.

Рис. 154. Амур
и Психея.
С античной камеи

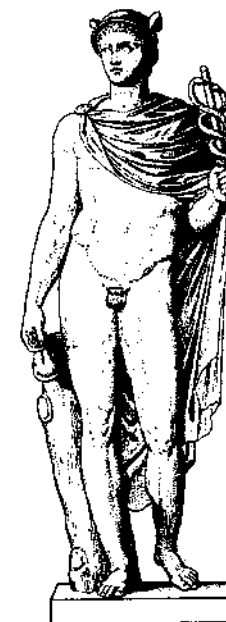
ГЕРМЕС, или МЕРКУРИЙ

Тип и атрибуты Меркурия. — Меркурий — изобретатель лютни. — Меркурий — бог торговли, бог гимназии и педагог. — Меркурий — охранитель дорог, путешественников и мореплавателей. — Меркурий — бог красноречия, посланник богов и проводник душ. — Жалобы Меркурия.

Гермес, или Меркурий, является в мифологии воплощением обмена, передачи и перехода из одного состояния или положения в другое. Небесный посланник, он передает богам молитвы людей, а людям — благодеяния богов; как проводник душ, он олицетворяет переход от жизни к смерти; бог красноречия и договоров, он передает другим мысли оратора или посланника. Он — бог гимназий (школы борцов), потому что борьба состоит в передаче сил; он — бог воров и торговли, потому что предмет, украденный или купленный, переходит из одних рук в другие. На памятниках архаического искусства, в особенности на вазах и сосудах, Меркурий изображен в расцвете лет, с густой остроконечной бородой, с длинными выющимися волосами, в дорожной низкой шляпе, с крылатыми сандалиями и держащим в руке кадуцей, который иногда на статуях походит на скипетр. На гравированных камнях более поздней эпохи Меркурий иногда изображен с бородой, но эти изображения, несомненно, — подражание древним памятникам, потому что в эпоху золотого века греческого искусства тип Меркурия совершенно иной (см. рис. 155).

Он изображен высоким, стройным юношей, всегда безбородым, с коротко стриженными волосами, представляя таким образом идеальный тип юноши, посещающего школы борцов (гимназии). Лицо его не выражает величия Юпитера или гордости Аполлона, но в нем часто отражается лукавство, присущее этому хитроумному и ловкому богу. Низкая крылатая шляпа и кадуцей — главные атрибуты Меркурия; даже когда его изображают с обнаженной головой, то на голове у него крылья (см. рис. 156). Кадуцей его, или жезл, — палка, которую обвивают две змеи. Иногда у него на пятках крылья или крылатые сандалии. Ему часто придают и другие атрибуты, сообразно с его различными обязанностями и должностями. Он исполняет обязанности божественного пастуха, и его тогда изображают с бараном или козой; как изобретатель лютни, он изображается в сопровождении черепахи, из которой он сделал первую лютню; петух придается ему как атрибут бога гимназий (школы борцов); кошелек в его руке указывает на то, что он — бог торговли. Этот последний атрибут встречается чаще всею на памятниках римского происхождения, так как у римлян Меркурий является по преимуществу богом торговли.

Гермес, или Меркурий, сын Юпитера и Майи, дочери Атланта, родился в пещере на аркадской горе Киллене. Немногие из богов упоминаются так часто в мифологии, как этот бог, его роль очень важная, хотя он считается вто-

*Рис. 155. Меркурий.
С античной статуи
в Луврском музее*

ростепенным богом, но во многих случаях он, подобно лакею в комедии, оказывается главным лицом, руководящим ходом всего дела. Меркурий изобрел лютню в тот же день, как появился на свет. Сбросив с себя пеленки, в которые завернула его заботливая мать, он выбежал из пещеры. У входа увидал он черепаху, медленно и важно прогуливающуюся по мягкой траве. Он ее схватил, вытащил животное из его жилища (панциря), натянул бараньи струны и покрыл твердый черепаший остов бычьей шкурой. Окончив свою работу, он ударил по струнам и пришел в восторг от звуков, издававшихся его новым инструментом. Обрадованный своим изобретением, бог импровизирует тотчас же несколько гармонических стихов, которые тут же распевает в честь своего изобретения. Меркурий с самого раннего возраста проявляет качества, доставившие ему впоследствии почетное звание бога воров. В первый же день своего появления на свет он крадет трезубец Нептуна, стрелы Купидона, меч Марса, пояс Венеры и, желая достойно закончить столь удачно начатый день, отправляется в Пиерию и крадет там стадо быков, принадлежащее Аполлону. Принимая всевозможные предосторожности, чтобы запутать и скрыть следы, ведет он стадо в Пилос, приносит двух коров в жертву олимпийским богам, а остальных прячет в пещере. Возвратясь в пещеру на гору Киллену, он ложится как ни в чем не бывало в свою люльку и закутывается в пеленки. Мать, заметившая его отсутствие, спрашивает, где он пропадал и что делал, и грозит ему, что сын Латоны (Аполлон) сумеет его найти и разоблачить его хитрости, но он дерзко отвечает: «Мать, не старайся меня запугать, точно я слабый ребенок, который сделал какую-то шалость и трусит даже голоса своей матери. Я же хочу и буду заниматься таким искусством, которое прославит и тебя, и меня» (гомерический гимн). Между тем Аполлон, обладающий всеведением пророка, узнает тотчас же, кто украл его коров, он отправляется в пещеру к Меркурию. При виде раз-

гневанного бога Меркурий еще тщательнее завертывается в свои пеленки и вначале дерзко отрицает покражу, хитро прибавляя: «Я не обладаю еще силой человека, способной увести целое стадо. Да притом это не мое ремесло, у меня другие обязанности, я еще нуждаюсь пока в материнском молоке и в ее заботах о моих пеленках. И смотри не говори никому о нашей теперешней ссоре, подумай, с каким недоверием и сомнением отнеслись бы бессмертные к твоим словам, если бы ты вздумал раз сказать им, что ребенок, едва родившийся, отправился в твоё жилище и увел твоё стадо» (гомерический гимн). Но Аполлона было нелегко провести, он взял маленького Меркурия и понес его к Юпитеру, прося его возвратить ему коров, украденных его сыном. Меркурий и тут хочет отрицать свое преступление, но Юпитер, который все знает и видит, приказывает ему возвратить коров их владельцу. Меркурий повинуеться и ведет Аполлона в пещеру, где находятся коровы. Пока Аполлон занят тем, что пересчитывает стадо, Гермес начинает играть на лютне. Аполлон приходит в такой восторг от его игры и инструмента, что хочет его купить. Меркурий, как будущий бог торговли, понимая, что он может заключить выгодную сделку, соглашается отдать лютню, но требует за нее коров. Аполлон соглашается. Пока он только приспосабливается играть на ней, Меркурий уже придумывает другой инструмент — пастуший рожок — и в обмен за него

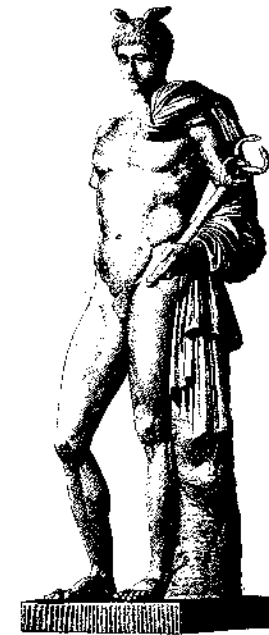

Рис. 156. Меркурий. С античной статуи в Луврском музее

получает от Аполлона кадуцей. Дерзость и наглость, с которой Меркурий лгал в день своего рождения, и талант, который он обнаружил в защите такого дурного и неправого дела, заставили его признать и почитать как покровителя и патрона всех адвокатов. Меркурий с первых же дней обнаружил такие способности при обмене и продаже, что все его стали почитать как бога торговли. Искусство тогда изображает его с кошельком в руках; ту же эмблему придают ему, когда он олицетворяет бога воров, но в первом случае он изображается в виде стройного, статного мужчины, как бы размышляющего и взвешивающего свои поступки, а во втором случае ему придают вид ребенка (см. рис. 157), лукаво и хитро улыбающегося, как бы вспоминающего свои похождения. Меркурий — бог школы борцов и покровитель всех гимнастических упражнений в палестрах; его тогда изображают статным, сильным эфебом, с коротко стриженными волосами и с петухом и пальмой — эмблемами борьбы, силы и выносливости. Бой петухов был одним из любимых зрелищ греков, которые избрали эту птицу символом борьбы. Во всех гимнасиях можно было найти изображение Меркурия, чаще всего в виде головы этого бога, поставленной на пьедестал. И Меркурий сам посмеивается над такими изображениями. «Меня зовут, — говорит он, — быстроногим Гермесом. Так не ставьте же меня в палестрах лишенным ног и рук. Стоя на пьедестале без рук и без ног, как могу я быть быстроногим и ловким борцом?!» Так как письма служат для передачи мыслей и идей людей между собой, то Меркурий, как бог обмена и передачи, является изобретателем азбуки и научает людей искусству передачи их идей и мыслей посредством письма. К нему обращаются с просьбами и молитвами учителя, общественные писцы и все занимающиеся писанием. Все инструменты, которые употребляются при писании, а также и для геометрии, ему посвящены; он, кроме того, изобрел цифры, меры и весы. Меркурий находится в пос-

Рис. 157. Меркурий-ребенок на своей колеснице.
С античного барельефа на слоновой кости

тоянном общении с человеческим родом, он любит принимать участие в его жизни, невзгодах и благоденствии; он олицетворяет производительную силу природы и является посредником между природой и человечеством, он заботится о плодородности полей и, как бог-пастух, охраняет стада. В Аркадии, пастушеской стране по преимуществу, культ Гермеса был очень распространен. Он, как бог торговли, является естественным покровителем путешественников и мореплавателей, охранителем дорог и водяных путей. В глубокой древности на перекрестках складывали в кучу камни; они изображали жертвенники этого бога, и каждый прохожий должен был прибавлять свой камень к этому примитивному памятнику. Впоследствии стали воздвигать ему же жертвенники иной формы. На памятниках искусства, изображающих Меркурия как бога красноречия, ему придан особенный жест: у него поднята правая рука, как будто бы он хочет что-то разъяснить. Искусство передавать мысли посредством речей — одно из многочисленных качеств Меркурия, и в его обязанности входило обучение людей этому искусству. К нему обращались, когда желали испросить у него дар памяти и умение говорить. В одном орфическом гимне говорится о многочисленных обязанностях этого бога: «Любимый сын Майи и Юпитера, бог путешественников, посланник бессмертных, обладатель обширного сердца, строгий цензор человечества,

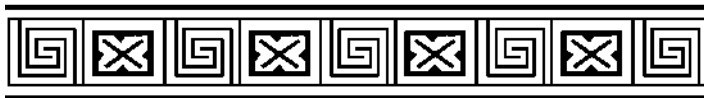
Рис. 158. Меркурий ведет души в царство Плутона

остроумный бог, принимающий тысячу видов, убийца Аргоса, бог с крылатыми ногами, друг человечества, покровитель красноречия, ты, любящий хитрость и борьбу, переводчик со всех языков, друг мира, счастливый бог и бог полезный, покровитель труда и помощник в людских бедствиях, выслушай мои молитвы, даруй мне счастливый конец моего существования, удачу в моих трудах, ум, одаренный памятью, и дар красноречия».

Одна из главнейших и важнейших обязанностей Меркурия — служить посланником богов и посредником между ними и человечеством. Он по преимуществу посол Юпитера, исполнитель всех его повелений; у него крылатая шляпа и крылатые сандалии, как бы для того, чтобы быстрее исполнять поручения богов. Кадуцей, всегдашняя принадлежность Меркурия, имеет различное значение: первоначально он просто олицетворял жезл герольдов; впоследствии ему стали придавать чудесную силу — так, например, Меркурий усыпляет при помощи кадуцея бдительного Аргоса, желая спасти от него несчастную Ио. Сохранилась прекрасная бронзовая статуя Джованни да

Болонья во Флоренции «Меркурий, отправляющийся исполнять повеления Юпитера». На этом же боге лежала специальная обязанность провожать души умерших в царство Плутона. На многих памятниках искусства Меркурий изображается исполняющим эту обязанность, а на одной античной фреске этот бог представлен вручающим Плутону, в присутствии Персефоны, две души (см. рис. 158). Из всех богов Олимпа Меркурий является самым неутомимым деятелем; на его долю выпало столько разнообразных трудов и обязанностей, что при всем своем трудолюбии он не может удержаться, хоть изредка, от жалоб. По словам Лукиана, он говорит: «Нет бога несчастнее меня: у меня у одного столько дела и такое множество самых разнообразных обязанностей! С утра я должен вымести зал, где пируют боги; приведя там все в порядок, я отправляюсь к Юпитеру выслушивать его приказания и поручения и затем, выполняя их, ношусь точно скороход между Олимпом и землей».

ПАН

Рождение Пана. — Амур, побеждающий Пана. — Нимфа Сиринга. — Нимфа, превращенная в сосну. — Пан и нимфа Эхо.

Пан — очень древнее божество, преимущественно почитаемое в Аркадии. Он — бог лесов и пастбищ, покровитель пастухов и охранитель стад; на его обязанности лежит забота о них и об их размножении. Он явился на свет с рогами, козлиными ногами и большой бородой и считается сыном Меркурия, этого посланника богов и посредника, а потому и, естественно, отца божества, переходного от высших богов к низшим, являющимся в мифологии в образе животных. По-видимому, рождение такого странного сына произвело очень неприятное впечатление на мать, да и боги Олимпа, которым Меркурий показал Пана, встретили его появление всеобщим смехом. В одном из гомерических гимнов это происшествие рассказывается следующим образом: «Меркурий отправился в Аркадию пасти стада простого смертного, потому что там жила прекрасная нимфа, дочь Дриопа, покоровшая сердце хитроумного бога. От этого союза родился странный ребенок с козлиными ногами, с густой бородой и с челом, украшенным двумя рогами. Мать, объятая ужасом при виде такого страшилища, убежала, покинув сына на произвол судьбы, но Меркурий, нисколько не смущаясь его странным видом, взял его на руки, и, гордый и радостный, отнес его на Олимп, где показал его всему

собранию богов. Все бессмертные развеселились при виде такого уродца и назвали его Паном». В Лувре находится прекрасная античная статуя Пана, в которой с большим мастерством подчеркнуты все животные черты, характеризующие это божество. Иногда, впрочем, его изображают с человеческими ногами, а на некоторых монетах он является даже в образе юноши, но при нем всегда его отличительные признаки — пастушья палка и пастушья свирель (см. рис. 159). Древние писатели изображали его всегда стариком и поразительно некрасивым.

Пан недолго оставался на Олимпе; он любит больше всего лес, горы и поля; он то пробирается сквозь чащу лесов, то карабкается на недоступные скалы и оттуда наблюдает за стадами или же рыскает по горам и перескакивает через пропасти; он вечно в движении, и даже вечером, утомленный своими дневными странствованиями, он не может спокойно отдохнуть, а играет на свирели, и ее нежные звуки привлекают прекрасных нимф, которые приходят плясать на траве под эти звуки. И Пан не может усидеть, он появляется среди них и носится в дикой пляске, пугая нимф своими прыжками. Все нимфы смеялись над уродливым Паном, и он решил никогда никого не любить. Но жестокий Купидон, с которым он однажды попробовал бороться, ранил его сердце, зажег в нем неугасающую любовь к нимфам, и бедный Пан постоянно страдал по какой-нибудь из них. Однажды встретил он целомудренную нимфу Сирингу, единственной страстью которой была охота. Пан тотчас же воспылал к ней любовью, но жестокая нимфа не только не захотела слушать его признаний, а бросилась еще бежать от него. Преследуемая Паном, она добежала до реки Ладона,

*Рис. 159. Пан.
Прорисовка
с античной монеты*

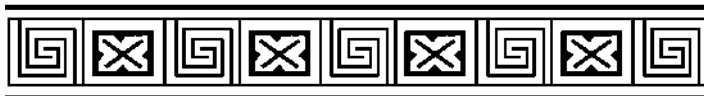
у речного бога которой она стала просить защиты, и тот превратил ее в тростник. Огорченный Пан вырезал несколько тростников различной величины, связал их и стал извлекать из них нежные, жалобные звуки, трогающие даже сердца жестоких нимф. Таким образом была изобретена пастушья свирель (syrinx), и Амур, желая утешить огорченного Пана, предсказал ему, что его игра будет привлекать к нему всех красавиц-нимф. И предсказание коварного бога любви исполнилось. Нимфы, едва заслышав свирель, сбегались и плясали вокруг этого уродливого бога. Пан скоро позабыл свою любовную неудачу; ему вновь понравилась нимфа Питис, которая, восхищенная его музыкой, приблизилась к нему и стала отвечать на его вопросы (см. рис. 160). Но эту нимфу любил холодный и страшный Борей (северный ветер); увидав свою возлюбленную, увлеченную игрой другого бога, он вспылал ревностью и принялся дуть с такою силой, что бедная нимфа, не устояв на ногах, упала в пропасть и разбилась. Боги, тронутые ее горестной судьбой, превратили ее в сосну, и с тех пор это дерево посвящено Пану, которого иногда изображают с венком из сосновых веток на голове. Так же несчастливо окончилась его попытка союза с нимфой Эхо, превратившейся в скалу: от нее остался только ее голос.

Рис. 160. Пан
и нимфа Питис

Пан, как символ темноты, нагоняет на людей страх; он также не любит, когда тревожат его покой шумом, — тогда раздается его грозный голос, нагоняя страх на всех. Он приводит в ужас путников своим внезапным появлением на дороге перед ними, и благодаря ему люди часто испытывали ничем не объяснимый «панический» страх. Вообще, всякий испуг или страх, являющийся без основательных причин, приписывался влиянию Пана, и этим паническим страхом объясняли также внезапное бегство с полей битв. Так, например, афиняне верили, что они только при помощи Пана победили многочисленных персов, бежавших с поля сражения при Марафоне. Они в благодарность за это посвятили Пану священное место, поставили там много его статуй и учредили в честь его праздник с жертвоприношениями и шествиями. Культ его, как покровителя и охранителя домашних животных, относится к самому древнейшему варварскому периоду. Примитивные статуи Пана были снабжены очень реальным символом бога, заботящегося о размножении и увеличении стада. Но в те отдаленные времена такой реализм не считался безнравственным. Зато когда стада не размножались, пастухи осыпали ударами розог изображение нерадивого божества. Пан считался также богом света, шумной музыки и шумного веселья. Только впоследствии, под влиянием орфической поэзии, он является олицетворением вселенной, а его свирель о семи трубках изображала гармонию вселенной. В царствование Тиберия, как рассказывает предание, раздался однажды громкий горестный крик: «Великий Пан умер, умер великий Пан!», и с тех пор никто не слышал ничего больше о боге Пане.

ВЕСТА, или ГЕСТИЯ

Тип и атрибуты Весты. — Семейный очаг. — Римские весталки. — Лары и пенаты. — Гении.

Веста, или Гестия, есть олицетворение домашнего очага, на котором всегда горит священный небесный огонь, поддерживаемый всеми членами семьи. Этот очаг есть центр семейной жизни: семья, собираясь вокруг него, укрепляла свои узы. И вместе с тем это место, куда она ставила своих домашних богов — ларов и пенатов. Тут, вокруг священного очага, вдали от суетной и шумной общественной жизни, семья находила мир и покой; тут должны были существовать только согласие, любовь и чистые, целомудренные нравы. И все это могла даровать Веста, и она же должна была охранять семейный очаг от всего дурного.

Веста была старшей дочерью Сатурна и Реи. Проглоченная отцом, она только впоследствии увидела свет, когда Сатурна принудили вернуть проглоченных детей. Аполлон и Меркурий, два могучих бога, искали брачного союза с ней, но она поклялась головой Юпитера сохранить вечную девственность и сдержала свою клятву. За это Юпитер даровал ей то преимущество, что на всех семейных очагах приносили ей первой жертвы и почитали ее в храмах всех богов. Она является для смертных самой священной из богинь. В древние века очаг был символом семейной жизни, счастье которой основывалось на целомудрии и чистоте жены. Веста, как охранительница семьи, причислялась

и почти отождествлялась с домашними богами и предками — покровителями живых членов семьи, и ее место всегда посреди дома. Она, подобно скромной девственнице, удаляется от шумной жизни, не принимает в ней почти участия; вот почему у нее нет особенной легенды или мифа и почти не существует ее изображений. Впоследствии ей воздвигались алтари посреди города как охранительнице города и всех общественных союзов. Когда члены общества покидали родной город, чтобы поселиться в другом месте или основать другой город, они увозили с собою огонь, взятый на алтаре этой богини, для того чтобы зажечь огонь на их новом очаге.

Общественное здание Пританеум находился посреди города и считался храмом Весты: там на алтаре девственницы поддерживали вечный огонь, а члены-управители приносили ей там каждый день жертвы — вино, хлеб, плоды и проч. Там же, в Пританеуме, у очага Весты, принимались чужестранные послы и устраивались для них пиры. У этой богини поэтому было мало отдельных храмов; в Дельфах, городе, считавшемся центром вселенной, находился храм Весты, и он считался религиозным центром для всего греческого народа. Но главным очагом, центром как для богов, так и для людей, был очаг Весты на Олимпе, на котором горел небесный огонь. В храмах этой богини не было ее изображений; она олицетворялась пламенем, всегда поддерживаемым на ее алтаре: «У нее, — говорит Овидий, — так же, как у пламени, нет ни тела, ни образа, ни изображения». Но, несмотря на слова Овидия, изображения существовали, хотя в очень ограниченном количестве.

*Рис. 161. Веста.
С античной статуи*

Плиний упоминает о статуе Весты, изваянной Скопасом, которая очень славилась в древности. Существует также античная статуя неизвестного художника, изображающая Весту, одетую в длинную тунику, прихваченную поясом; на ней накинут длинный плащ, на голове покрывало, а в руке светильник — символ вечного огня (см. рис. 161). Сохранилось несколько ламп, посвященных Весте; они часто украшены ослиной головой. Это животное фигурировало также на некоторых праздниках, учрежденных в честь этой богини. Этим напоминали об услуге, оказанной ей ослом Силена. Однажды Приап, веселый полубог полей, увидав спящую Весту и думая, что его никто не видит, подкрался к ней, желая ее поцеловать, но осел Силена, находившийся невдалеке, возмущен тем, что Приап собирается нанести оскорбление такой уважаемой богине, принялся так громко кричать, что все жители Олимпа проснулись, и дерзкий полубог должен был отказаться от своего намерения.

Хотя Веста находится повсюду, но она чаще всего — среди семьи у очага; поэтому свадебный обряд происходит не в храме, а у очага. Свадебная церемония состояла из трех обрядов, и все они исполнялись у очага. Первый обряд заключался в том, что жених являлся в дом невесты, отец ее собирал всех членов семьи вокруг очага, приносил жертву Весте и объявлял дочери, что он позволяет ей отказаться от ее предков и покинуть домашний очаг, чтобы идти разделить жилище ее супруга. Тогда приступали ко второму обряду: молодую девицу, одетую в белые одежды, с длинным покрывалом на голове и увенчанную цветами, отводили в дом ее супруга. Там у порога пелись религиозные гимны и разыгрывалась очень интересная церемония похищения невесты. Молодая девушка не должна была сама входить в дом, она становилась среди провожавших женщин ее семьи, как бы прося их защиты, и те делали вид, что действительно защищают ее, но супруг после подобия борьбы уносил в дом девушку на руках, стараясь, чтобы ноги ее не

коснулись порога, так как в противном случае она была бы всегда в его доме чужой, которую приняли и терпят, а она должна быть в доме мужа как дитя, родившееся в нем и пришедшее в дом, не коснувшись порога. Затем третий обряд состоял в том, что молодая подходила к семейному очагу и рассматривала изображения предков мужа, ставших теперь ее предками. На очаге в это время с молитвами пекли хлеб, и, когда он был готов, супруги, поделив его между собою, съедали его. С этого момента семья отводила молодой место у очага, она совсем переходила в чужую семью и должна была приносить жертвы предкам мужа, а не своим.

Римская богиня Веста была совершенно тождественна с греческой Гестией, но ей воздавали еще больше почестей. У римлян были учреждены особенные обряды, и в ее храме священный огонь поддерживался весталками. Их должно быть всегда шесть; они выбирались среди девочек не моложе шести и не старше десяти лет; родители этих девочек должны были быть свободными гражданами и пользоваться доброй репутацией. Весталки обязывались в продолжение тридцати лет исполнять обязанности жриц при храме богини. В продолжение десяти лет они были послушницами, другие десять лет — жрицами, исполнявшими все священные обрядности и обязанности, и, наконец, последние десять лет занимались они обучением новых весталок. Они давали обет в продолжение тридцати лет оставаться девственницами; если же они нарушали эту клятву, их закапывали живыми в могилу, а мужчину, оскорбившего весталку, избивали розгами до смерти. Одиннадцать веков просуществовала эта каста жриц, и за все это время только двадцать весталок обвинялись в нарушении клятвы и только тринадцать были осуждены на казнь. Они были обязаны наблюдать за тем, чтобы огонь на алтаре не потух, что считалось величайшим несчастьем для государства; когда же это случалось, то огонь добывали вновь посредством

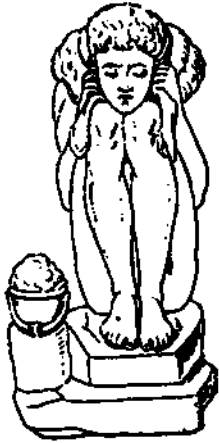

Рис. 162. Лар.
С античной
статуи

зажигательного (увеличительного) стекла или трения одного куска дерева о другой, так как всякий другой огонь, кроме небесного, считался нечистым.

Церемония казни виновной весталки происходила следующим образом: на особом месте, называемом полем преступников (Campus Sceleratus), выкапывалась глубокая и обширная могила, куда ставились кровать, зажженная лампа, хлеб, вода, сосуд с молоком и немного масла. Виновную весталку несли через весь город в закрытых носилках, причем на улицах толпа должна была сохранять глубокое молчание. Прибыв на место казни, ликторы открывали носилки, главный жрец читал молитвы, и весталка, покрытая длинным покрывалом, спускалась в могилу, которую тотчас же закладывали.

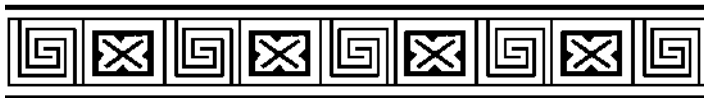
Окончив свою тридцатилетнюю службу, весталки могли выходить замуж. Пока они служили в храме жрицами, их кормили и одевали на счет города. Они носили длинные белые одежды, повязку на голове и покрывало. Эти жрицы пользовались большим почетом, им всегда верили на слово, не требуя клятвенных подтверждений; когда они выходили на улицу, им всегда предшествовали ликторы со связками прутьев (Fasces) на плечах. Если весталкам попадались по дороге осужденные на казнь, они могли им даровать жизнь, и повсюду, где бы они ни появлялись, им отводили самые почетные места.

Домашние, или семейные лары также охраняли семью и дом, они считались гениями-хранителями; это были души умерших родных, охранявшие живых членов семьи. Лары и пенаты — почти одно и то же; разница только в том, что пенаты покидают вместе с семьей жилище, ког-

да те отправляются в путешествие, тогда как лары всегда оставались на очаге того дома, где находились. Маленькие изображения этих богов всегда стояли на очаге; им приносили ежедневно жертвы, и при каждом приеме пищи им ставились отдельные чашечки, наполненные пищей. Им была посвящена собака — животное, также охраняющее дом. Сохранилось до наших дней несколько изображений этих богов. Их большей частью изображали с собакой на плечах и корзиной, наполненной провизией, так как домашние лары должны были заботиться, чтобы семья ни в чем не нуждалась (см. рис. 162).

Искусство очень редко изображало домашних ларов, зато можно очень часто встретить изображения гениев, этих посредников между богами и людьми, хотя роль их в точности не определена в мифологии. Они очень часто изображались на саркофагах. На барельефах они появлялись сидящими на колесницах, принимающими участие в охоте, в торжественных шествиях морских богов, в виноградном сборе и других. Были гении-землепашцы, борцы, охотники и т. п. Греческие художники изображали их повсюду, находя их очень пригодными в смысле декоративном. Современное искусство точно так же часто изображает гениев. Так, например, Рафаэль написал прекрасную картину, в которой целая толпа прелестных крылатых гениев весело танцует на зеленой траве, а два амура исполняют должность музыкантов.

ВАКХ, или ДИОНИС

Вакх восточный и Вакх фиванский. — Виноградная лоза, плющ и тирс. — Вакх и Аполлон. — Вакх — основатель театра. — Вакхические маски. — Мистический кубок. — Праздники в честь Вакха и торжественные процессии в Александрии.

Вакх, или Дионис, бог винограда, олицетворял собой вино. Культ его учрежден гораздо позже культа остальных богов; он получил значение и стал распространяться по мере того, как распространялась культура виноградной лозы. Его очень часто соединяли с Церерой или Кибелой и устраивали этим двум представителям земледелия общие праздники.

В Древней Греции примитивное искусство ограничивалось только изображением одной головы Вакха (см. рис. 163 и 164) или его маски. Но эти изображения были вскоре заменены прекрасным и величавым образом старого Вакха

Рис. 163. Голова Вакха.
С античной монеты

Рис. 164. Голова Вакха.
С античной монеты

в роскошном, почти женском платье, с открытым и умным лицом, держащим в руках рог и виноградную ветку. Только со времен Праксителя, первым изобразившего Вакха молодым, является в искусстве этот тип юноши с мягкими, почти лишенными мускулатуры формами, что-то среднее между мужской и женской фигурой; выражение лица его представляет какую-то смесь вакхического экстаза и нежной мечтательности, длинные, густые волосы распущены по плечам в причудливых завитках, тело лишено всякой одежды, и только козья шкура небрежно наброшена, ноги обуты в роскошные котурны (древняя обувь), в руках у него легкая палка, обвитая виноградными ветками, напоминающая скипетр. В позднейшие времена Вакх является довольно часто на памятниках искусства одетым в роскошное женское одеяние. На группах и на отдельных статуях бог этот обыкновенно изображен в удобной позе — полулежа или сидящим на троне, и только на камнях и гравированных камнях он изображается идущим нетвердой походкой пьяного человека или же верхом на каком-нибудь любимом животном. Самое красивое изображение Вакха с бородой есть статуя, которая долгое время была известна под названием «Сарданапал», благодаря сделанной позднейшей надписи, но которую все знатоки истории искусства признали за статую бога. Эта статуя — настоящий тип восточного Вакха (см. рис. 165). В искусстве чаще всего встречается изображение этого бога, известное под названием фиванского Вакха, безбородого и стройного юноши. Греческий живописец Арис-

Рис. 165.
Восточный Вакх,
так называемый
Сарданапал.
Античная статуя

тид написал прекрасного Вакха, картина эта была увезена в Рим после завоевания Коринфа. Плиний рассказывает, что консул Мумиус первый познакомил римлян с иностранными произведениями искусства. Во время дележа военной добычи Атгал, царь Пергама, предложил заплатить за Вакха, написанного Аристидом, шестьсот тысяч динариев. Пораженный такой цифрой консул, заподозрив, что картина обладает какой-нибудь чудесной силой, ему неизвестной, изъял картину из продажи, несмотря на просьбы и жалобы царя, и поместил ее в храме Цереры. Это была первая иностранная картина, публично выставленная в Риме.

На всех статуях фиванского типа Вакх изображен безбородым юношей во всем блеске молодости и красоты. Выражение его лица мечтательное и томное, тело его покрыто шкурой молодого оленя (см. рис. 166); он также очень часто

изображается верхом на пантере или же на колеснице, везомой двумя тиграми. Виноградная лоза, плющ, тирс (жезл), чаши и вакхические маски — его обычные атрибуты. Виноградная лоза, плющ и тирс — эмблемы фабрикации вина и того действия, которое оно производит. В древние века предполагали, что плющ обладает свойством не допускать до опьянения. Вот почему пирующие часто украшали свои головы плющом. Он так же, как и виноградная лоза, на многих статуях Вакха обвивает тирс, на конце которого находилась сосновая шишка. Во многих местностях Греции сосновые шишки употреблялись при фабрикации вина, которое

Рис. 166. Вакх. С античной статуи в Луврском музее

должно было сильно отличаться от нынешнего вина. Уже судя по тому, как легко удалось Улиссу усыпить циклопа, дав ему немного вина, можно наверное сказать, что вино в те времена было гораздо крепче, чем нынешнее. Древние греки примешивали к нему мед или воду, и только в виде весьма редкого исключения пили чистое вино. На многих монетах и медалях, выбитых в честь Вакха, изображена система, или мифическая корзинка, в которой хранились предметы, употребляемые при торжественных служениях, а также изображена змея, посвященная Эскулапу, как бы намекая этим на целебные свойства, которые греки приписывали вину. Тигр, пантера и рысь являются обычными спутниками Вакха на всех памятниках искусства, изображающих его триумф, и указывают на восточное происхождение всего мифа о Вакхе. Присутствие осла Силеня объясняется тем, что Силен был приемным отцом или воспитателем Вакха; этот осел прославился, кроме того, своим участием в битве богов с великанами: при виде выстроившихся в боевом порядке великанов осел принялся так кричать, что те, напуганные этим криком, обратились в бегство. Появление зайца на некоторых вакхических группах объясняется тем, что это животное считалось у древних символом плодovitости. Кроме того, на камеях, гравированных камнях и барельефах, изображающих торжественные шествия в честь Вакха, встречаются еще следующие животные: баран, козел и бык — символ земледелия. Поэтому Вакх иногда изображается в виде быка, олицетворяя тогда плодородие земли. Легкое опьянение, действуя возбуждающе на человеческий ум, вызывает вдохновение, а поэтому Вакху приписывают некоторые качества Аполлона, этого бога вдохновения по преимуществу. Иногда Вакха изображают в сопровождении Мельпомены, музы трагедии, потому что он считался изобретателем театра, т. е. театрального зрелища. На праздниках в честь Вакха стали впервые разыгрываться пьесы; эти праздники устраивались во время виноградного сбора:

Рис. 167.
Трагическая
маска

сборщики винограда, сидя на повозках и окрасив себе лицо виноградным соком, произносили веселые и остроумные монологи или диалоги. Мало-помалу повозки заменились театральным зданием, а сборщики винограда — актерами. Многочисленные маски (см. рис. 167), которые часто украшали древние надгробные памятники, были необходимыми принадлежностями мистерий в честь Вакха как изобретателя трагедии и комедии. На

саркофагах же они указывали на то, что жизнь человеческая, подобно театральным пьесам, есть смесь удовольствий и горести, и что каждый смертный является только исполнителем какой-нибудь роли. Таким образом, это божество, олицетворявшее вначале только вино, стало символом человеческой жизни. Чаша есть также один из атрибутов Вакха и имела мистическое значение: «Душа, — объясняет ученый, исследователь мифов Кейзер, — выпивая эту чашу, пьянеет, она забывает свое высокое, божественное происхождение, желает только воплотиться в тело посредством рождения и идти по тому пути, который приведет ее к земному жилищу, но там, к счастью, находит она вторую чашу, чашу разума; выпив ее, душа может излечиться или отрезвиться от первого опьянения, и к ней тогда возвращается воспоминание о ее божественном происхождении, а вместе с ним и желание возвратиться в небесную обитель».

Сохранилось много барельефов, а также и живописных изображений праздников в честь Вакха. Обряды, исполняемые на этих праздниках, были весьма разнообразны. Так, например, в некоторых местностях дети, увенчанные плющом и виноградными ветками, окружали шумною толпою колесницу бога, украшенную тирсами и комическими масками, чашами, венками, барабанами, тамбуринами и бубнами. За колесницей шли писатели, поэты, певцы, музыканты,

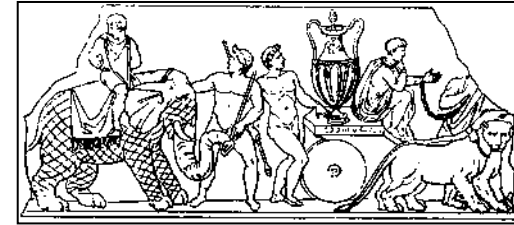
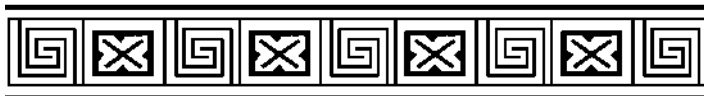

Рис. 168.
Празднество
в честь Вакха.
С античного
барельефа

танцоры — одним словом, представители тех профессий, для занятий которыми требуется вдохновение, так как древние считали, что вино есть источник всякого вдохновения. Как только оканчивалось торжественное шествие, начинались театральные представления и музыкально-литературные состязания, продолжавшиеся несколько дней подряд. В Риме эти праздники подали повод к таким сценам распушенности и безнравственности, доходившим даже до преступлений, что сенат принужден был их запретить. В Греции же в начале установления культа Вакха его праздник носил характер скромного, чисто сельского праздника, и только впоследствии превратился он в роскошную оргию. Особенно роскошно и великолепно устраивались шествия в Александрии. Чтобы дать хотя бы слабое понятие об этой процессии, довольно упомянуть, что в ней, кроме богато одетых представителей всех народностей Греции и Римской империи, принимали участие представители чужеземных стран и, кроме целой толпы переодетых сатиров и силенов верхами на ослах в процессии участвовали сотни слонов, быков, баранов, много медведей, леопардов, жирафов, рысей и даже гиппопотамов. Несколько сот человек несли клетки, наполненные всякими птицами. Богато украшенные колесницы со всеми атрибутами Вакха чередовались с колесницами, изображающими всю культуру винограда и выделку вина — до громадного, наполненного вином пресса включительно (см. рис. 168).

СИЛЕН. КЕНТАВРЫ

Воспитатель Вакха. — Осел Силена. — Опьянение Силена. — Вакханки. — Менады. — Вакханалии. — Сатиры. — Фавны. — Кентавры. — Нравы кентавров. — Вакх и кентавры. — Гераклес и кентавры. — Похищение Гипподамии.

Силен, олицетворяющий собой бурдюк (мех для вина), является, естественно, по мифам, воспитателем Вакха — бога вина. В искусстве Силен имеет два совершенно различных типа. На античных барельефах и гравированных камнях ему придавали грубые, тучные формы, как бы для того чтобы контрастнее выделить элегантные формы Вакха и изящные, легкие формы сатиров и менад. Его состояние вечного опьянения требует вечной поддержки. В вакхических праздниках он принимает участие сидя верхом на осле, подгибающемся под тяжестью своего дородного седока, подле него всегда идут сатиры, поддерживающие его и не позволяющие ему падать в ту или другую сторону. Но Силена, как воспитателю и приемному отцу Вакха, подобает в некоторых случаях являться в более приличном и достойном виде. Тогда на памятниках искусства появляется второй тип Силена: его огромный живот исчезает, опьянение пропадает и ему придают стройные, даже благородные формы. Таким является он на прекрасной бронзовой статуе, открытой в Помпее или Геркулануме (см. рис. 169); она изображает Силена, забавляющего маленького Вакха игрой на кимвалах (медные та-

релки). В Лувре находится статуя Силена, известная под названием «Фавн и дитя». Он там изображен в виде старого сатира, выражение его лица благородное, он как бы любит ребенка Вакхом, которого держит на руках. Силен почти всегда в состоянии опьянения, но иногда это — вдохновенное опьянение прорицателя, могущего открыть людям тайну бытия и тайну начала вселенной. Платон считает Силена эмблемой мудрости, скрытой под отталкивающей наружностью, а Вергилий говорит о нем следующее: «Пастухи и нимфы нашли спящим пьяного Силена, они связали его венками и, разбудив его, стали требовать от него вдохновенных песен. Он запел, и тотчас же вокруг него фавны и все животные принялись вертеться в такт его ритмичных стихов, далее самые старые сильные дубы — и те закивали в такт своими верхушками. Парнас с меньшей радостью прислушивался к звукам лиры Аполлона, а смертные испытывали меньшее наслаждение, слушая мелодичную игру Орфея, потому что Силен пел о том, как в бесконечной пустоте необъятного пространства собирались все начала, все причины сотворения воздуха, земли и воды, и как из этих первых элементов образовались все существа, как, вначале только мягкая глина, шар земной мало-помалу округлился и, став твердым, принудил моря войти в берега. Он воспевал землю, пораженную первыми лучами солнца, облака, поднимающиеся в пространстве для того, чтобы с высоты небес вернуться на землю в виде дождя, леса с их колеб-

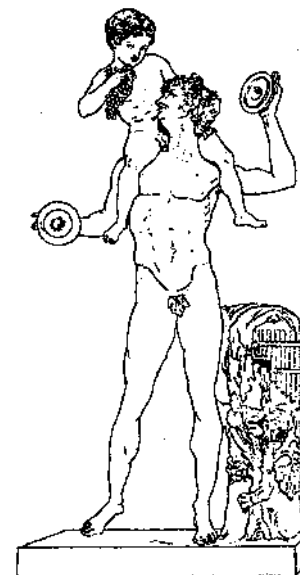

Рис. 169. Силен, воспитатель Вакха. С античной группы в Неаполитанском музее

лющимися вершинами и немногочисленных еще животных, блуждающих по неизвестным горам» (Вергилий).

Силен на всех праздниках является комическим элементом, как бы существующим затем только, чтобы увеселить Менад видом своей дородности и опьянения. Его комическая фигура встречается очень часто в декоративном искусстве как украшение фонтанов, канделябров и кубков. Тип Силена встречается также часто в мифологических картинах новейших художников. Рубенс очень любит его изображать толстым, с огромным животом, в сопровождении сатиров и нимф, окруженным веселыми улыбающимися амурами. Первые женщины, принимавшие участие в мистериях Вакха и называемые вакханками, или менадами, были нимфы, воспитавшие молодого бога. Эти вакханки фигурировали на всех памятниках искусства, изображавших все праздники в честь Вакха — все так называемые вакханалии. Искусство не делало никакого различия между вакханками и менадами, но Еврипид указывает на то, что по мифологии существовала разница. Вакханки — греческие женщины, удалившиеся на гору Киферон, а менады — азиатские женщины, они пришли из Азии в Грецию вместе с Вакхом после его похода на Индию. Как вакханки, так и менады являются обычными спутницами Вакха; ни один праздник, ни одно шествие не обходится без них. Это были почти безумные, иступленные женщины, предававшиеся под влиянием опьянения самым низменным страстям и доходившие впоследствии до всевозможных неистовств, например, до раздираания на куски живых козлят и телят и до пожирания их сырого окровавленного мяса. В дикой пляске, оглушая и возбуждая себя громкой музыкой тамбуринов, флейт и кимвалов, носились они до тех пор, пока в полном изнеможении падали на траву и засыпали. Знаменитый древний скульптор Скопас, живший в 450 году до Р. Х., изваял тип такой неистовой вакханки, послуживший потом прототипом для других статуй. Он

изобразил свою вакханку в состоянии полного опьянения, она несет дикую козу, которую только что зарезала, и ее распущенные волосы как бы развеваются по воле ветра. Об этой статуе сохранилось много восторженных отзывов древних писателей.

Кроме вакханок, свиту Вакха составляла еще многочисленная толпа сатиров и панов, соединявших в себе человеческие и животные формы. Сатиры представляли смесь человека с козой, с которой они, впрочем, очень любили забавляться, судя по многим камням и гравированным камням, на которых изображены сатиры, заигрывающие с козами. Сохранилась очень интересная античная камея «Сатир, заставляющий плясать ребенка» (см. рис. 170).

По мифологии, между сатирами и панами существует большое различие. Сатир занимает более высшую ступень в иерархии этих божеств, он более приближается к человеческому типу и отличается веселым, добродушно-лукавым выражением лица, он смеется и дразнит панов, которых считает гораздо ниже себя. Пастухи, употреблявшие вместо одежды козьи шкуры, могли породить в мифологии представление о сатирах. Веселый, остроумный и комический характер, который приписывали сатирам, заставил назвать комические поэмы сатирами, а их авторов — сатириками. Вся эта толпа, сопровождающая Вакха повсюду, предается пьянству и страстно любит музыку. Сатиры занимаются еще тем, что танцуют, играют на кимвалах, бегают за нимфами и наигрывают им веселые мелодии на флейтах. Создание этого типа принадлежит исключительно скульптуре; это просто фантазия и каприз

Рис. 170. Силен, заставляющий плясать ребенка. С античной камее

скульпторов. Никакой философской мысли не лежит в основе мифа о них, и у них нет другой миссии, как только забавлять молодого бога. Сатиры, по преданиям, сопровождали Вакху в его походе на Индию, но судя по тому, что древние писатели рассказывали о их поведении и на наружном виде, они не могли быть особенно пригодными на полях битв. «Эти толпы рогатых сатиров, — говорит поэт Нонн, — пьют полные чаши и напиваются; всегда грозные в драках и свалках, они бегут с поля битвы; львы вдали от сражения, они становятся зайцами в битвах. Ловкие танцоры, они еще ловче опоражнивают огромные амфоры, наполненные вином. Мало среди них оказалось полководцев, изучивших у Марса военное искусство и умеющих командовать. Многие из них покрыты страшными львиными шкурами; другие вооружены большими палицами; на лбу у них возвышаются рога; редкие волосы едва покрывают их остроконечные головы и длинные уши; хвост, напоминающий лошадиный, развевается у них на спине и обвивает их бедра». Прimitивное искусство изображало сатиров в смешном или страшном виде, похищающих прекрасных нимф. И до наших дней искусство продолжает изображать старых, безобразных сатиров. Гесиод называет их не к чему не пригодным племенем, но так как они вечно в рощах пляшут, играют и гоняются за прекрасными нимфами, то живописцы и скульпторы находили в их обычаях и нравах много интересных сюжетов для своих композиций. Скульптор Пракситель изваял идеальный тип сатира, который потом встречается повсюду на всех почти памятниках искусства. Это была бронзовая статуя, пользовавшаяся в древности такой славой, что в Афинах ее не называли иначе как «знаменитая». Находящийся в Лувре «Фавн, играющий на флейте» считается весьма удачным повторением произведения Праксителя. Вообще, знаменитая статуя этого скульптора послужила оригиналом для всех последующих статуй; по крайней мере, «Отдыхающий Фавн»

в Ватикане, «Танцующий Фавн» во Флоренции и «Фавн, играющий на кимвалах» — все они считаются повторением знаменитой статуи Праксителя.

Искусство смешало сатиров с фавнами; эти последние полубоги — римского происхождения. Настоящий фавн является в произведениях древних писателей цивилизатором, смягчающим нравы кочевников посредством музыки; он — изобретатель пастушьей дудки, потому что и фавн, как и все примитивные боги Италии, был покровителем пастухов.

Современные художники часто и охотно изображали блестящую свиту Вакха; особенно удачно пользовался этим сюжетом Пуссен в своих мифологических композициях, которые можно встретить почти во всех музеях. Художнику удалось прекрасно передать характер этих вакхических праздников. Живописец Фрагонар и скульптор Клодион также любили изображать веселых сатиров, нимф и фавнов, внося в свои произведения элегантные формы и живость движения, характеризующие французское искусство XVIII века. Подобные сюжеты не могли не вдохновлять Рубенса, который мог в картинах на эту тему выказать весь свой мастерской колорит и свое умение передавать движения, так что во многих музеях можно видеть обширные композиции этого художника, изображающие вакханок, пляшущих сатиров, нимф, захваченных врасплох сатирами, и проч. В Брюссельском музее находится знаменитая «Вакханалия» Журдена. Изображение вакханок встречается в древнем искусстве чаще всего на саркофагах, барельефах и вазах; из них самая знаменитая ваза находится в вилле Боргезе.

Фессалийские горцы были уже прекрасными наездниками в эпоху Пеласгов, когда верховая езда была почти неизвестна в Греции. Греки принимали их за каких-то страшных чудовищ, и так как эти горцы любили вино, то мифологические предания поспешили их причислить

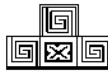
к свите Вакха под названием кентавров. Примитивное искусство изображало кентавра в виде мужчины, у которого задняя часть туловища, ноги и хвост — лошадиные. Позднее этот грубый тип был заменен другим: на лошадиное туловище был посажен человеческий торс и голова. «Кентавр», находящийся в вилле Боргезе (см. рис. 171), считается самым лучшим изображением этих мифических существ. По древним описаниям, это были грубые, почти животные существа, предававшиеся пьянству, низменным страстям, они питались сырым мясом, и их обычным оружием были тяжелые палицы и огромные куски скал, которые они с ужасающей силой сбрасывали на неприятеля. Они являются как бы олицетворением грубых варваров, противников греческой цивилизации и развития, побежденных впоследствии знаменитыми греческими героями. В обществе Вакха их нравы смягчаются и дикость их заменяется под его влиянием смирением и покорностью. Они покорно идут перед колесницей Вакха, трубят в рога и играют на лире, вместе с сатирами, вакханками, фавнами и другими. Иногда же они везут колесницу Вакха и Ариадны. Существует много изображений кентавров, но весьма мало изображений женщин-кентавров; они попадают лишь изредка на саркофагах и гравированных камнях, их головы и часть женского туловища напоминают нимф по красоте и стройности форм. Из живописных произведений древнего периода писатели упоминают о картине живописца Ктесилоха «Женщина-кентавр, кормящая своих детей»; сохранился также в Пио-Клементинском музее барельеф, на котором изображены прекрасные по формам «Женщины-кентавры, отгоняющие сатиров». В наши дни живописцы Бёклин и фон Штук очень часто изображают их в своих картинах. Кентавры упоминаются очень часто в мифологии, они были всем хорошо известны за дикость и грубость нравов, так что тогда слово «кентавр» являлось как бы синонимом зверства и жестокости, и один только

кентавр — мудрый Хирон представляет исключение. Он сумел победить свои животные инстинкты и почти сравнялся по своим качествам с людьми. Он был музыкант, гимнаст, хороший стрелок, прорицатель и искусный врач, ему было поручено воспитание многих знаменитых героев, как то: Ахиллеса, Ясона, Кастора, Полидевка, Амфиарая и других. Когда Геркулес отправился на поиски эриманфского вепря, он встретил кентавра Фола, который оказал ему гостеприимство и, желая угостить его вином, повел его к бочке, подаренной ему Вакхом. Лишь только запах вина распространился в воздухе, целая толпа кентавров прибежала отовсюду и, собравшись перед пещерой, служившей жилищем Фалу, стала с громкими криками требовать себе вина. Геркулес вступил с ними в бой и убил многих из них; эта битва очень часто изображалась древними художниками.

Рис. 171. Кентавр.
Античная группа
в Луврском музее

Из новейших произведений известна прекрасная по компоновке и движению картина Лебрена. Война афинян с кентаврами, причиной которой было похищение Гипподамии, также послужила сюжетом для многих художественных произведений. Пирифой позвал на свою свадьбу с Гипподамией, дочерью лапифа Атракса, героя Тесея и афинян. Он пригласил и кентавров, думая, что вид их позабавит остальных гостей. Но как только кентавры начали пьянеть от действия винных паров, они позабыли всякое приличие. Один из них, Эврителион, схватил за волосы Гипподамию и хотел ее похитить; его примеру последовали другие кентавры, стараясь захватить тех женщин, которые им пришлись по вкусу. Но Тесей отнял у Эврителиона Гипподамию; тогда кентавр кинулся на него, но был убит Тесеем. Другие же, видя умирающего собрата, пришли в ярость и принялись кидать в противников все, что им попадало под руки. Тогда возгорелся бой, продолжавшийся до тех пор, пока кентавры не были перебиты. Эта битва была изображена на многих барельефах и на Парфенонском храме.

РОЖДЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ВАКХА

Кадм и оракул. — Спутники Кадма. — Дракон Марса. — Свадьба Кадма и Гармонии. — Юпитер и Семела. — Бедро Юпитера. — Ино и Атамант. — Вакх и Кибела. — Детство Вакха. — Вакх и Ампель.

Финикийский царь Агенор, не находя нигде своей дочери Европы, которую увел Юпитер, приказал своему сыну Кадму отправиться на поиски за сестрою и не возвращаться в Финикию, пока не найдет ее. Проискав ее безуспешно долгое время, Кадм отправился к оракулу Аполлона и спросил его, что ему делать и где искать сестру. Он получил следующий ответ: «Ты увидишь в поле корову, которая еще не ходила под ярмом и не была запряжена в плуг; следуй за нею и выстрой город в том месте, где она остановится, и назови эту страну Беотией». Едва Кадм вышел из храма Аполлона, как увидал корову, которую никто не стерег и шея которой не носила следов ярма. Он и его спутники последовали за нею. Они шли таким образом довольно продолжительное время; наконец корова остановилась, оглашая воздух громким мычанием. Кадм решил на этом месте сейчас же принести жертву и затем исполнить приказание оракула. Он послал своих спутников принести воды. В лесу поблизости находилась пещера, из отверстия которой лилась в изобилии вода. Это был источник, посвященный Марсу, а в пещере обитал страшный дракон Марса — ужасное чудовище, покрытое желтой блестящей чешуей; пламя выходило из его глаз; три ряда

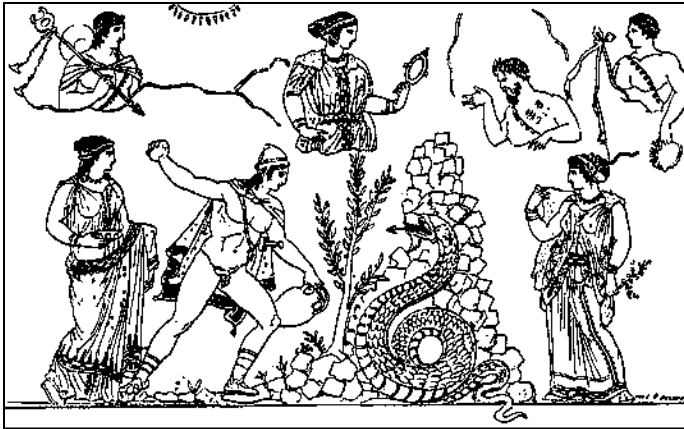

Рис. 172. Кадм и дракон Марса. С античной живописи

острых зубов украшали его пасть, из которой высывались три языка. Едва спутники Кадма подошли к пещере и стали брать воду, как дракон набросился на них и убил их. Кадм, прождав напрасно своих спутников, отправился за ними. Войдя в пещеру, он увидел дракона, высасывающего кровь из ран убитых. Он схватил огромный камень и бросил его с такою силой, что земля даже заколебалась, и страшный дракон испустил дух. На одной античной вазе изображена эта сцена: Кадм замахивается камнем на дракона, а наверху боги Меркурий, Венера, Пан и Вакх смотрят на его подвиг (см. рис. 172). Убив дракона, Кадм услышал голос Афины Паллады, приказывавший ему вспахать землю и посеять зубы дракона. Он исполнил это приказание. Вскоре из-под земли вместо колосьев показали пики и копья, затем шлемы с развевающимися перьями и, наконец, воины в полном вооружении. Лишь только появились они на свет, как принялись воевать друг с другом, и вскоре на поле битвы осталось только пять воинов, которые вместе с Кадмом основали город Фивы. Юпитер дал ему в жены Гармонию,

дочь Венеры и Марса. Все боги Олимпа присутствовали на свадьбе, которую отпраздновали во вновь основанном городе; они все богато одарили Гармонию, получившую от Венеры ожерелье, ставшее роковым впоследствии для всего рода Кадма. У них было четыре дочери — Ино, Семела, Агава и Автоноя — и сын Полидор.

Прекрасная Семела обратила на себя внимание Юпитера, новая страсть повелителя богов не могла долго оставаться тайной для ревливой Юноны, которая решила мстить Семеле. Приняв образ ее старой кормилицы, Юнона пришла к ней и навела разговор на Юпитера, делая вид, что сомневается, действительно ли Семела — возлюбленная властелина богов. Коварная богиня уговорила ничего не подозревавшую Семелу потребовать у Юпитера, чтобы он явился перед ней во всем своем божественном величии, и что только тогда она может убедиться, действительно ли это — повелитель Олимпа. Семела попросила Юпитера исполнить ее просьбу, и тот дал ей клятвенное обещание исполнить ее. Выслушав ее желание, Юпитер, предвидя последствия, испугался, но должен был сдержать свою клятву. Едва он, вооруженный громовыми стрелами и молнией, приблизился к жилищу Семелы, простой смертной, оно тотчас же было объято огнем, и бедная дочь Кадма погибла среди пламени. Юпитер едва успел вынуть у мертвой ребенка, которого она должна была произвести на свет, и, чтобы не дать ему погибнуть, он зашил его в свое бедро и носил его до тех пор, пока не наступило законное время его появления на свет. Таким образом, Вакх как бы дважды рождается, намекая на то, что виноградный сок, прежде чем превратиться в вино, как бы дважды созревает: первый раз — в виде виноградных гроздьев, созревающих под лучами солнца, а во второй раз — когда выжатый сок должен перебродить, для того чтобы превратиться в вино.

Двойное рождение Вакха объясняется еще следующим образом: виноградная лоза погибла во время потопа при

Девкалионе и вновь появилась на земле, когда дождь перестал. Второе рождение Вакха послужило сюжетом для многих произведений искусства. Сохранилось много ваз, сосудов и камей, на которых изображено это происшествие. Лишь только Вакх увидал свет, горы увенчали его плющом, а Меркурий, назвав его Дионисом, понес к нисейским нимфам, которым отдал его на воспитание. Но зоркий глаз Юноны заметил очень скоро маленького Вакха; она наслала на нисейских нимф бешенство, или исступление. Под влиянием бреда нимфы хотели убить Вакха, но бдительный Меркурий похитил его и отнес его к Ино, сестре Семелы, у которой только что родился сын; он упросил ее взять Вакха и скрывать его. Ино вскормила ребенка и отдала его на попечение нимфы Мистис, которая охраняла его день и ночь, так как сама никогда не нуждалась в отдыхе. Она же учредила ночные праздники в честь Вакха и, чтобы разгонять сон участвующих, она изобрела шумный тамбурин и кимвалы (медные тарелки). Но никакие предосторожности не укрыли ребенка от прозорливости Юноны. Отыскав его, она хотела его умертвить; быстроногий Меркурий вновь унес его и тем спас ему жизнь. Юнона, видя, что не может убить Вакха, обрушилась всем своим гневом на тех, кто воспитывал этого бога. Смерть Семелы не удовлетворила ее; она решила погубить Ино и мужа ее Атаманта. Мстительная богиня отправилась в царство Плутона и приказала одной из фурий наслать на них бешенство. Атамант в припадке исступления убивает себя и сына, а Ино с другим сыном бросается с высокой скалы в море и погибает в его волнах. Услыхав об этом несчастии, фиванские женщины побежали на берег моря, по следам несчастной Ино, искать ее тело. По дороге они стали осыпать Юнону упреками за ее жестокосердие. Разгневанная богиня превратила половину из них в скалы, а другую половину — в морских птиц, летающих с жалобным криком вокруг этих скал (Овидий).

Рис. 173. Колыбель Вакха. Античная терракота

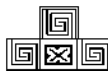
Меркурий, спасая Вакха от ярости Юноны, отнес его к Кибеле, которая занялась его воспитанием. Она заставляла его с ранних лет управлять колесницей, запряженной тиграми и львами. Девяти лет стал он охотиться и мог обгонять на бегу зайца, приносил Кибеле маленьких тигров, отнятых у матери, и приводил к ней кровожадных львов. Превратившись в юношу, Вакх предался своей страсти к охоте. «Он оделся в мягкие меха, накинул на плечи оленью шкуру и запряг в свою колесницу пантер с огненными глазами» (Нонн). Воспитание Вакха трактовали многие новейшие художники в своих произведениях. Самое интересное и характерное из этих произведений — античная группа, известная под названием «Колыбель Вакха» (см. рис. 173). Из новейших произведений на эту тему картина Пуссена «Воспитание Вакха» пользуется большой известностью (см. рис. 174).

Вакх, купаясь в Средней Азии с фавнами и сатирами, подружился с молодым сатиром по имени Ампелий, с которым почти не разлучался. Когда же бешеный бык убил его, неутешный Вакх, желая воскресить друга, полил его раны амброзией. Ампелий превратился в виноградную лозу, а божественный нектар, которым его поливали, придал винограду его опьяняющее свойство. Вакх, сорвав

Рис. 174. Воспитание Вакха.
С картины Пуссена в Луврском музее

гроздь с этой лозы и выжимая из нее сок, сказал: «Друг, отныне ты будешь самым верным и могущественнейшим лекарством против всех людских бед». Потеряв Ампелия, Вакх предпринял свои походы на Восток. Он посетил Египет, воевал в Сирии против Дамаскуса, который противился введению культуры виноградной лозы, переезжал на тигре через реки, построил мост на Евфрате и, наконец, отправился в Индию.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ИЛИ МИСТИЧЕСКИЙ ВАКХ

Покорение Индии. — Вакх в Фивах. — Матросы Акойта. — Пенфей и вакханки. — Дочери Миния. — Вакх и Ликург. — Эригона. — Вакх на Наксосу. — Брак Вакха с Ариадной. — Вакх и Персефона. — Вакхические саркофаги.

Героическая легенда Вакха есть не что иное, как история введения культуры виноградной лозы и рассказ о действии, производимом опьянением. Страх перед опьянением и сильное его действие объясняют очень естественно ту оппозицию и враждебность к Вакху, которые он встречал почти повсюду, когда он начинал знакомить людей с виноделием. Культ Вакха имеет много общего с культом Кибелы, и шумный характер его оргий напоминает шумные праздники в честь этой богини. Но история завоевания Индии придает мифам о нем особенный характер. Многие исследователи древних мифов полагают, что рассказы об этом походе относятся ко времени завоевания Индии Александром Великим; другие же полагают, что они относятся к более древнему периоду. В этом знаменитом походе принимали участие (см. рис. 175) нимфы, реки, Силен верхом на осле, целая толпа сатиров, фавнов и вакханок. Когда царь Индии Дариадес хочет броситься на Вакха, виноградные ветки, появившиеся вдруг из-под земли, обвивают все тело, ноги и руки царя и парализуют все его движения. Когда его армия подходит к реке, по мановению руки Вакха вода превращается в крепкое вино,

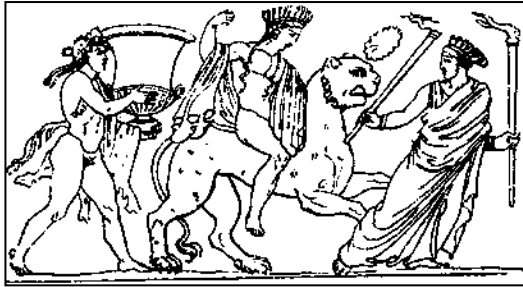

Рис. 175. Вакх
на своей
пантере.
С античной
вазы

и воины, мучимые жаждой, кидаются к этой реке и пьют до тех пор, пока опьянение, бред и бешенство не овладевают ими. Изображение битв между армиями Вакха и индийцами весьма редки, но зато очень часто встречаются памятники искусства, на которых изображены триумф Вакха и его армия. Точно также возвращение Вакха-победителя довольно часто изображается в искусстве. В лондонской Национальной картинной галерее находится картина Тициана на этот сюжет.

Вернувшись из Индии, Вакх захотел, чтобы Фивы, город, в котором он родился, был первым городом в Греции, который признал бы его культ, и потому отправился прямо туда. В трагедии Еврипида «Вакханки» бог вина говорит следующее: «Я покинул богатые долины Лидии, обильные золотом, и поля Фригийские, я прошел по жгучим равнинам Персии и по счастливой Аравии; я обошел всю Азию и вошел в Фивы, этот первый город в Греции, который услышал исступленный рев моих вакханок, потрясающих тирсами, увенчанных плющом». Однажды корабль, идущий из Лидии, приблизился к острову Наксосу; лоцман этого корабля Акойт приказал своим людям поискать на острове пресной воды. Они вернулись, ведя за собой мальчика неописанной красоты, которого они нашли в пустынном месте; он лежал пьяный, почти в забытьи, и только с трудом мог за ними следовать. Лоцман стал уговаривать их

отпустить необыкновенного ребенка, которого принимал за бога. Но матросы отказались, говоря, что ребенок — их собственность и что они намерены его продать за хорошую цену. Несмотря на сопротивление и уговоры Акойта, они снялись с якоря и пустились в путь. Едва корабль вышел в открытое море, как внезапно остановился. Пораженные матросы натянули все паруса и принялись грести с удвоенной силой, но все их усилия ни к чему не привели. Цепкий плющ, появившийся из недр моря, обвил весла, покрыл паруса, не допуская ветру их надувать. И перед изумленными глазами матросов появился вдруг юный Вакх, увенчанный виноградом, с тирсом в руке, окруженный тиграми, пантерами и рысями. В то же время спутники почувствовали, как их тело покрывается рыбьей чешуей, а вместо рук и ног появляются плавники; Вакх превратил их в дельфинов, и только один Акойт сохранил человеческий образ. Бог велел ему плыть к Наксосу и там принести жертвы на его алтарях и участвовать в его мистериях. Приключение Акойта и его спутников было изображено на барельефах, украшавших памятник Лисикрата в Афинах.

Пенфей, внук Кадма, царя фиванского, стал противиться возвращению Вакха в его страну. Повсюду уже раздавались звуки флейт и кимвалов, возвещавших о прибытии юного бога; весь народ уже спешит к нему навстречу, чтобы посмотреть на невиданный до того праздник. Разгневанный царь обращается к своим подданным, говоря: «Храбрые дети Марса, какое безумие овладело вами?! Шум медных инструментов и флейт, смутное обещание праздного зрелища и чудес смутили ваш разум. Никогда не боялись вы ни бряцания оружия, ни блеска дротиков и стрел; вооруженный неприятель находил вас всегда непобедимыми. Неужели же вы допустите победить вас женщинами, толпе изнеженных мужчин, обезумевших от пьянства и оглашающих воздух ужасным барабанным боем? Пусть лучше нас уничтожит железо и огонь, нежели видеть, как наш город

станет добычей почти ребенка, слабого, безоружного, этого изнеженного юноши, который не любит ни войны, ни сражений, не умеет управлять конями и всегда является надушенный, увенчанный плющом и одетый в платье из золота и пурпура» (Овидий). Несмотря на советы родных, Пенфей приказал своим воинам взять Вакха и привести его в оковах. Воины повинуются и приводят пленника, но, пока идут приготовления к казни, оковы сами собою падают, двери темницы открываются невидимой силой и пленник исчезает. Вне себя от гнева Пенфей отправляется сам на гору Киферон, где празднуется вакханалия в честь бога. Первая вакханка, попадающаяся ему навстречу, — его мать. В исступлении она не узнает своего сына и, воображая, что видит перед собой чудовище, кричит: «Вот он, ужасный вепрь, растерзаем его!» И все вакханки бросаются на него и разрывают его на куски. Жители Фив, узнав о судьбе несчастного царя, признали тотчас же Вакха за бога и стали приносить жертвы на его алтарях. Миф о Пенфее, растерзанном вакханками, очень часто изображался в искусстве.

Мало-помалу культ Вакха распространился в Греции почти повсеместно, только дочери Миния упорно отказывались признавать этого бога. Вместо того чтобы участвовать в его праздниках, они сидели дома, работая и посмеиваясь над таинственными обрядами вакханалий. Однажды вечером, когда они опять посмеивались над Вакхом и его культом, они услышали звуки барабанов, флейт и кимвалов, повсюду в доме распространился запах мирры и шафрана; холст, который они ткали, покрылся листьями винограда и плюща, а нитки превратились в виноградную лозу, покрытую гроздьями. Все жилище осветилось тысячами огней; повсюду раздавался адский шум, рев и рычание, как будто весь дом наполнился дикими зверями. Дочери Миния, объятые ужасом, хотят спрятаться, но, пока они выискивают самый темный уголок дома, они чувствуют, как их тело

Рис. 176. Покинутая Ариадна. С картины Луки ди Джордано

покрывается перепонкой, которая соединяет все их члены, а вместо рук вырастают маленькие тонкие крылья. Темнота, царящая в тех местах, где они хотели укрыться, мешает им видеть их превращение; но вот они поднимаются вверх и держатся на воздухе, не имея перьев; их поддерживают небольшие крылья, обтянутые прозрачной перепонкой; они хотят говорить и издают только жалобный писк. Леса не привлекают их, подобно другим птицам; они предпочитают обитать в домах; свет — их злейший враг. Могущественный Вакх отместил им, превратив их в летучих мышей.

Во Фракии, куда отправился затем Вакх, его стал преследовать царь этой страны Ликург, который, опасаясь опьяняющего действия вина, приказал уничтожить все виноградники. Вакх, спасаясь от преследований врага, бросился в море, где был принят радушно Тетидой, которой он в благодарность подарил золотую чашу работы Вулкана. Все вакханки и сатиры, его обычные спутники, были заключены в темницу. В наказание за это боги ниспослали на стра-

Рис. 177. Бюст
Ариадны.
С античной
статуи

зывает на то, что, по мнению афинян, культура винограда и хлебных злаков развилась в стране только после развития в стране оливкового дерева, дарованного афинянам Минервой еще при основании города. Вакх, прибыв в Афины, поселился у Икария, принявшего бога весьма радушно; в благодарность за его гостеприимство Вакх научил его выделять вино. Икарий, приготовив вино, угостил им соседних поселян, которые нашли его превосходным, но, опьянев, они вообразили, что отравлены Икарием, и бросили его в колодец. У него была дочь, красавица Эригона, понравившаяся Вакху, и от него у нее был сын Стафил, т. е. виноград. Он впоследствии научил людей разбавлять вино водой и тем избегать дурных последствий опьянения. Не видя отца, Эригона вместе со своей собакой Майрой

ну неурожай, а Ликург, потеряв рассудок, убил своего сына. Спрошенный оракул сказал, что бесплодие земли прекратится лишь тогда, когда нечестивый царь погибнет. Жители Фракии привязали Ликурга на вершине горы и растоптали его копытами своих коней. Освобожденные вакханки посвятили фракийцев во все обряды и таинства культа Вакха. Миф о пребывании Вакха на дне моря и дар золотой чаши Тефиде относятся к фабрикации вина и намекают на обыкновение в некоторых странах прибавлять морской воды к виноградному соку, чтобы ускорить брожение вина.

В царствование сына Эрефея, Пандиона, царя афинского, Вакх в сопровождении Цереры посетил в первый раз Аттику. Этот миф имеет некоторое историческое значение: он указывает на то, что, по мнению афинян, культура винограда

принялась его искать; найдя его тело, она в отчаянии повесилась. Боги превратили ее в созвездие Девы, а Майру — в созвездие Пса и наслали на страну мор и бешенство на девушек, которые, подражая примеру Эригоны, стали вешаться. И только когда жители воздали почести Эригоне, воздвигнув ей жертвенный алтарь, бедствия прекратились. Приход Вакха в дом Икария и горечь Эригоны часто изображались на памятниках искусства как древней, так и новейшей эпохи.

Вакх посетил много стран, повсюду научая людей виноделию и возделыванию виноградников. Затем он возвратился на Наксос, для того чтобы вступить в мистический брак с Ариадной. Брошенная Тесеем, она пребывала на острове Наксосе. Вакх видит ее спящей на берегу моря, слышит ее жалобы и, пораженный ее красотой, он приближается к ней, а коварный Эрот ранит ее стрелой, и прекрасная Ариадна, позабыв неверного Тесея, начинает пылать любовью к Вакху. На многих фресках, открытых в Помпее, изображено прибытие бога вина на Наксос. Погруженная в сон Ариадна послужила темой для бесчисленных произведений древнего и нового искусства. Тициан и Лука Джордано (см. рис. 176) написали несколько картин на этот сюжет. Тип Ариадны есть как бы дополнение типа Вакха. Она как бы олицетворяла вечное опьянение, а сонливое и томное выражение ее лица как нельзя более со-

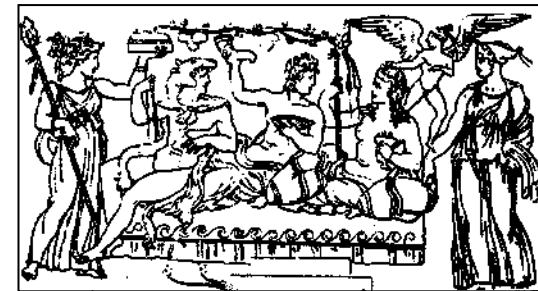

Рис. 178.
Ложь Вакха.
С античной
вазы

ответствовало обычному выражению молодого бога. Древняя скульптура оставила нам несколько прекрасных изображений Ариадны. Между ними большей известностью пользуется статуя, находящаяся теперь в музее Ватикана. Прекрасный бюст Ариадны, воспроизведение которого можно найти в каждой рисовальной школе нашей эпохи, может быть также и бюстом Вакха, которому, согласно преданиям, художники часто придавали женские формы (см. рис. 177). Ариадна является подругой Вакха почти на всех памятниках, изображавших триумф этого бога (см. рис. 178), а церемония их мистического брака фигурирует в бесчисленных произведениях искусства; особенно часто является она изображенной на древних надгробных памятниках. Но при этом Ариадна как бы превращается или воплощается в Персефону (см. рис. 179), и Вакх тогда является олицетворением смерти.

Осеннее солнце, лучи которого способствуют созреванию винограда, есть предвестник зимы, когда все растительное царство умирает; поэтому естественно, что Вакх является в союзе с Персефой, олицетворявшей растительность. Ариадна, олицетворяя собой вечное опьянение — состояние, ближе всего соответствующее представлению древних о смерти, — также естественно соединена

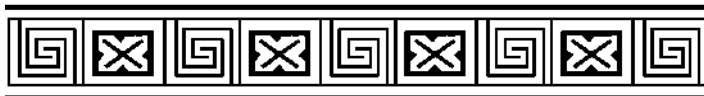

Рис. 179. Вакх и Персефона. С античной камен

с Вакхом, и их мистический союз, как символ смерти, изображался чаще всего на саркофагах. В элевсинских таинствах колос ржи, возрождающийся после того, как зерно сгнило в земле, и вино, образовавшееся из винограда, выжатого прессом, являются символами воскресения и подавались участникам таинств в виде пирога и питья. На многих саркофагах Вакху приданы черты лица покойника, а Ариадне — покойницы. В древние века существовали особые мастерские, в которых изготовлялись саркофаги, и все скульптурные украшения исполнялись заранее, но головы Вакха и Ариадны только намечались, чтобы потом придать им черты тех лиц, для которых саркофаги предназначались. В Лувре находится подобный памятник искусства, известный под названием «Саркофаг из Бордо». Голова Ариадны там только слегка намечена.

Вакху были посвящены, кроме винограда и плюща, еще винная ягода и апельсин, из цветов — роза, из животных — козел, осел, бык, рысь, тигр, пантера, дельфин и дикая коза.

ГЕРКУЛЕС, или ГЕРАКЛ

*Происхождение Геркулеса. — Юпитер и Алкмена. —
Ревность Юноны. — Молоко Юноны. — Геркулес и змеи. —
Геркулес на перепутье. — Бешенство Геркулеса.*

Геркулес, или Геракл, происходил из славного рода Персея; он величайший герой греческих мифов и любимый национальный герой всего греческого народа; он представляет образ человека, обладающего большой физической силой, непобедимой храбростью и огромной силой воли. Исполняя самые тяжелые работы, повинаясь воле Юпитера, он с сознанием своего долга покорно переносит жестокие удары судьбы. Он воевал и побеждал темные и злые силы природы, боролся с неправдой и несправедливостью, а также с врагами общественных порядков и порядков нравственных, установленных Юпитером. Он сын Юпитера, но мать его смертная, и он настоящий сын земли и смертный. Несмотря на свою силу, он, подобно смертным, подвержен всем страстям и заблуждениям, свойственным человеческому сердцу, но в его человеческой, а потому и слабой природе лежит божественный источник доброты и божественного великодушия, делающего его способным на великие подвиги. Подобно тому, как он побеждает великанов и чудовищ, так точно побеждает он в себе все дурные инстинкты и достигает божественного бессмертия.

О его происхождении рассказывают следующее. Юпитер, повелитель богов, пожелал дать богам и людям велико-

го героя, который бы их защищал от разных бед. Он сошел с Олимпа и стал искать женщину, достойную сделаться матерью такого героя. Выбор его пал на Алкмену, супругу Амфитриона. Но так как Алкмена любила только своего мужа, то Юпитер принял образ Амфитриона и вошел в его дом. Сын, родившийся от этого союза, был Геркулес, которого в мифологии называют то сыном Амфитриона, то сыном Юпитера. И вот почему Геркулес обладает двойственной натурой — человека и бога. Такое воплощение божества в человеке нисколько не шокировало народных верований и чувств, что, впрочем, не мешало народу подмечать и посмеиваться над комической стороной этого происшествия. На одной античной вазе сохранилось живописное изображение древней карикатуры (см. рис. 180). Юпитер там изображен переодетым и обладателем большого живота; он несет лестницу, которую собирается приставить к окну Алкмены, а она из окна наблюдает за всем происходящим; Меркурий, переодетый рабом, но узнаваемый по кадуцею, стоит перед Юпитером.

Когда пришло время появиться на свет сыну Алкмены, властелин богов не мог удержаться, чтобы не похвастаться

*Рис. 180. Юпитер
перед окном Алкмены.
С античной вазы*

в собрании богов, что в этот день в семье Персея родится великий герой, призванный властвовать над всеми народами. Юнона заставила его подтвердить эти слова клятвой и, как богиня родов, устроила так, что в этот день родился не Геркулес, а Эврисфей, также потомок Персея. И таким образом Геркулесу пришлось повиноваться Эврисфею, служить ему и исполнять по его повелению разные трудные работы. Когда же сын Алкмены явился на свет, Меркурий, желая его спасти от преследования Юноны, взял его, понес на Олимп и положил его на руки спящей богине. Геркулес укусил с такой силой грудь Юноны, что молоко полилось из нее и образовало на небе Млечный Путь, а проснувшаяся богиня с гневом отбросила Геркулеса, все же вкусившего молока бессмертия. В музее в Мадриде находится картина Рубенса, изображающая Юнону, кормящую грудью маленького Геркулеса (см. рис. 181). Богиня сидит на облаке, возле нее стоит колесница, запряженная павлинами. Тинторетто в своей картине трактует этот сюжет несколько иначе. У него Юпитер сам подает Юноне сына. Вместе с Геркулесом родился его брат Ификл, и мстительная Юнона посылает двух змей, которые забираются в колыбель, чтобы умертвить детей, но маленький Геркулес схватил их и задушил. Плиний упоминает о картине древнего художника Зевксиды, изображавшей это происшествие. Тот же сюжет изображен на античной фреске, на барельефе и бронзовой статуе, открытых в Геркулануме. Из новейших произведений на ту же тему известны картины Аннибале Карраччи и Рейнолдса.

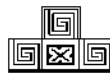
Юный Геркулес получил самое тщательное воспитание. Амфитрион научил его управлять колесницей, Кастор — стрелять из лука и носить оружие, кентавр Хирон — борьбе и разным наукам, а Лин — игре на лире. Но Геркулес оказался мало способным к искусствам; он, подобно всем людям, у которых физическое развитие преобладало над умственным, трудно усваивал музыку и охотнее и легче натягивал тетиву лука, нежели перебирал нежные стру-

Рис. 181. Юнона, кормящая Геркулеса. С картины Рубенса

ны лиры. Рассердившись на своего учителя Лина, который вздумал сделать ему замечание по поводу его игры, он ударом лиры убил его. Юпитер, опасаясь, чтобы он не натворил новых бед, послал его на гору Киферон пасти стада. Он убивает там огромного киферонского льва, а шкуру его надевает на плечи в виде плаща. Софист Прodik относит ко времени пребывания его на Кифероне сочиненную им аллегорию «Геркулес на распутье жизненных дорог». «Однажды юный Геркулес сидел в раздумье; он размышлял о том, какой жизненный путь ему избрать. Вдруг перед ним появились две женщины — одна красавица, в роскошном одеянии, а другая скромно и просто одетая в белое платье. Первая была Изнеженность, а вторая — Добродетель. Каждая из них старалась убедить его избрать ее путь; красавица прельщала его картинами роскоши и наслаждений, а добродетель представляла ему трудный и тяжелый жизненный путь, но который приведет его к славе и счастью! Геркулес выбрал последнее». Рубенс изобразил эту аллегорию в своей картине «Геркулес избирает жизненный путь»; она находится в картинной галерее во Флоренции.

До восемнадцатилетнего возраста Гераклес занимался только тем, что пас стада или охотился на диких зверей. Возвращаясь однажды с охоты, он встретил послов Эргина, царя минийцев; они явились за данью, которую фиванцы были обязаны выплачивать ежегодно. Гераклес отрезал им уши, надел им оковы и отослал их обратно. Царь Эргин явился перед Фивами со своим войском; Гераклес победил его и заставил его платить в два раза большую дань. Амфитрион погиб в этой битве, а Креонт, царь фиванский, в благодарность за его помощь дал Гераклесу в жены дочь свою Мегару. Вскоре Эврисфей потребовал к себе на службу Гераклеса, который должен был, по назначению Юпитера, исполнить для него двенадцать работ, чтобы потом заслужить бессмертие. Дельфийский оракул, к которому обратился Гераклес с вопросом, должен ли он повиноваться, ответил, что герой должен немедленно отправляться на службу, и назвал его в первый раз Гераклом, т. е. «герой, добывающий славу благодаря преследованию Юноны». Между тем богиня эта, не довольствуясь злом, которое она уже причинила Гераклесу, насылает на него бешенство, и он в припадке исступления, принимая своих детей за чудовищ, убивает их. По некоторым сказаниям, Гераклес, исцелившись от безумия, приходит в ужас от своего преступления и спрашивает Дельфийского оракула, каким образом он может его искупить, и тот приказывает ему идти на службу к Эврисфею, его злейшему врагу. Повинуясь оракулу, Гераклес тотчас же отправляется. Он получает от Меркурия меч, от Вулкана панцирь, от Аполлона стрелы и от Миневры плащ. На архаических памятниках Гераклес всегда одет наподобие греческих героев. Впоследствии его изображали покрытым только львиной шкурой и с огромной палицей в руке.

ДВЕНАДЦАТЬ ПОДВИГОВ ГЕРАКЛЕСА

Немеекий лев. — Лернейская гидра. — Керинейская лань. — Эриманфский вепрь. — Авгиевы конюшни. — Стимфальские птицы. — Пояс царицы амазонок. — Кони Диомеды. — Быки Гериона. — Критский бык. — Гесперидские яблоки. — Сошествие в ад за Цербером.

В Немее свирепствовал страшный лев, опустошая всю страну. Гераклес, повинуясь приказанию Эврисфея, отправился освобождать страну от этого чудовища. Но немеекий лев был неуязвим, никакое оружие не могло его убить. Напрасно Гераклес всадил в него все стрелы своего колчана — они даже не пробивали шкуру этого чудовища; напрасно старается он нанести ему удар своей страшной палицей — она разлетается от удара, но зверь остается невредимым. Наконец, Гераклес загнал его в пещеру, вступил с ним в борьбу и задушил его руками. Он снял шкуру страшного зверя, и она даже в этом виде нагоняла ужас на людей. По некоторым преданиям, Гераклес носил ее постоянно вместо одежды. Борьба со львом изображалась очень часто на монетах и вазах древнего периода; несколько таких vaz находится в музее в Лувре. Немеекий лев был сыном Тифона и Эхидны; после смерти он был превращен в созвездие Льва. Картина Рубенса, находящаяся теперь в Берлинском музее, изображает Гераклеса, убивающего льва.

Лернейская гидра происходит также от Тифона и страшной Эхидны; она обитала в обширных Лернейских боло-

тах, производя оттуда опустошительные набеги на жителей. Надо полагать, что греки под лернейской гидрой подразумевали губительные испарения болот, пагубно действовавшие на жителей, обитавших вблизи этих болот. У гидры было несколько голов; как только уничтожали одну голову, то на ее месте вырастала другая. Исполняя вторую работу, заданную ему Эврисфеем, Геркулес отправился в Лернейские болота, выманил оттуда гидру и стал отрубать ей головы, но видя, что вместо отрубленной головы вырастает другая, он взял горящее полено, прижег раны гидры, и головы перестали вырастать. Убив гидру, герой обмакнул свои стрелы в ее кровь, и с тех пор раны, сделанные этими стрелами, были неизлечимы. Битва с лернейской гидрой очень часто изображалась художниками. На одной из античных камей гидра старается укунить Геркулеса, обвив его ноги.

Затем Геркулес отправился отыскивать керинейскую лань, у которой были золотые рога. Так как она была посвящена Диане, то Геркулес, не желая восстанавливать против себя такую могущественную богиню, не хотел ее убивать, а только поймать. В продолжение целого года он гонялся за ней по лесам, наконец настиг и принес ее Эврисфею.

Геркулес точно так же должен был взять живым страшного эриманфского вепря, который опустошал окрестности Эриманфской горы. Герой загнал чудовище в глубокий снег, лежавший на вершине горы, поймал его, связал ему ноги, взвалил на плечи и понес его к Эврисфею. Вид этого страшилища привел в такой ужас этого последнего, что он от страха залез в огромный медный чан. На многих барельефах и вазах изображен Геркулес, показывающий связанного вепря Эврисфею (см. рис. 182). Тут же, на горе, Геркулес победил нападавших на него кентавров и нечаянно ранил ядовитой стрелой своего друга кентавра Хирона, но так как Хирон был бессмертным, то не умер от раны, а страдал от нее всю жизнь.

Рис. 182. Геркулес показывает Эврисфею эриманфского вепря. С античной помпейской живописи

Желая унизить Геркулеса, Эврисфей приказал ему очистить конюшни царя Авгия (сына Гелиоса), обладавшего большими стадами; его обширный скотный двор и конюшни были переполнены нечистотами, накопившимися за многие годы. Геркулес, придя к Авгию, предложил ему очистить все в один день, требуя за это десятую часть всего скота. Авгий, полагая, что такую работу невозможно исполнить в один день, согласился. Геркулес провел две реки через скотный двор: воды рек очистили его и омыли в один день. Но Авгий отказался дать обещанную плату. Геркулес убил его и передал его владения сыну.

Болота, окружавшие Стимфальское озеро в Аркадии, были покрыты высокими, густыми зарослями и тростниками. Там обитали птицы Марса, у которых крылья, головы и клювы были железные, у них были острые когти, и они могли по своему желанию пускать свои острые перья подобно стрелам или дротикам и ранить ими людей, у которых они уносили скот. Они питались также человеческим мясом. Их было так много, что когда они летели, то затемняли солнечный свет. Геркулес начал с того, что испугал их страшным шумом медных кимвалов. В ужасе

Рис. 183. Яблоки из сада Гесперид. С античной вазы

и смятении они поднялись над болотами, и Гераклес принялся их истреблять стрелами и добивать палицей.

Царица амазонок Ипполита получила от Марса роскошный пояс. Дочь Эврисфея пожелала его иметь, и Гераклес отправился его добывать. Амазонки жили в отдаленной стране, почти на краю вселенной, за Малой Азией. На одной античной вазе изображен Гераклес, покрытый львиной шкурой, он сражается с царицей амазонок, сидящей на коне. После ожесточенной битвы Гераклесу удалось взять в плен царицу амазонок вместе с ее поясом. Этот подвиг считался у древних греков одним из самых главных подвигов героя.

Диомед, царь воинственной Фракии, имел четырех коней. Они питались исключительно человеческим мясом, и огонь и дым вылетали из их ноздрей. Диомед отдавал им на съедение всех чужестранцев, которые попадались ему в руки. Гераклес победил его подданных и отдал Диомеда на съедение его собственным коням, которые тотчас же пожрали его.

Затем Эврисфей приказал ему привести быков Гериона. Этот Герион был сыном чудовища Хрисаора, родившегося из туловища обезглавленной Медузы. Он был огромного роста и обладал тремя головами и тремя сросшимися вместе туловищами. Его стада красных быков охранялись велика-

ном Эвритионом и собакой Орфом. Эта собака была родным братом Цербера и сыном Тифона. Как только Орф увидал Гераклеса, он бросился на него, а за ним и великан Эвритион, но герой убил их обоих и стал уже угонять быков, как перед ним появился «тройственный» Герион, и страшная борьба завязалась между ними, окончившаяся для Гераклеса новой победой. На многих античных вазах, барельефах и группах изображен бой Гераклеса с трехголовым Герионом.

Затем Гераклес отправился укротить дикого критского быка, вышедшего из недр моря и изрыгающего пламя. Он навел ужас на всю страну и опустошал ее. Гераклес не только укротил его, но даже запряг в плуг. Этот миф почти дословно повторяется в мифе о Минотавре, побежденном Тесеем.

Во время свадебного пира в честь Юноны с Юпитером все боги одарили Юнону богатыми дарами. Гея, или Земля, дала ей дерево, покрытое золотыми яблоками. Это дерево поместили в Гесперидский сад, принадлежавший дочерям Атланта. Страшный дракон охранял это дерево и его плоды (см. рис. 183). Эврисфей приказал Гераклесу добыть ему золотые яблоки. Герой отправился, но по дороге он поссорился с одним из сыновей Марса и убил его. Тогда разгневанный бог войны бросился на Гераклеса, и неизвестно, чем бы кончилась эта страшная битва, если бы Юпитер не положил ей конец, пустив в ход гром, разогнавший сражающихся. Чтобы найти дорогу в ту далекую страну, где находился знаменитый Гесперидский сад, Гераклес, следуя советам нимф, отправился к морскому божееству, старцу Нерею, и принудил его силой рассказать ему, каким путем туда пройти. По доро-

Рис. 184. Гераклес передает бремя небесного свода. С этруского зеркала

ге Геркулес увидел Атланта, поддерживающего небесный свод (см. рис. 184). Он предложил ему заменить его и поддержать небесный свод на своих плечах, пока Атлант отправится в сад и принесет ему оттуда золотые яблоки. Великан согласился и принес их, но не захотел вновь взвалить на свои плечи тяжелый небесный свод. Тогда Геркулес, делая вид, что соглашается дальше поддерживать его, попросил Атланта заменить его, пока он не добудет подушки, чтобы подложить ее себе на плечо; обманув таким образом великана, он ушел. Существует несколько барельефов, на которых изображен Геркулес, заменяющий Атланта. Пребывание Геркулеса в саду Гесперид послужило сюжетом для многих художественных произведений.

Эврисфей, видя, что Геркулес всегда возвращается победителем, какие бы трудные задачи он ему ни задавал, послал его, наконец, в царство Плутона привести к нему оттуда Цербера. Это было очень опасное предприятие, но Геркулес и тут не задумался исполнить то, что от него требовалось. Придя в Лаконию, где находился вход в ад, Гер-

Рис. 185. Подвиги Геркулеса: лернейская гидра; золоторогая лань

Рис. 186. Подвиги Геркулеса: немейский лев; Цербер; кони Диомеда

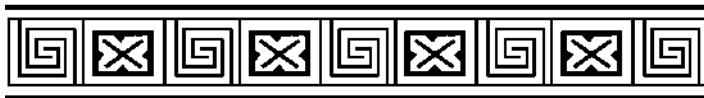
Рис. 187. Подвиги Геркулеса: стимфальские птицы; критский бык; авгиевы конюшни

Рис. 188. Подвиги Геркулеса: тройственный Герион; дерево Гесперид; битва с кентаврами

кулес туда спустился. Увидав там Тесея, он его освобождает, убивает одну из коров Плутона и поит ее кровью души умерших. Затем он получает позволение от Плутона увести Цербера, если он достигнет этого, не пуская в ход оружия. Геркулес нашел Цербера на берегу Ахеронта, связал его и понес показать Эврисфею, который, страшно напуганный видом такого чудовища, приказал Геркулесу немедленно отнести его в царство теней. На многих древних памятниках искусства изображены все двенадцать подвигов Геркулеса (см. рис. 185, 186, 187 и 188), но порядок их не всегда один и тот же, да притом и число их различно. Это происходит от того, что сравнительно в более позднее время стали приписывать Геркулесу все двенадцать подвигов, как бы соответствующие двенадцати зодиакальным знакам.

ДРУГИЕ ПОДВИГИ ГЕРКУЛЕСА И ЕГО АПОФЕОЗ

*Основатель Олимпийских игр. — Геркулес и Бусирис. —
Пигмеи. — Геркулес и Антей. — Геркулесовы столпы. —
Великан Кеник. — Геркулес и Омфала. — Керкопы. —
Похищение Деяниры. — Костер Геркулеса и его апофеоз.*

Кроме двенадцати работ, исполненных Геркулесом по приказанию Эврисфея, предание приписывает герою еще много других подвигов, которые как бы дополняют характеристику Геркулеса, этого укротителя и истребителя чудовищ, поборника правды и справедливости. Очистив Авгиевы конюшни и лишив царства этого вероломного царя, Геркулес учредил там Олимпийские игры и воздвиг двенадцать алтарей двенадцати богам Олимпа. В Египте Геркулес убивает царя Бусиписа, установившего человеческие жертвоприношения. Когда-то в виде кары за какое-то преступление на эту страну был ниспослан страшный голод. Спрошенный оракул ответил, что голод прекратится только под тем условием, чтобы ежегодно приносили в жертву богам какого-нибудь чужестранца. Сто человек уже было принесено в жертву до прибытия Геркулеса, которого тотчас же схватили и заключили в оковы. Приведенный к царю герой разорвал цепи, убил царя и уничтожил человеческие жертвоприношения. На нескольких античных вазах воспроизведен Геркулес, убивающий Бусиписа. Далее Геркулес отправился в неизвестные страны, лежащие у источников Нила. Там обитало

племя пигмеев. Это были маленькие существа не выше одного локтя ($\frac{3}{4}$ арш.). Эти карлики вели постоянные войны с цаплями, их злейшими врагами. Плиний рассказывает, что эти маленькие человечки были вооружены стрелами; они спускались весной с вершин Индии к восточному морю и вели в продолжение трех месяцев ожесточенную войну с цаплями, уничтожая их птенцов. В противном случае эти птицы, размножаясь, могли бы их совсем уничтожить. Несмотря на их маленький рост, они осмелились напасть на Геркулеса, который, придя усталый в их страну, лег на землю отдохнуть и заснул. Пигмеи в боевом порядке напали на него и начали вести правильную атаку. Геркулес проснулся от тысячи уколов их метких стрел, но, увидав своих врагов, он разразился громким смехом, стрел их всех в руку, завернул в львиную шкуру и унес с собой в Грецию. На многих живописных фресках в Геркулануме изображены сражения пигмеев с цаплями. Придя в Ливию, герой встретил исполина Антея ростом в 64 локтя (48 арш.) Этот великан заставлял всех чужестранцев бороться с ним и всегда побеждал их, вокруг его жилища валялись черепа его бесчисленных жертв. Его силы удваивались каждый раз, когда он прикасался к Земле, его матери. Геркулесу удалось поднять его на воздух и задушить. Древний живописец Поликлет написал картину на эту тему, а до наших дней сохранилось много камей и расписных ваз с изображением борьбы Геркулеса с Антеем.

Геркулес, продолжая свой путь по Ливии, дошел до того пункта, где она почти соприкасается с Европой. Здесь он разделил горы и соединил Средиземное море с Океаном; в воспоминание этого гигантского труда он поставил на берегу два столба, известных у древних под названием Геркулесовых столпов; в наше время это место называется Гибралтаром.

Возвращаясь из Испании, герой прошел по Италии со своими стадами; подойдя к Тибру, он остановился, чтобы

дать быкам возможность отдохнуть. Утомленный длинным путешествием Геракл уснул вблизи пещеры, служившей жилищем одному из сыновей Вулкана — великану Кенику. Он был огромного роста и обладал страшной силой; пламя вылетало из его уст, и туловище его заканчивалось огромным драконовым хвостом. Быки Геракла понравились великану; он увел часть стада и, чтобы скрыть следы, придумал тащить быков за хвост; Геракл, проснувшись, заметил кражу, бросился к пещере, но видя, что следы быков как бы удаляются оттуда, и не зная, в какую сторону идти их искать, он уже хотел от них отказаться, как вдруг из пещеры раздалось мычание. Геракл проник в пещеру и увидел множество окровавленных голов путешественников, убитых Кеником. Несмотря на пламя, вылетающее из уст чудовища, Геракл разрушил пещеру, схватил его за горло и задушил. В воспоминание этого подвига благодарные жители этой местности установили ежегодный праздник в честь Геракла, а искусство воспользовалось этим сюжетом для многих статуй и картин. Из новейших произведений пользуются известностью картина французского

художника Лемуана и бронзовая группа Баччо Бандинелли (она находится во Флоренции).

Окончив свои работы и совершив много других подвигов, Геракл решил вновь жениться; услышав, что царь Эврит обещал свою дочь Иолу тому, кто победит его в стрельбе из лука, он отправляется к нему и побеждает его. Но царь отказывается отдать за него дочь, и Геракл в припадке гнева сбрасывает со стены

Рис. 189. Геракл и Омфала.
С античного барельефа

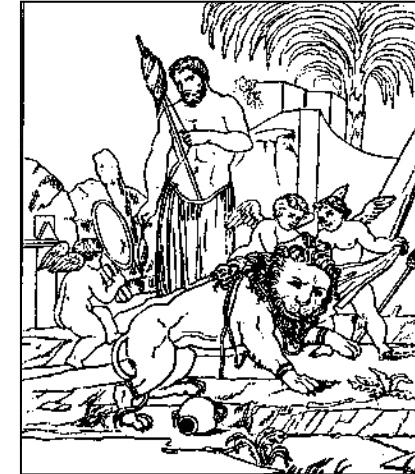

Рис. 190. Геракл
прядет.
С античной мозаики

сына царя — Ифита. Так как, по мнению древних, убийство никогда не остается безнаказанным и должно быть искуплено, то Геракл отправляется в Дельфы, чтобы узнать от оракула, как искупить ему свою вину, но пифия отказалась отвечать. Разгневанный Геракл схватил ее треножник и хотел его уничтожить; тогда появился сам Аполлон и после ожесточенной борьбы отнял у него треножник. А оракул, наконец, заговорил и объявил, что Геракл, для того чтобы искупить свое преступление, должен быть продан в рабство на три года. Меркурий продал его за три таланта Омфале, царице Лидии, и Геракл, раненный стрелой коварного Амура, воспылал любовью к своей повелительнице. Он поддался таким образом восточной изнеженности и роскоши и подчинился всем желаниям и капризам Омфалы. Множество памятников искусства воспроизводят этот миф, и почти на всех Геракл изображается одетым в женские одежды. Он прядет или выполняет домашние работы, а Омфала, покрытая львиной шкурой, держит в руках палицу героя (см. рис. 189 и 190). Сохранился грави-

Рис. 191. Геркулес подносит Юпитеру рог Ахелоя.
С античной вазы

рованный камень работы знаменитого Лисиппа, изображающий Геркулеса, этого сильного, бесстрашного героя, почти коленопреклоненного, как бы подгибающегося под тяжестью маленького Амура, сидящего у него на плече.

Но и этот период жизни Геркулеса не проходит бесследно: герой не может жить, не совершая подвигов. Проснувшись однажды на берегу реки, где он отдыхал, Геркулес увидел, что его оружие собираются похитить керкопы, злые и лукавые карлики; он их схватил, связал и повесил за ноги. Эти карлики были самые лукавые и хитрые люди на свете. Юпитер лишил их сначала дара слова, которым они злоупотребляли, обманывая всех и произнося лживые клятвы, а затем превратил их в обезьян.

Пробыв у Омфалы положенные три года, герой снарядил восемнадцать кораблей и отправился вместе с другими героями против Илиона, чтобы отомстить царю Лаомедонту, обманувшему его. Победенный царь был убит вместе с сыновьями, кроме одного, Подарка: он был выкуплен сестрой его Гесионой ценой ее брачного покрывала, и с тех пор он стал называться Приамом, т. е. выкупленным, и сделался царем Трои. После этого славного похода Геркулес отправился в Калидон к царю Ойнею, у которого была красавица дочь. Много героев и царей добивались

ее руки, в том числе Ахелой, сын Океана. Когда появился Геркулес, предшествуемый своей славой, все претенденты прекрасной Деяниры скрылись, остался только один Ахелой, который обладал даром превращения. Он, принимая разные образы, вступил в борьбу с Геркулесом и был им наконец побежден. На многих памятниках искусства изображен бой Геркулеса с Ахелоем; в особенности часто изображен Ахелой в образе быка; Геркулес, по преданию, вырвал ему рог, который nereиды наполнили цветами и плодами, превратив его таким образом в рог изобилия. На одной античной вазе изображен Геркулес, подающий Юпитеру рог Ахелоя (см. рис. 191). Герой-победитель захотел тотчас же увезти с собою Деяниру, но им пришлось остановиться перед рекой Эвеном. Живший там кентавр Несс предложил за плату перенести Деяниру (см. рис. 192, картина Рубенса). Геркулес согласился и пошел вперед. Услышав крики Деяниры, призывающей его на помощь, он

Рис. 192. Несс и Деянира.
С картины Рубенса

обернулся и увидел, что грубый кентавр хочет ее похитить (см. рис. 193). Геркулес догнал их и убил Несса. Похищение Деяниры Нессом изображалось очень часто древними и новейшими художниками. Гвидо и Лука Джордано написали прекрасные картины на эту тему. Умиравший кентавр захотел все же отомстить своему убийце. Он дал свой окровавленный пояс Деянире и уверил ее, что это талисман, благодаря которому она может всегда вернуть любовь Геркулеса в случае его измены.

Скоро понадобился ей этот пояс: Геркулес покинул ее и захотел вновь жениться на Иоле. Уже все было готово для этого союза, когда Деянира узнала об этой измене. Желая вернуть любовь Геркулеса, она призвала слугу его Лихаса и послала с ним пояс, говоря, что он может украсить им свой свадебный наряд. Герой надевает его, и едва пояс дотрагивается до его тела, как Геркулес начинает испытывать ужасные страдания: яд, которым пропитан был пояс, проник в его кровь. Испуская дикие крики от боли, он в иступлении сбрасывает Лихаса со скалы в море. Скульптор Канова изваял группу «Иступленный Геркулес сбрасывает Лихаса». Не в силах переносить страдания, Геркулес решает покончить с собой. Он собирает на горе Эте деревья, складывает их в костер, покрывает его шкурой немейского льва, ложится на костер и просит своего друга, Филоклетта, которому дарит свои смертоносные стрелы, поджечь костер. Пламя быстро охватывает костер со всех сторон, и, когда сгорела смертная или земная оболочка героя, Юпитер взял его на Олимп, поместил его в число богов и дал ему в супруги Гебу, богиню вечной юности.

Смерть Геркулеса изображалась очень часто на барельефах и античных вазах. В Луврском музее находится картина Гвидо на эту тему и группа скульптора Кусту; оба художника изобразили Геркулеса сидящим на костре с поднятыми вверх руками, как бы умоляя богов сжалиться над ним. В древнем искусстве почти не встречается изображения

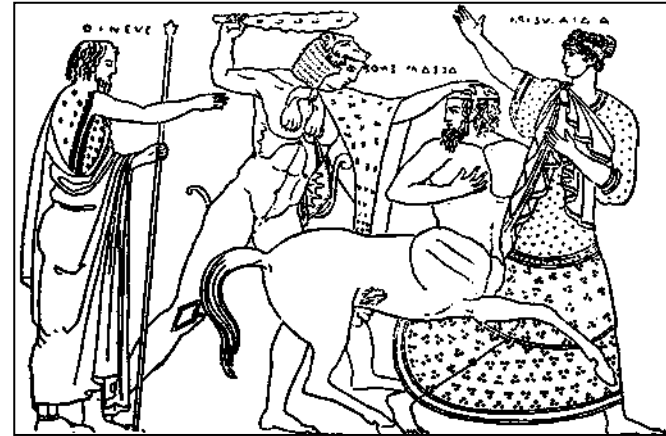

Рис. 193. Деянира призывает Геркулеса на помощь. С античной вазы

Геркулеса на костре, но зато на многих барельефах, группах, гравированных камнях и камнях изображен апофеоз Геркулеса. Из всех статуй Геркулеса, изображавших его уже бессмертным, самой большой славой пользуется часть античной статуи, известной под названием «Торс Бельведерский». Она была найдена в конце XV века в Риме. Отзывы Микеланджело об этом шедевре самые восторженные; к сожалению, у нее не хватает ни рук, ни ног, ни головы. Французский живописец Лемуан написал апофеоз Геркулеса на одном из плафонов дворца в Версале; это одно из лучших произведений французской школы.

Благодаря поэтам и их описаниям Геркулес является олицетворением энергии и труда, этого цивилизатора, победителя тысячи препятствий и трудностей, которые природа всюду ставит на пути человечеству. На самых древних памятниках искусства он является совершенным типом героя и атлета. Идеальный тип Геркулеса, созданный Лисиппом, изображает этого героя в образе мужчины во цвете лет, с атлетическими формами, с сильно развитой

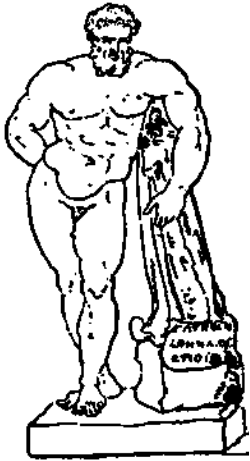
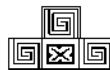

Рис. 194.
Отдыхающий
Геркулес.
С античной
статуи

мускулатурой, небольшой головой, покрытой курчавыми короткими волосами, с сильно выдающейся нижней частью лба, с широкой, но короткой шеей. Эти типичные характерные черты повторяются почти на всех изображениях Геркулеса и являются даже более верными отличительными признаками, чем его обычные атрибуты — палица и львиная шкура. Самыми замечательными статуями этого типа считаются античная статуя «Отдыхающий Геркулес» (см. рис. 194) и статуя, известная под названием «Геркулес Фарнезский»; эта последняя статуя изваяна афинским скульптором Гликonom и считается повторением знаменитого произведения Лисиппа.

В честь Геркулеса-бога было учреждено много праздников (они назывались Гераклеи) и много жертвенных алтарей, на которых ему обыкновенно приносили в жертву кабана. Во время его праздников в Афинах исполнялись разные шуточные и веселые представления, а в других местностях происходили состязания в борьбе и стрельбе из лука. Римские гладиаторы, выходя в отставку, посвящали Геркулесу свое оружие. Ему были также посвящены серебристый тополь, оливковое дерево, плющ и горячие целебные источники. Ни один герой мифологии не пользовался такой популярностью в искусстве, как Геркулес. Художники всех эпох изображали его от колыбели и до божественного апофеоза включительно.

ТЕСЕЙ

Детство Тесея и юность. — Тесей — победитель разбойников. — Отравленный кубок. — Минотавр. — Марафонский бык. — Клубок Ариадны. — Покинутая Ариадна. — Возвращение Тесея. — Тесей в царстве теней. — Смерть Тесея.

Главным героем почти всех героических афинских мифов является Тесей. Афиняне хотели воплотить в нем, подобно тому, как сделали доряне с Геркулесом, все подвиги и великие дела афинского мифологического цикла; но герой этот никогда не пользовался такой славой у всех греков, как Геркулес, хотя для придания славы и блеска имени Тесея ему приписывали подвиги, являющиеся точной копией с подвигов Геркулеса. Тесей — сын Эгея и Эфры, потомок Эреклея, он родился близ Трезены, и его воспитал дед его, мудрый Питфей, а кентавр Хирон обучал его верховой езде, стрельбе и разным гимнастическим упражнениям. Эгей, отправляясь в Афины, положил под большой и тяжелый камень свой меч и сандалии и сказал своей жене, чтобы она прислала к нему Тесея тогда только, когда он сдвинет с места этот камень и найдет меч и сандалии. Шестнадцатилетний Тесей поднял камень, вооружился мечом, надел сандалии и отправился в Афины искать отца и славы. Античный барельеф, находящийся в музее Кампанском, изображает молодого героя, окруженного родными, поднимающим камень. Подходя к городу, Тесей был осмеян толпой молодых афинян за свою длин-

ную одежду, считающуюся у древних афинян признаком изнеженности. Герой, которого называли красной девушкой, решил не показываться отцу, прежде чем не покроет славой свое имя. Все окрестности Афин были тогда населены разбойниками, которые грабили и убивали прохожих и наводили на страну ужас своими злодеяниями. Прежде всего Тесей отправился в Эпидавр, где свирепствовал злодей Перифет, убивающий всех прохожих медной дубиной. Герой убил его и взял себе его дубину; затем он отправился на Коринфский перешеек и убил там другого разбойника — Синиса, обладавшего привычкой всех попавших ему в руки путников привязывать за руки и ноги к верхушкам двух деревьев. Тесей подверг его той же участи. На нескольких античных вазах и барельефах изображен этот подвиг героя. Тесей там же учредил в честь Нептуна Истмские игры и, возвращаясь оттуда, близ Элевсина убил страшную кромсионскую свинью Фэю, пожиравшую людей.

Злодей Прокруст обладал не менее оригинальной манерой: он, по-видимому, хотел, чтобы все люди на свете были с ним одинакового роста. У него было ложе, на которое он клал своих пленников. Если оказывалось, что они не помещались на нем, то он рубил им головы или ноги; или же, напротив, если ложе оказывалось слишком длинным, он вытягивал их члены силой, пока не отрывал их. Убив и его, Тесей отправился воевать со Скироном, который сбрасывал ограбленных им путников с вершины скалы на песчаный берег моря, где он держал черепах, которых откармливал человеческим мясом. Тесей точно так же отдал его на съедение черепахам. Таким образом, возмездие, это примитивное выражение правосудия у древних, играет видную роль во всех этих мифах, и Тесей является, подобно Гераклу, поборником правды, охранителем закона, покровителем угнетенных и грозным противником всех врагов человечества.

Очистив Аттику от злодеев, Тесей решил, что может предстать теперь пред отцом своим, и отправился в Афины.

Рис. 195.
Марафонский
бык. С античной
вазы

Эгей находился тогда в полной зависимости от волшебницы Медеи, с которой он вступил в брак. Опасаясь влияния этого героя-сына, Медея, видя, что Эгей его не узнает, уговорила царя подать чужестранцу во время пира кубок с отравленным вином. К счастью для Тесея, он вынул свой меч, чтобы разрезать мясо, и отец, узнав его по мечу, вырвал у него кубок, который герой уже собирался поднести к устам, а жестокая Медея принуждена была бежать из Афин. На многих античных барельефах воспроизведена сцена пира. Эгей вырывает кубок у сына, а Медея стоит вдали, ожидая действия отравленного ею напитка. Тесей помог отцу отделаться от племянников, оспаривавших у него афинский престол, а затем отправился искать дикого марафонского быка, опустошавшего страну; он привел его живым в Афины и принес его в жертву Аполлону (см. рис. 195). Вернувшись в этот город, Тесей был поражен печалью, которая там господствовала. На его вопросы ему отвечали, что пришло время отправлять дань на остров Крит царю Миносу. Несколько лет тому назад Минос обвинил Эгея в том, что он убил его сына, и упросил Юпитера наказать всю страну. Повелитель богов наслал на нее чуму. Спрошенный афинянами оракул сказал, что чума прекратится лишь тогда, когда они обещают ежегодно посылать на остров Крит семь девушек и семь юношей на съедение чудовищу Минотавру, сыну Пасифаи, жены Миноса, и быка. Теперь наступило время посылать в третий раз

Рис. 196.
Лабиринт.
С античной
монеты

эту дань. Тесей вызвался добровольно отправиться в числе юношей и убить чудовище. Исполнить это обещание было нелегко, потому что Минотавр обладал необычайной силой; кроме того, царь Минос, не желая его выставлять напоказ, держал его в лабиринте (см. рис. 196), построенном Дедалом; кто из смертных попадал туда, не мог уже выйти из него, до того запутаны были там все входы и выходы. Тесей, сознавая всю опасность предприятия, отправился перед отъездом за советом к оракулу Аполлона, который

в свою очередь посоветовал ему прибегнуть к покровительству Венеры. Эта богиня внушила Ариадне, дочери Миноса, любовь к прекрасному герою. Она дала ему клубок ниток; конец ниток оставался у нее в руках для того, чтобы он мог потом по этой путеводной нити найти выход из лабиринта. Ему удалось, благодаря его ловкости, убить страшного Минотавра (см. рис. 197). В благодарность за свое избавление он выстроил богам храм в Трезене. По мнению многих ученых — исследователей мифологии, победа Тесея над Минотавром является как бы символом того, что греческая религия, делаясь все более мягкой и человеческой, стала стремиться к уничтожению человеческих жертв. Древнее искусство довольно часто изображало победу Тесея над Минотавром; из новейших художников Канова изваял на эту тему две группы, которые находятся в музее в Вене. Когда Тесей покинул остров Крит, за ним последовала Ариадна, но герой, не желая, вероятно, навлечь на себя недовольство афинян вступлением в брак с чужестранкой, покинул Ариадну на острове Наксосе, где ее увидел Вакх. Такое вероломство героя по отношению к девушке, спасшей ему жизнь, является очень неясным и необъясненным поступком в мифологии. Одни предания говорят, что Тесей так поступил, повинувшись

Рис. 197.
Тесей убивает
Минотавра.
С античной вазы

приказанию Минервы, другие же рассказывают, что сам Вакх просил его не увозить далеко Ариадну, которую он себе выбрал в супруги. Этот миф послужил темой для многих произведений искусства. В Геркулануме нашли на стене живописное изображение, представляющее Ариадну, покинутую на берегу; вдаль удаляется корабль Тесея, а Амур, стоя подле Ариадны, проливает слезы вместе с нею (см. рис. 198). Когда в начале XVIII века распространилась мода писать портреты современных лиц, придавая им атрибуты и позы мифологических героев и окружая их соответствующей обстановкой, французский художник Ларгильер изобразил современную актрису Дюкло в образе Ариадны, но в платье с фижмами и с огромным султаном из перьев на голове.

Рассеянность Тесея была причиной смерти Эгея: сын обещал отцу, если победит Минотавра, заменить черные паруса корабля белыми, но забыл это сделать; Эгей, видя возвращающийся корабль с черными парусами и полагая, что его сын погиб, бросился с высокой башни в море, которое стало с тех пор Эгейским. Тесей, вступив на престол отца, занялся в первое время устройством своего государства, а затем отправился с Геркулесом в поход против амазонок. Он вступил

Рис. 198. Ариадна, покинутая на острове Наксос. С античной живописи, открытой в Помпее

в брак с их царицей Антиопой, от которой у него был сын Ипполит. Но, вернувшись на родину, он покинул Антиопу, чтобы жениться на Федре, сестре Ариадны. Разгневанные амазонки решили мстить за оскорбление, нанесенное их царице, и сделали набег на Аттику, но были побеждены и уничтожены. Эта война с амазонками, которую афиняне считали одним из важнейших фактов в их героической истории, воспроизведена на бесчисленных памятниках искусства.

Тесей принимал точно так же участие в походе аргонавтов и в калидонской охоте. Тесные узы дружбы связывали его с лапифским царем Пирифоем, пригласившим его вместе с другими знатными афинянами на его свадьбу с Гипподамией. Во время свадебного пира произошла знаменитая битва с кентаврами, из которой Тесей вышел победителем. Пирифой помог Тесею похитить Елену, но братья ее Кастор и Поллукс отняли сестру у Тесея и отдали в супруги спартанскому царю Менелаю. Пирифой, в свою очередь, попросил Тесея сойти с ним в жилище Плутона и помочь ему похитить Персефону, к которой он питал сильную любовь. Нелегко было исполнить подобную просьбу,

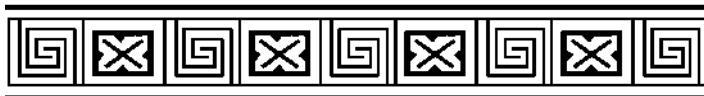
но дружба налагает известные обязанности, и Тесею волей-неволей пришлось согласиться и сойти в ад вместе с Пирифоем. Эта попытка, однако, окончилась для друзей не только печально, но и постыдно, потому что боги, разгневанные подобной дерзостью, наказали их следующим образом. Придя в ад, оба друга присели отдохнуть на камнях; когда же они захотели встать, то, несмотря на все усилия, не могли этого сделать; они, по воле богов, прилипли к камням, на которых сидели. И только Геркулес, когда пришел в ад доставать Цербера, упрямил Плутона разрешить ему освободить Тесея. Что же касается до Пирифоя, то Геркулес даже не подумал о том, чтобы вывести и его из столь затруднительного и неловкого положения. Тесей окончил весьма печально свое земное поприще: он отправился на Скирос посетить царя Ликомеда, который, завидуя силе и храбрости Тесея, решил его погубить; он его столкнул со скалы, и славный герой погиб.

В Афинах находились две знаменитые картины, изображавшие Тесея. Одна из них была написана Паррасием, а другая Эвфранором; этот последний говорил, что Тесей Паррасия питался розами, тогда как его Тесей питался мясом. Это меткое замечание, говорит Плиний, очень характерно и верно определяло направление двух соперничавших художественных школ. До наших же дней сохранилась прекрасная античная статуя Тесея (см. рис. 199).

Рис. 199. Тесей. С античной статуи

НАЧАЛО ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ. ЯБЛОКО РАЗДОРА

Нереида Фетида. — Брак Пелея с Фетидой. — Яблоко раздора. — Пастух Парис. — Три богини. — Суд Париса.

Нереида Фетида, прекрасная статуя которой находится в Луврском музее, была самая красивая из морских богинь. Юпитер и Нептун оба желали иметь ее супругой, но, когда оракул объявил, что сын Фетиды будет могущественнее своего отца, оба бога отказались от своих притязаний на нее и решили отдать ее в супруги Пелею, потомку славного Эака, одного из судей в царстве теней. Прекрасная Фетида была очень оскорблена решением богов выдать ее за простого смертного. Она обладала способностью превращаться в разных зверей и тем приводила в ужас Пелея, который сказал об этом кентавру Хирону; тот посоветовал ему не обращать внимания на то, в кого обратится Фетида, и храбро накинуть на нее цепи. Лишь только нереида почувствовала на себе оковы, она покорно согласилась стать его женой и утратила способность превращаться в диких зверей. На многих античных вазах изображена борьба Пелея с Фетидой, которая превращается то в льва, то в змею. Сохранилось также несколько античных барельефов, изображающих различные превращения Фетиды, желавшей во что бы то ни стало отделаться от многочисленных претендентов на союз с нею.

*Рис. 200. Минерва и Парис.
С античной живописи*

На других же барельефах представлены боги, отправляющиеся на свадебный пир Пелея. Все боги были приглашены на этот пир; позабыли только пригласить на этот пир богиню раздора. Оскорбленная этим невниманием, она решила отомстить. Сорвав в Гесперидском саду золотое яблоко, она сделала на нем надпись: «Самой красивой» и бросила его среди пирующих; тотчас же мир и согласие были нарушены. Три богини заспорили, кому из них предназначалось яблоко, и каждая доказывала свои права на него. Юпитер, несмотря на всю свою власть, не мог их помирить. Тогда он послал Меркурия за пастухом Парисом, чтобы тот присудил одной из богинь спорное яблоко.

Парис был сыном Приама и Гекубы, которой приснилось за несколько дней до его появления на свет, что у нее родился вместо сына горящий факел и от этого факела сгорела Троя. Спрошенный оракул ответил, что сон ее означает, что ребенок, который родится, будет причиной гибели его родного города. Приам решил умертвить сына; тотчас же после рождения Париса он призвал пастуха и приказал ему отнести сына на вершушку горы Иды и там

оставить его на произвол судьбы. В продолжение восьми дней медведица приходила кормить брошенного ребенка; пастух, пораженный этим чудом, взял ребенка к себе и воспитал его. Став юношей, Парис отличался от своих товарищей ловкостью и необыкновенной красотой. Когда Меркурий привел его на пир богов и объяснил ему, в чем дело, Парис стал рассматривать с большим вниманием богинь, но прежде чем он пришел к какому-то ни было решению, Минерва (см. рис. 200) обратилась к нему со следующими словами: «Приблизься, сын Приама! Ни супруга Юпитера, ни богиня любви не достойны привлечь твоего взора, пусть только одна богиня доблести и храбрости, одна Афина Паллада заслужит твое внимание и твои похвалы. Ты, говорят, предназначен к тому, чтобы защищать стены Трои; узнай же, что я могу способствовать освобождению твоего народа и защитить тебя от ярости Беллоны. Реши в мою пользу, и я обучу тебя военному искусству, и я сравню тебя с самыми храбрыми воинами». Едва окончила Минерва, как заговорила Юнона: «Если ты мне присудишь приз за красоту, я тебе обещаю владычество над всей Азией. На что тебе военное искусство, что значит война для властелина? Цари повелевают одинаково и самыми храбрыми, и самыми трусливыми. И не всегда любимцы Минервы занимают первые ряды». Вслед за ней подошла Венера и, желая показаться Парису во всем блеске своей красоты, расстегнула пряжки своей туники и, гордясь собой, произнесла: «Смотри и любуйся всеми прелестями, которые ты видишь перед собой. Не заслуживают ли они предпочтения перед всеми военными доблестями? Обладание ими не ценнее ли всех скипетров и царств Азии? И какое мне дело до всех шлемов и щитов? Женщина должна прежде всего отличаться красотой. Я не дам тебе доблести, но дам тебе самую красивую женщину в подруги; я не дам престола, зато дам тебе Елену». Едва богиня умолкла, как Парис присудил ей приз за красоту, и она получила из его

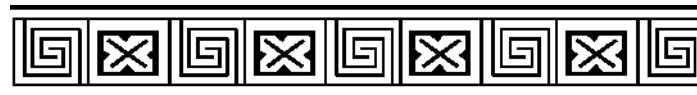
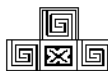

Рис. 201. Суд Париса. По Флакмену

рук яблоко (см. рис. 201), которое стало источником раздора и жестоких битв.

Суд Париса изображался очень часто художниками, но благодаря различию трактовки древних и новейших художников смысл этого мифа совершенно изменился. По примитивным источникам, идея, вложенная в этот миф, была чисто нравственная и моральная: она указывала на презрение, с которым относились греки к своим соседям-азиатам, считая их за изнеженных людей, неспособных даже понимать мужества и доблестей. Фригиец Парис, присудив яблоко Минерве, мог бы получить взамен военную доблесть и благодаря ей упрочить независимость своей страны; дав яблоко Юноне, он мог бы получить владычество над Азией; но он предпочел страсть и наслаждения, предлагавшиеся ему Венерой, и вот почему Троя пала и почему Греция, которой покровительствовали Минерва и Юнона, стояла неизмеримо выше Азии. Хотя Колуф и другие древние писатели упоминают о том, что Венера раскрыла свои одежды перед Парисом, но художники древних веков всегда

изображали всех трех богинь совершенно одетыми. В период римского владычества искусство продолжает изображать богинь одетыми. Сохранилось много произведений искусства на эту тему этого периода. Новейшее искусство, напротив, постоянно изображало и изображает всех трех богинь лишенными всяких признаков одежды. У Флаксы одна только Венера обнажена, зато Рубенс, Рафаэль и многие другие художники изображают всех трех богинь обнаженными, так что Парис как бы присуждает приз за пластическую красоту. Рубенс в своей прекрасной картине «Суд Париса», для того чтобы еще больше подчеркнуть чувственный характер, который он желал придать своему произведению, поместил на своей картине сатиров, и они, пользуясь случаем, глядят во все глаза на обнаженных богинь; между тем, если строго придерживаться мифологических традиций, ни один сатир не осмелился бы смотреть с такой наглостью на Минерву, опасаясь навлечь на себя гнев этой строгой и целомудренной богини.

ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ

Стены Трои. — Мицение Нептуна. — Гесиона, освобожденная Геркулесом. — Нимфа Энона. — Елена и Парис. — Похищение Елены.

У Троя, основателя Трои, было три сына. Один из них, Ганимед, был взят Юпитером на Олимп и служил там виночерпием; другой, Ил, построил крепость Трои, которая называется также Илионом. Сын его Лаомедонт решил окружить город высокой стеной. Нептун и Аполлон, переодетые каменщиками, предложили свои услуги. До того времени при постройках укладывали камни один на другой без всякого связывающего их цемента. Такие постройки носят название циклопических построек. Только впоследствии придумали соединять камни и заделывать отверстия между ними цементом, который твердел от действия воздуха и солнца. Нептун — вода, а Аполлон — солнце были более всего пригодны на такое дело, как постройка стен, и Лаомедонт с радостью принял их предложение и согласился на плату, заранее ими выговоренную. Окончив работу, боги стали требовать эту плату; царь, нарушая условие, отказался им заплатить. Тогда Нептун в наказание за его вероломство залил окружающие Трою поля и уничтожил все жатвы. Не довольствуясь этим, он потребовал, чтобы дочь царя, Гесиона, была отдана на съедение морскому чудовищу, вызванному им из недр моря. Несчастная Гесиона была выставлена на скале на съедение. Лаомедонт обещал Геркулесу, если он освободит

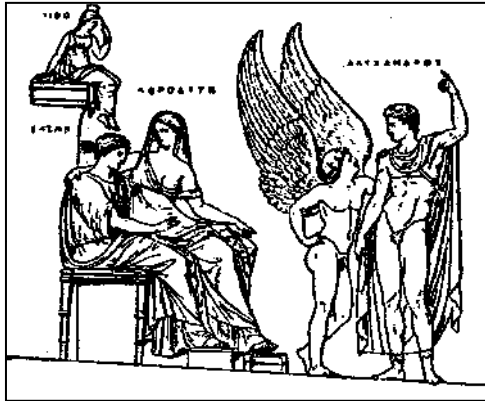

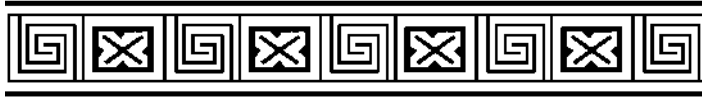
Рис. 202. Парис,
приведенный
Амуром во дворец
Елены

его дочь, отдать ему прекрасных коней, подаренных ему Юпитером за Ганимеда. Геркулес убил морское чудовище и освободил Гесиону, но царь, по обыкновению, не дал обещанной награды. Тогда Геркулес осадил вместе с другими героями Трою, убил царя, отдал Гесиону воину Теламону, вошедшему первым в осажденную Трою, убил всех сыновей Лаомедонта, даровав жизнь одному только Подарку, или Приаму, которого выкупила Гесиона ценой своего брака с Теламоном. Освобождение Гесионы изображено на нескольких памятниках искусства. Из новейших художников француз Лебрен написал картину на эту тему, очень известную по частым репродукциям.

Приам взял себе в жены Гекубу, от которой имел много детей. Из них приобрели известность сыновья Гектор и Парис и дочери Кассандра и Поликсена. Полигамия была обычным явлением на Востоке, и, по словам Гомера, у Приама было пятьдесят сыновей и столько же дочерей. Все они росли в доме отца, кроме Париса, которого считали погибшим, так как он был брошен на съедение диким зверям благодаря пророческому сну Гекубы; так что Парис рос вдали от семьи и пас стада. Нимфа Энона, поражен-

ная его красотой, согласилась быть его женой; эта нимфа, которую когда-то любил Аполлон, обладала даром проорицания; она предсказала Парису гибель всей его семьи и страшное бедствие для его отечества, если он не откажется от своего намерения похитить Елену. Но Парис, полагая, что ревность внушила ей это предсказание, не послушался и, желая во что бы то ни стало овладеть Еленой, стал добиваться, чтобы его признал Приам. Вскоре ему представился случай отличиться и победить многих соперников во время торжественных состязаний в борьбе. Получив приз, Парис открыл отцу свое происхождение и показал ему пеленки, в которые он был завернут, когда его отдали пастуху. Обрадованная мать, забыв свой вещий сон, с радостью приняла его, а Приам возложил на него поручение, очень почетное, хотя и опасное: он послал его в Грецию потребовать выкуп за увезенную Гесиону. Но Парис выкупа не получил, а взамен Гесионы похитил Елену, жену спартанского царя Менелая. Многие предания рассказывают весьма различно причины, заставившие Елену покинуть Менелая и последовать за Парисом. Вернее же всего, причиной того была неотразимая красота похитителя. Античный барельеф изображает Венеру, которая, верная своему обещанию дать Парису самую красивую подругу, приводит к нему Елену. На другом барельефе Амур ведет Париса к дверям Елены (см. рис. 202). Отъезд Елены с Парисом на фригийском корабле также не раз изображался на древних памятниках искусства.

ГРЕЧЕСКИЕ ЦАРИ

*Решение греческих царей. — Улисс, или Одиссей. —
Воспитание Ахиллеса. — Ахиллес у дочерей Ликомеда. —
Жертвоприношение Ифигении. — Прорицатель Калхант.*

Агамемнон и Менелай были сыновья Атрея, царя Аргоса, изгнанные после смерти отца Фиестом; они нашли убежище у Тиндарея, царя спартанского. У него были две дочери: Клитемestra — супруга Агамемнона, и Елена, прославившаяся своей красотой. Почти все греческие цари добивались ее руки. Счастливым победителем оказался Менелай, но прежде чем объявить имя избранника, Тиндарей заставил поклясться всех искателей руки его дочери, что они подчинятся беспрекословно его решению и будут всегда защищать права того, кому будет принадлежать Елена. С помощью Тиндарея Агамемнон и Менелай победили Фиеста и прогнали его, Агамемнон получил престол отца, а Менелай, после смерти Тиндарея, стал спартанским царем. Однажды Менелай отправился на Крит получать наследство; в его отсутствие Парис похитил Елену. Так как все греческие цари поклялись защищать права супруга Елены, то Менелай обратился к ним за помощью, желая отомстить за нанесенное ему оскорбление. Все цари решили объявить войну дерзкому похитителю, и Агамемнон был избран главнокомандующим, или, как говорит о нем Гомер, он был избран царем царей. Прежде всего было отправлено посольство в Троию с просьбой вернуть Елену, но Приам ответил, что он не отдаст Еле-

ны, потому что ему не была возвращена Гесиона. Такой ответ возмутил греческих царей, и на общем совете было решено осадить Троию. Главными греческими предводителями во время осады были Агамемнон, Менелай, два Аякса, Диомед, Филоктет, Протесилай, Нестор и Паламед. Этот последний, как друг Менелая, был отправлен к Одиссею просить его присоединиться к ним, но Одиссей, не желая покинуть своей жены Пенелопы, представился безумным, и, когда к нему прибыл Паламед, он принялся пахать плугом, запряженным ослом и быком, песчаный берег моря и сеять вместо зерен соль. Но Паламед открыл его притворство: он поставил на борозду его маленького сына Телемаха, и Одиссей, чтобы не задеть ребенка, повернул плуг и тем показал, что безумие его притворно. Живописец Паррасий Эфесский, современник Фидия, написал картину, в которой изобразил Одиссея, представляющего себя безумным. Эвфранор написал картину на эту тему, и оба произведения пользовались большой славой, а Плиний оставил вос-

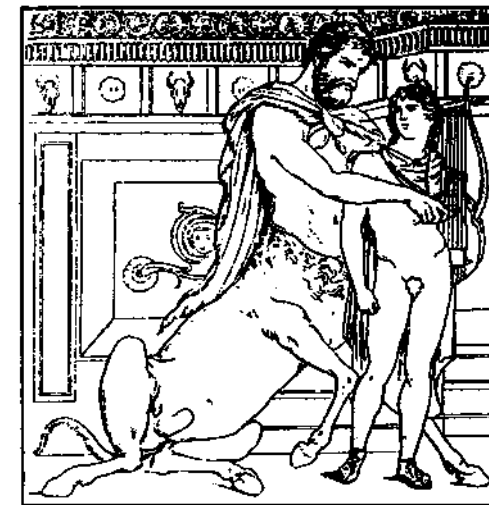

Рис. 203. Ахиллес
и кентавр Хирон

торженный отзыв о картине Эвфранора. Этот же сюжет воспроизводился очень часто на гравированных камнях. Но оба предводителя, более всего способствовавшие падению Трои, вначале не принимали никакого участия, и только благодаря случаю молодой Ахиллес присоединился к другим греческим царям. Когда все было готово и решено, чтобы отправиться осаждать Трою, прорицатель Калхант объявил, что поход будет только тогда успешен, когда среди предводителей будет потомок Эака. Пелей был одним из потомков этого царя, а Ахиллес был его сыном от nereиды Фетиды. Как только Ахиллес родился на свет, мать окунула его в Стикс, чтобы сделать его неуязвимым и бессмертным, но так как она держала его за пятку, то эта часть тела была единственная, куда герой мог быть ранен. Воспитание Ахиллеса было поручено кентавру Хирону, который кормил его львиным мясом, учил стрелять из лука, знакомил его с целебными свойствами растений, исцеляющих раны, и учил играть на лире. Искусство очень часто изображало воспитание Ахиллеса; на одной из фресок, открытых в Помпее, Хирон представлен играющим на лире, а юноша Ахиллес слушает его (см. рис. 203). Из новейших художников Реньо и Делакруа писали картины на эту тему. Так как Пелей был уже в преклонном возрасте, а Ахиллес был также потомок Эака, то Менелай (см. рис. 204) решил пригласить его участвовать в походе. Оракул предсказал Фетиде, что сын ее Ахиллес прославится среди героев, но что его ожидает ранняя смерть. Как только она услышала о войне, она тотчас же переодела сына в женские одежды и послала к царю Ликомеду, у которого было много дочерей. «Там, — по словам поэта Биона, — вместе с дочерьми Ликомеда Ахилл учился прясть и занимался разными домашними работами. Его белые руки и роскошные волосы делали его похожим на молодую деву». Но хитроумный Одиссей скоро узнал, куда Фетида усала своего сына. Желая в этом вполне убедиться, он под видом тор-

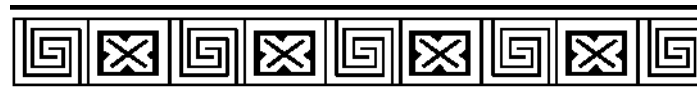
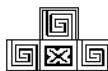
говца проник к Ликомеду и принял- ся раскладывать перед присутствующими разные товары и оружие. Тогда как дочери Ликомеда только и думали о лентах и женских украшениях, Ахиллес, увидев копье и меч, завладел ими. Этого было совершенно достаточно для Одиссея, который теперь вполне убедился, что перед ним действительно юноша, сын Пелея. Он рассказал ему о решении греческих царей осадить Трою и уговорил его принять участие в походе. Никакие просьбы матери не могли удержать Ахиллеса, который тотчас же снарядил пятьдесят кораблей и последовал за Одиссеем. Древний греческий художник Апенон написал Ахиллеса в женской одежде в тот момент, когда Одиссей узнает его. Античный барельеф в Пио-Клементинском музее изображает Ахиллеса, избирающего меч и копье. Из новейших художников писали на эту тему Рубенс и Давид Тенирс.

Наконец все было готово, и корабли снялись с якоря. Но едва успели они отойти от берега, как разразилась страшная буря, заставившая их вернуться обратно в гавань Авлиды. Разгневанная Диана послала на них эту бурю в наказание за то, что Агамемнон на охоте убил лань, посвященную ей, и таким образом отомстила дерзкому, осмелившемуся нарушить ее права. Прорицатель Калхант, спрошенный предводителями, ответил, что корабли могут только тогда вновь пуститься в путь, когда Агамемнон принесет в жертву то, что ему дороже всего, т. е. его дочь Ифигению. Ее вызвали из Микен под предлогом союза с Ахиллесом, но вместо брачного пира она нашла приго-

Рис. 204. Менелай.
С античной
статуи

товленный для нее костер; она стала умолять отца пощадить ей жизнь, но успех похода и спасение войска были для Агамемнона важнее жизни дочери, и жертва должна была совершиться; но Диана скрыла Ифигению и заменила ее ланью, которая и была принесена в жертву на алтаре богини. Жертвоприношение Ифигении было изображено на знаменитой картине греческого художника Тиманфа. На этой картине Агамемнон стоит, погруженный в печаль; он закрыл лицо руками, но не потому, как говорили современные критики, что художник боялся не справиться с выражением печали на его лице, а потому, что греки имели обыкновение закрывать лицо, когда проливали слезы и предавались печали.

ГЕКТОР

Протесилай и Лаодамия. — Гнев Ахиллеса. — Парис и Менелай. — Раненая Венера. — Марс и Диомед. — Гектор и Аякс. — Посольство к Ахиллесу. — Патрокл и Сарпедон. — Смерть Патрокла.

Наконец соединенный греческий флот мог выйти в открытое море. Переезд совершился благополучно, и вскоре корабли пристали к троянскому берегу. Было предсказано оракулом, что кто первый ступит на эту землю, тот должен непременно погибнуть. Храбрый Протесилай решил пожертвовать собой. Он только что женился на красавице Лаодамии, но все ее мольбы не могли заставить его отказаться от своего великодушного намерения. Высадившись на берег, он был пронзен неприятельской стрелой и умер. Лаодамия стала просить богов позволить ей еще раз повидаться с мужем, и Меркурий привел его на землю на несколько часов. Когда настало время Протесилаю вернуться в ад, Лаодамия убила себя, не желая жить без мужа. Этот трогательный миф изображен в нескольких сценах на античном саркофаге, находящемся теперь в Пио-Клементинском музее.

Греки, высадившись на берег, принялись опустошать селения вокруг Трои; они стали уводить стада и забирать людей в плен. Двух молодых пленниц, Хрисеиду и Брисеиду, приводят в стан греков; при дележе военной добычи первая достается Агамемнону, а вторая Ахиллесу. Но отец Хрисеиды, жрец Аполлона, захотел выкупить свою дочь;

он является к греческим предводителям с богатым выкупом и просит их отдать ему дочь, грозя им гневом Аполлона. Получив презрительный отказ, он идет в храм Аполлона, приносит ему жертвы и умоляет его покарать греков, и бог насылает на них чуму. По словам Гомера, «Аполлон сам посылает в греческий стан чумные стрелы, и все гибнет от них: сначала выючные животные, а потом воины, и девять дней свирепствует этот бич». Наконец, прорицатель Калхант объявляет, что надо отдать молодую девушку, иначе гнев Аполлона будет тяготеть над ними. Все цари, в особенности Ахиллес, стали настаивать на том же, и Агамемнону пришлось уступить, но, желая отомстить Ахиллесу за его вмешательство, он похищает у него Брисеиду. Ахиллес должен был покориться, он не может идти против Агамемнона, этого царя царей, но, оскорбленный его поступком, он тотчас же запирается в своей палатке и клянется своим мечом не сражаться больше вместе с греками. Мать его Фетида решает отомстить за оскорбление сына. Она отправляется к Юпитеру, прося его даровать троянцам победы над греками до тех пор, пока ее сын не будет принимать участия в битвах. Античный барельеф, находящийся теперь в Лувре, изображает Ахиллеса, в страшном гневе покидающего стан греков. Английский художник Флаксмен написал на эту же тему иллюстрацию к «Илиаде» (см. рис. 205).

Наконец наступил день первого сражения. Греки выступили в боевом порядке с храбрыми предводителями во главе, а троянцы явились с беспорядочными толпами их азиатских союзников, оглашавших диким криком и шумом поле сражения. При первой стычке между троянцами и греками Парис является во главе армии; шкура леопарда покрывает его плечи, в руках у него лук, меч и два тяжелых копья. Он вызывает одного из греческих предводителей на поединок. Тотчас же Менелай, подобно голодному льву, увидавшему добычу, бросается со своей колесницы

Рис. 205. Ахиллес, разгневанный на Агамемнона, хочет пронзить его мечом. Минерва успокаивает его. По Флаксмену

и спешит встретить врага; но Парис, увидя перед собой обманутого им мужа, в ужасе и смятении бежит и прячется за ряды троянцев. Возмущенный такой трусостью Гектор осыпает его упреками и заставляет его вернуться на поле сражения. Парис вновь вызывает Менелая на поединок, обещая, что кто из них победит, тому будет принадлежать Елена, остальные же враги помирятся; греки уйдут домой, а троянцы мирно останутся в их городе. Но Менелай требует, чтобы престарелый царь Приам подтвердил это обещание, и вызванный герольдами царь выходит из города, приносит богам жертвы и подтверждает слова сына. Поединок начинается; враги сходятся несколько раз, все безуспешно; никто из них не ранит другого; наконец, Менелай хочет нанести решительный удар, но Парис исчез: Венера окружила его облаком и перенесла в благоухающую комнату, вдали от шумного поля битвы. Любимец богини отдыхает на роскошном ложе. Венера приводит к нему Елену, чтобы она полюбовалась его красотой, но гордая царица отвертывается от него и осыпает его упреками. «Как мог ты так скоро покинуть поле битвы! Лучше бы

Рис. 206. Елена, приведенная к Парису Венерой, упрекает его за трусость в поединке с Менелаем. По Флаксмену

ты погиб, побежденный храбрым воином, бывшим моим супругом!» — говорит она ему с презрением. Луи Давид в своей картине, находящейся в Лувре, изобразил Елену, осыпающую упреками Париса, но при этом он, несколько не стесняясь, поместил своих действующих лиц в одну из зал антиков в Луврском музее и выписал даже украшающие ее кариатиды работы Жана Гужона. Флаксмен также изобразил эту сцену (см. рис. 206).

Даже боги принимали участие в кровавых битвах под стенами Трои; Минерва и Юнона не могли простить Парису его предпочтения Венеры и стояли на стороне греков, но Аполлон, Марс и Венера помогали троянцам. Венера видит первая, как падает ее сын Эней, раненный тяжелой скалой, сброшенной на него Диомедом; она, чтобы защитить сына, прикрывает его своим белым покрывалом. Суровый Диомед узнает богиню и ранит ее. Она вскрикивает от боли и уходит на Олимп жаловаться Юпитеру, который принимает ее очень немилостиво. Тогда Марс хочет сразиться с Диомедом. Тот колеблется, видя, что сам бог войны стоит в рядах троянцев, но Минерва поддерживает его мужество, обещая ему свое покровительство, и она действительно отводит в сторону копье Марса и помогает Диомеду ранить его своим дротиком. «Страшный Марс, — говорит Гомер, — испустил крик, подобный реву десяти тысяч сра-

жающихся воинов; и греки, и троянцы охвачены ужасом, до того громок и могуч голос ненасытного бога войны». Славный и мужественный Гектор, сын Приама, хочет, в свою очередь, сразиться с врагом; он вызывает одного из храбрейших греческих предводителей на поединок. Но прежде чем вступить в бой с врагом, он хочет проститься с Андромахой, его женой, и с маленьким сыном. Андромаха является на призыв мужа; она со слезами умоляет Гектора отказаться от поединка; она высказывает ему свои опасения и свои предчувствия; ей кажется, что он больше не вернется. Гектор отвечает, что он разделяет ее опасения, но что храбрость не позволяет ему скрываться перед неприятелями; он с детства привык сражаться в первых рядах, защищая честь и славу отца и свою собственную. «Я чувствую, — говорит он, — что настанет день, когда погибнет священная Троя, и с ней вместе Приам и славный народ доблестного Приама» (Гомер). Он нежно прощается с нею и сыном (см. рис. 207) и покидает ее. Прощание Гектора с Андромахой изображалось очень часто древними художниками и до наших дней служит темой для произведений новейших художников.

Вызов Гектора был принят греками; предводители кинули жребий, кому идти сражаться с храбрым троянцем.

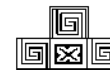
Рис. 207. Гектор прощается с Андромахой. По Флаксмену

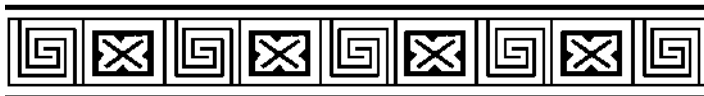
Жребий пал на Аякса, сына Теламона. Враги сражаются целый день, но ни одному из них не удается победить противника, и они расстаются с чувством полного уважения друг к другу. Тогда обе враждебные армии сходятся опять и сражение возгорается с новой силой. Греки, желая защитить от неприятельских стрел свои корабли, воздвигли укрепление, защищавшее их стан и корабли. Туда-то направляется Гектор со своими воинами; он уже подходит к кораблям с факелом в руке, собираясь поджечь греческий флот, уже горит корабль Протесилая, но храбрый Аякс защищает остальные, не шадя своих сил и жизни. Защита Аяксом флота изображена на многих древних расписных вазах. Ужас и смятение царят в стане греков; многие из них начинают поговаривать, не отказаться ли от войны, которой боги, по-видимому, не покровительствуют. При этом вспоминают об Ахиллесе и о предсказании Калханта, что без него греки не одержат победы. Агамемнон соглашается возратить ему Брисеиду и послать ему богатые подарки. В палатку Ахиллеса отправляются послы; они

Рис. 208. Менелай
поднимает тело
Патрокла.
С античной группы

идут умолять его вернуться в греческий стан и вновь принять участие в сражениях. Они находят героя играющим на лире, но напрасны их просьбы и мольбы: Ахиллес неумолим, он не может забыть оскорбления. Патрокл, друг детства Ахиллеса, с грустью смотрит из своей палатки на смятение и беспорядок, царящие среди греков. Он видит ранеными Одиссея, Диомеда и доблестного Агамемнона, видит тщетные усилия Аякса защитить корабли от Гектора, и его мужественное сердце не может долее выносить этого прискорбного зрелища. Уверенный, что одного вида успехов Ахиллеса будет достаточно, чтобы нагнать страх на врагов, он идет к другу в палатку и умоляет его одолжить ему его шлем и латы; надев их, он присоединяется к сражающимся. Сарпедон, сын Юпитера и могущественный союзник Приама, погибает первый от руки Патрокла. Троянцы, предполагая, что великий Ахиллес вновь сражается в рядах греков, хотят укрыться в Трою; Гектор старается поднять их мужество; он вступает в бой с Патроклом, и греческий герой погибает, сраженный его копьем. Тогда вокруг тела Патрокла возгорается ожесточенный бой; почти все знаменитые вожди принимают в нем участие; греки стремятся во что бы то ни стало отбить от неприятелей тело Патрокла, чтобы принести его Ахиллесе и устроить ему торжественные похороны, достойные такого героя, а троянцы хотят унести его в свой город как славный трофей. Эта битва изображалась очень часто в древнюю эпоху. Существует много барельефов и расписных ваз с изображением этого сражения. Прекрасная античная группа изображает Менелая, поднимающего тело Патрокла (см. рис. 208). Из произведений новейших художников на эту тему пользуется известностью картина Джулио Романо.

АХИЛЛЕС

Горе Ахиллеса. — Новые доспехи Вулкана. — Просьбы Приама. — Смерть Гектора. — Тело Гектора.

Когда молодой Антилох, друг и родственник Ахиллеса, приносит ему печальное известие о гибели Патрокла, когда, наконец, он сам видит его тело, пронзенное неприятельским копьем, горе Ахиллеса не знает границ. Уже в начале войны Патрокл был однажды ранен, но Ахиллес спас его благодаря знаниям, приобретенным у Хирона; он сам лечил его рану и ухаживал за другом (см. рис. 209). Но теперь все кончено, он не может вновь вернуть жизнь в бездушное тело друга. Вскоре горе заменилось чувством страшной ярости и злобы против Гектора, от руки которого погиб его друг. Он забывает оскорбление, нанесенное ему Агамемноном, забывает свой обет не принимать участия в сражении вместе с греками; он желает только одного — скорее сразиться с Гектором.

Но доспехи его в руках троянцев, снявших их с убитого Патрокла. Мать его Фетида просит Вулкана выковать скорее сыну новые доспехи и сама, спустившись с Олимпа, приносит их Ахиллесу. Этой сценой воспользовался Жерар, французский

Рис. 209. Ахиллес перевязывает раны Патрокла. С античной вазы

*Рис. 210. Фетида приносит оружие Ахиллесу.
С картины Жерара*

живописец, для одной из своих картин (см. рис. 210). На многих расписных вазах изображен тот же сюжет. Возница Ахиллеса, верный Автомедонт, правит колесницей, и Ахиллес, подобно яростному льву, уничтожает все попадающееся ему по пути. Троянцы падают под его ударами; он видит Энея и кидается на него, но боги покровительствуют Энею, и Нептун скрывает его от врага, окружив его непроницаемым облаком. Ахиллес убивает двух сыновей Приама и стремится все вперед, горя желанием скорее сразиться с Гектором. Вскоре вся долина покрывается трупами, и реки, воды которых обагрены всей кровью, стекающей с поля сражения, приходят в негодование. Река Скамандр просит героя не загромождать ее берегов телами, которые падают в нее и затрудняют ее течение. Но Ахиллес, увлеченный битвой, ничего не слышит; тогда, соеди-

нившись с рекой Симоисом, они обе выступают из берегов и катят свои сердитые волны прямо на героя, грозя его потопить. Ахиллес просит богов унять гнев этих рек, и Юнона посылает Вулкана, который своим огнем сжигает все тела и заставляет реки вернуться обратно в их русла. Ахиллес продолжает подвигаться к Илиону; троянцы бегут перед ним; ворота Трои открыты; они прячутся за крепостные валы и стены и закрывают ворота перед Ахиллесом. Один Гектор храбро ждет врага перед стенами Илиона. Напрасно умоляет его Приам не идти на верную смерть, напрасно он хочет тронуть его картиной своей одинокой старости и беспомощности, — сын не слушает его. Мать его Гекуба, в свою очередь, просит Гектора войти в город, не ждать Ахиллеса и своей смертью не лишиться их последней опоры и защиты; но ничто не может поколебать решимости Гектора. Перед ним, наконец, Ахиллес. Оба героя нападают друг на друга; удары сыплются. Гектор, как бы предчувствуя свою печальную судьбу, обегает три раза вокруг стен Трои, как бы укрываясь от ударов противника, и затем падает, смертельно раненный. Ахиллес снимает с него

Рис. 211. Андромаха падает в обморок при виде тела Гектора, которое Ахиллес тащит за собой вокруг стен Трои

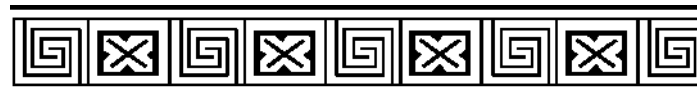
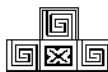

Рис. 212. Приам у ног Ахиллеса. С античного барельефа

блестящие доспехи и, став ногой на его грудь, осыпает его бранью и упреками. Вне себя от ярости, он привязывает Гектора за ноги к своей колеснице и тащит его за собой. Эта дикая и жестокая сцена часто изображалась на древних памятниках искусства. Сохранилась архаическая ваза, представляющая Ахиллеса в полном вооружении; его возница Автомедонт управляет колесницей, к которой привязано тело Гектора. Змея Аполлона защищает лицо умершего от ушибов и грязи. Флакмен представил Аполлона прикрывающим своей эгидой тело Гектора. Приам видит со стен Трои, как окровавленное тело сына волочится в пыли и грязи; он оглашает воздух своими рыданиями и стонами. Андромаха слышит жалобные крики, оповещающие о несчастье; она спешит на крепостные стены и падает без чувств на руки своих служанок (см. рис. 211).

Победитель Ахиллес, возвратясь в свой стан, вновь предается своему горю и велит приготовить роскошные похороны для своего друга Патрокла. В играх и состязаниях, устроенных в честь памяти героя, принимали участие все греки. Похороны Патрокла и надгробные игры и состязания изображены на многих примитивных памятниках. Во время этих похорон тело Гектора лежит в пыли и окровавленное, как бы ожидая собак и хищных птиц, которые его уничтожат. Но престарелый Приам не хочет, чтобы его сын был лишен погребения; никакая опасность, никакие препятствия не останавливают его. Он выходит из города

и, покровительствуемый богами, идет в стан греков, прямо к палатке Ахиллеса, которому послал богатые дары. Он бросается перед ним на колени, обнимает его ноги (см. рис. 212), целует ему руки и просит его вспомнить об отце, который, верно, так же стар, как он, Приам. Несколько античных барельефов изображают прибытие Приама к Ахиллесу; два из них находятся в Лувре, а один в Капитолийском музее. Ахиллес, тронутый мольбами Приама, отдал ему тело и дал ему двенадцать дней, чтобы достойно похоронить такого храброго героя. Тело Гектора сожгли на костре и пепел его собрали в урну, которую Андромаха и сын его Астианакт обливали слезами.

СОЮЗНИКИ ПРИАМА

Амазонки. — Смерть Пенфесилеи. — Мемнон. — Смерть Антилоха. — Ахиллес и Мемнон. — Смерть Ахиллеса. — Аякс и Одиссей. — Безумие Аякса.

Как только окончилось перемирие, троянцы получили неожиданное и сильное подкрепление. Напуганные Ахиллесом, они даже не осмеливались показываться вне стен Трои, как вдруг к ним прибыло из далеких, почти неведомых стран целое войско амазонок с их царицей Пенфесилеей во главе. Эти воинственные женщины были хорошо известны грекам, не раз уже испытывавшим на полях сражений их мужество и отвагу. При виде амазонок радость и надежда овладели Приамом, заставив его даже на время забыть сына. Он радушно принимает их, рассказывает о своих потерях, и молодая царица обещает ему уничтожить войско греков и убить Ахиллеса. Приезд Пенфесилеи и прием Приама часто изображался древними художниками. Храбрая царица амазонок поднимает упавший дух троянцев, она смело выступает против неприятеля и многих истребляет. Эти битвы изображены на роскошной расписной вазе архаического стиля. Из этого изображения видно, что все воины вооружены мечами и копьями; одни только амазонки наносят удары своим противникам короткими, острыми секирами — обычным оружием амазонок. Греки, не ожидавшие такого храброго натиска, бегут враспынную. Ахиллес и Аякс, услышавши шум бегущих, выходят из своих палаток; они видят Пенфеси-

лею, которая в пылу сражения слишком близко подъехала к неприятельскому стану. Она пускает в них стрелы, попадает в них, но не ранит: герои слишком хорошо вооружены, и панцири их почти непроницаемы. Ахиллес берет свое тяжелое копье и вонзает его в своего прекрасного врага; Пенфесилея, смертельно раненная, падает с коня. Знаменитая статуя, находящаяся в Неаполитанском музее и известная под названием «Раненая амазонка» (см. рис. 213), изображает Пенфесилею, падающую от удара Ахиллеса. Античный барельеф в музее Кампана представляет амазонку, поддерживаемую Ахиллесом. Герой, убив Пенфесилею, снял с нее шлем; красота ее поражает его: пыль и кровь не обезобразили ее лица, которое, по словам поэта, было «красиво, как лучезарное дневное светило». Окружавшие ее греки полагали, что перед ними богиня, а Ахиллес стал сожалеть, что нанес смертельный удар такому совершенному созданию.

После смерти Пенфесилеи троянцы погружаются в отчаяние; потеряв всякую надежду, сидят они в осажденном городе, не смея даже показаться из него. Начинают даже поговаривать о том, чтобы покинуть город, но Приам убеж-

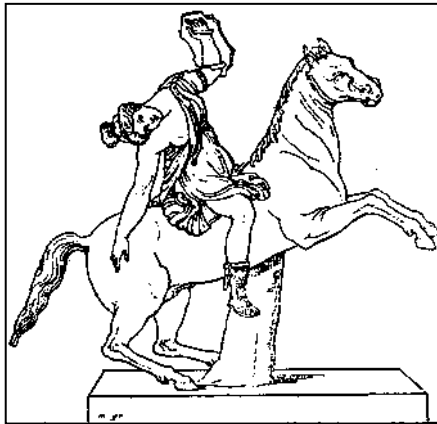

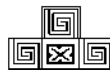
Рис. 213. Раненая амазонка. С античной статуи в Неаполитанском музее

Рис. 214. Спор из-за доспехов Ахиллеса. Резьба на античном серебряном кубке

дает всех подождать прибытия могущественного союзника, царя Эфиопии Мемнона, сына Авроры (Эос). Этот храбрый союзник поднимает опять мужество троянцев, и, к удивлению греков, они вновь нападают на их стан. «Подобно бичу, уничтожающему тысячи жизней несчастных смертных, — говорит поэт, — ринулся в битву Мемнон, оставляя повсюду за собою кровавые следы своей ярости». Вокруг него падают его враги, но вот Антилох, друг Ахиллеса, ударом копья убивает его приближенного Пиразида, и вне себя от гнева Мемнон бросается на Антилоха и вонзает меч в его сердце. Ахиллес, видя, что лучший его друг после Патрокла упал мертвым, бежит туда, где сын Авроры продолжает свое разрушительное дело, и ранит его в плечо. Смерть Антилоха изображена на одном античном памятнике. Между тем боги на Олимпе кладут на весы судьбу Ахиллеса и Мемнона; чаша Ахиллеса перевешивает, и участь Мемнона решена: он падает под ударами Ахиллеса. Это взвешивание судеб смертных богами сильно занимало воображение древних художников, которые часто трактовали в своих произведениях эту тему. Победа над Мемноном является последним подвигом Ахиллеса: стрела, пущенная Парисом и, вероятно, направленная Аполлоном в пятку, единственно уязвимое место на

всем теле героя, положила конец этой доблестной жизни. Сохранилось довольно много памятников искусства, изображающих смерть Ахиллеса, но их число не велико сравнительно с популярностью и славой этого любимого героя Греции. Желая достойно почтить память Ахиллеса, греки устраивают перед его погребением игры и состязания; его прекрасные доспехи предназначены в награду победителю. Одиссей и Аякс оба имеют на них одинаковые права, и предводителям очень трудно решить, кому из них отдать эти доспехи. Они оба являются перед лицом всех греков защищать свои права, и вскоре между ними возгорается жестокий спор (см. рис. 214). Аякс, храбрый и честный воин, ненавидящий хитроумные увертки Одиссея, стал укорять его в трусости говоря: «Конечно, менее опасно говорить лживые речи, нежели сражаться с мечом в руках. Но мне так же трудно красно говорить, как Одиссею совершать хорошие поступки. Греки, вам не нужно напоминать о моих подвигах, вы их все видели; пусть Одиссей расскажет вам свои, свидетелями которых были только он да темная ночь» (Гомер). Предводители уже готовы присудить награду Аяксу, но когда заговорил Одиссей, его красноречие, изворотливость и ловкость заставляют всех отдать ему доспехи великого Ахиллеса. Пристыженный Аякс предается отчаянию; вскоре настоящее безумие овладело им; он стал убивать баранов, думая, что убивает чудовищ, и наконец в припадке иступления убивает самого себя. Смерть Аякса изображена на одной античной вазе. Одиссей, проливая слезы, возложил на гроб Аякса доспехи Ахиллеса — причину их раздора и его гибели, но брат Аякса отказался их взять. После того как корабль, на котором плыл Одиссей, пошел ко дну, доспехи Ахиллеса приплыли морем к могиле Аякса.

СУДЬБА ТРОИ

Потомок Эака. — Стрелы Геркулеса. — Палладий. — Коня Реса. — Смерть Троила. — Рана Телефа.

Взятие Трои обуславливалось, по словам разных прорицателей, выполнением некоторых условий, ставших потом известными под названием «предопределения Трои». Только исполнив эти предопределения, или условия, греки могли овладеть городом. Эти условия были следующие. Первое — один из греческих предводителей должен был быть потомком Эака; второе — греки должны были обладать стрелами Геркулеса; третье — иметь в стане Палладий (древнее изображение Афины Паллады); четвертое — не допустить коней царя Реса напиться воды из реки Ксанфа; пятое — убить Троила, младшего сына Приама, и разрушить могилу Лаомедонта; шестое — требовалось присутствие Телефа, царя Мисии, среди греческого войска. Как только эти шесть условий будут выполнены греками, осажденный город тотчас же сдастся осаждающим. Первое условие, требовавшее, чтобы в числе греческих предводителей находился потомок Эака, со смертью Ахиллеса не исполнялось. Тогда вспомнили, что у Ахиллеса остался сын, Неоптолем, или Пирр (белокурый), и решили, что Одиссей и Диомед отправятся за ним на двадцативесельном корабле, а Менелай обещал дать Неоптолему свою дочь Гермиону и богатые дары, если он согласится приехать в их стан. Тот очень охотно согласился и, несмотря на слезы матери, отправился с ними. Выса-

дившись на троянский берег, он тотчас же отличился, убив мисийского царя Эврипила, союзника Приама. Друг Геркулеса Филоктет владел его отравленными стрелами. Он ему дал их, когда тот, по его просьбе, поджег его костер, но Геркулес заставил его поклясться, что он никогда никому не укажет, где находится его могила. Филоктет нарушил клятву, указав ногою то место, где покоился Геркулес, и тотчас же одна из ядовитых стрел, упав из его рук, вонзилась ему в ногу. Его страдания были так сильны, что он кричал день и ночь, а запах от его раны заставил греков покинуть его на острове Лемносе, где он прожил девять лет. Когда же оракул предсказал грекам, что они возьмут Трою только тогда, когда будут обладать стрелами Геркулеса, Одиссей вместе с Неоптолемом отправился на остров Лемнос к Филоктету, прося его не помнить зла и последовать за ними в их стан, под Трою. Но тот все еще страдал от раны, не мог забыть, как предательски бросили его греки на этом почти безлюдном острове, и отказался ехать с ними. И только когда он увидел тень Геркулеса, приказывающую ему отправиться в Трою, Филоктет наконец согласился, и к счастью для него самого, потому что сыновья Эскулапа вылечили его рану. Он прибыл в Трою почти к концу осады и убил Париса знаменитой геркулесовой стрелой. Вернувшись потом на родину, Филоктет узнал, что его народ, воспользовавшись его отсутствием, восстал против него, и ему пришлось покинуть свою родину и переселиться в Италию. Страдания и несчастья Филоктета послужили темой для многих произведений искусства; между прочим, знаменитый Паррасий написал картину, о которой очень часто упоминают древние писатели.

Палладий, присутствие которого требовалось в стане греков как одно из условий сдачи Трои, был не что иное, как древняя резная статуя Афины Паллады. Эта статуя пользовалась большим почетом; ее сам Юпитер даровал Трое как залог благополучия и благоденствия. Он ее сбро-

сил с Олимпа на землю. По некоторым сказаниям, сама Минерва вырезала ее. Она находилась в Илионе, крепости города Трои. Одиссей и Диомед решили ее похитить. Они ночью подходят к стенам города, и на этот раз обычная хитрость и сметливость Одиссея как бы покинула его, потому что он согласился подставить свои плечи Диомеду, который взобрался на городской вал и затем не подумал помочь Одиссею также взобраться, а прямо отправился в крепость и взял Палладий. Когда же они возвращались, Одиссей, идя позади Диомеда, вытащил меч, желая убить его, но Диомед случайно обернулся и, догадавшись о замысле Одиссея, заставил его идти впереди себя. Ссора Одиссея с Диомедом по поводу Палладия воспроизводилась очень часто в искусстве. Сохранилось много камей, гравированных камней, статуй и расписных ваз с изображением этой ссоры. Из новейших художников Рубенс написал на эту тему картину.

Диомед, подобно другим греческим вождям, принимавшим участие в походе против Трои, не нашел покоя по возвращении на родину. Жена его в его отсутствие изменила ему, и он, не желая служить посмешищем своей страны, отправляется в Италию. Царь Фракии Рес явился с многочисленным войском на помощь к Приаму, но не в вой-

Рис. 215. Нападение Ахиллеса на Телефа. С живописи на вазе в Луврском музее

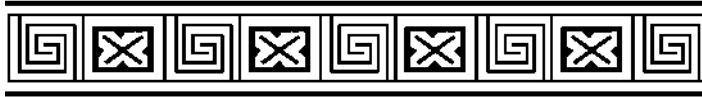
нах была главная сила его помощи, а в его конях, так как оракул предсказал троянцам следующее: «Если кони Реса напьются из реки Ксанфа, протекающей вблизи Трои, то греки никогда не возьмут их города». Вот почему Рес и его войско были встречены громкими и радостными криками. Греки, узнав о прибытии фракийского царя, решили во что бы то ни стало овладеть его конями или, по крайней мере, помешать им напиться воды из реки Ксанфа. Самое трудное в этом предприятии было то, что греки не знали, где находятся эти кони. Одиссей и Диомед решили ночью пробраться к троянцам и постараться узнать что-либо о конях. Между тем троянцы, опасаясь какого-нибудь нападения со стороны греков, обещали награду тому, у кого хватит храбрости пробраться в стан греков в качестве шпиона. Некий Долон предложил свои услуги и отправился. Одиссей и Диомед, уже пробравшись к стенам Трои, тотчас же заметили Долон, вышедшего из города, и решили пойти за ним. Слыша за собой шаги, Долон, полагая, что троянцы послали кого-нибудь ему вдогонку с новыми инструкциями, обертывается, и только тогда заметил он, что то были враги, когда Одиссей и Диомед подошли к нему и, схватив его, стали угрожать ему смертью, принуждая рассказать, где находятся кони Реса и его палатка. Несчастный шпион, надеясь спасти свою жизнь, рассказал им все, но они, выведав от него все, что им было нужно, убили его. Они беспрепятственно доходят до палатки Реса; он и его воины, утомленные длинным путем, крепко спят. Диомед убивает царя и его двенадцать приближенных, пока Одиссей отвязывает коней Реса и уводит их в греческий стан, не дав им, таким образом, напиться воды из реки Ксанфа. Похищение коней изображено на многих гравированных камнях и античных вазах.

Пятым условием сдачи Трои была смерть Троила и разрушение могилы Лаомедонта, но уже в начале осады Ахиллес убил юного Троила у подножия алтаря Аполлона, куда

юноша скрылся при виде страшного врага. На одной античной вазе, находящейся в Луврском музее, изображена смерть Троила. Что же касается до могилы Лаомедонта, то она была разрушена самими троянцами, когда они втаскивали в свой город знаменитого деревянного коня.

Предпринимая поход против Трои, греки высадились сначала на азиатском берегу, в Мисии, и, полагая, что это троянская земля, стали ее опустошать. Телеф, сын Гerkулеса, царствовавший там, был мужем дочери Приама и поэтому считался союзником троянцев. Он выступил со своим войском против греков и ранил Патрокла, друга Ахиллеса, который в свою очередь ранил его. В Лувре находится прекрасно сохранившаяся античная ваза, с изображением Ахиллеса, нападающего на Телефа (см. рис. 215). Так как рана, нанесенная ему Ахиллесом, была очень опасна, то Телеф послал узнать у оракула, смертельна ли она. Оракул ответил, что рана может быть исцелена только тем, кто ее нанес, но Ахиллес, видевший в Телефе врага своего народа, не захотел его вылечить. Хитроумный Одиссей и тут нашелся. Он взял ржавчину с копья Ахиллеса и приложил ее к ране Телефа. Рана зажила, а сын Гerkулеса, увидав в этом как бы указание отца присоединиться к грекам, отправился в их стан.

ПАДЕНИЕ И РАЗГРАБЛЕНИЕ ТРОИ

Деревянный конь. — Предсказание Кассандры. — Лаокоон. — Синон. — Смерть Приама. — Смерть Астианакта. — Елена и Менелай. — Пленницы Гекуба, Андромаха, Кассандра. — Принесение в жертву Поликсены.

Греки исполнили, таким образом, все предопределения, которых от них требовали прорицатели, но для того чтобы войти в город и овладеть им, они, а главным образом Одиссей, придумали следующую хитрость. Скульптор Эпей с помощью Минервы построил огромного деревянного коня*; в него спрятали вооруженного Одиссея с храбрейшими из греческих воинов. Этого коня греки оставляют посреди лагеря, а сами для вида садятся на корабли и отплывают. Обрадованные троянцы выходят из своего города. Увидав огромного коня, одни из них начинают требовать, чтобы его привели в Трою и посветили богам в благодарность за избавление от греков, другие же противятся этому, в особенности Кассандра, дочь Приама. Она была самая красивая из дочерей этого несчастного царя. Аполлон, искавший союза с нею, дал ей дар предсказания, но Кассандра не согласилась быть его супругой, а так как боги не могут брать обратно своих даров, то разгневанный Аполлон решил, что хотя Кассандра и будет в своих предсказаниях предвещать истину, но никто не будет

* Деревянные кони — морские деревянные корабли, взявшие Трою, а предание сделало из них одного коня.

Рис. 216. Лаокоон и его сыновья.
С античной группы

им верить. Напрасно Кассандра уговаривает троянцев, напрасно вся в слезах предсказывает она им следующее: «Безумные, какое ослепление овладело вами, если вы хотите ввести в стены вашего города это произведение хитрости и обмана! Разве вы не видите, что в нем спрятаны ваши враги!» (Гомер). Но троянцы не верят ей, несмотря на то что Лаокоон, жрец Аполлона, одинакового с нею мнения. Он даже вонзает свое копье в бок коня, надеясь этим заставить выйти спрятанных врагов. Когда же затем он на берегу моря вместе с двумя сыновьями приносил жертву Нептуну, из недр моря выходят две змеи; они обвиваются вокруг сыновей Лаокоона; несчастные в страхе зовут отца на помощь; он спешит к ним, но и его обвивают змеи как бы железными кольцами. Вне себя от боли и ужаса, взывает Лаокоон к богам; они остаются глухи к его мольбам. Задушив свои жертвы, змеи скрываются в храм Минервы под

ее алтарем. Ужас объял троянцев; они видят гибель Лаокоона, им кажется, что он наказан за то, что осмелился прокнуть копьем священного коня, и народ требует, чтобы конь отвезен был немедленно в храм Минервы. Трагическая кончина Лаокоона и его сыновей послужила сюжетом для одного из величайших произведений древней скульптуры (см. рис. 216). Эта знаменитая группа была найдена в Риме в 1506 году и находится теперь в Ватикане. Плиний говорит, что она была изваяна тремя родосскими скульпторами — Агесандром, Полидором и Афенодором; время их жизни неизвестно, но есть основание предполагать, что это произведение относится к эпохе процветания Родосской школы, т. е. к 250—200 годам до Р. Х.

Следующая уловка греков еще сильнее утвердила в троянцах решение ввести в город деревянного коня. Грек Синон из Аргоса ранил себя и покрыл себе все лицо царапинами; обливаясь кровью, он бросился к ногам Приама, жалуясь на жестокость греков и прося защиты. Приам принял его с радостью, наградил его подарками и спросил его о коне. Синон ответил, что греки погибли, лишь только конь войдет в город. Тогда троянцы, не сомневаясь более и надеясь на покровительство Минервы, впрягаются сами и ввозят коня в город, предшествуемые певцами и музыкантами (см. рис. 217). Ночью греки, введенные таким образом в город, открывают ворота своим товарищам и со всех сторон окружают дворец престарелого Приама, который, видя, что во дворец врываются толпы греков, ищет убежища со всей семьей у подножия алтаря Юпитера. Сын Ахиллеса Нептолем, или Пирр, преследует его детей, и последний сын погибает у ног отца. Приам схватывает дротик и дрожащей рукою бросает его в убийцу сына, но тот кидается на него и убивает мечом. «Так окончил жизнь Приам, так погиб среди горящей Трои этот могущественный властелин Азии, царь стольких народов. Он теперь не что иное, как окровавленное туловище, тело без имени» (Вергилий). Су-

Рис. 217.
Вероломный
Синон и троянцы.
С живописи из
Ватиканского
«Вергилия»

ществует много древних живописных изображений смерти Приама и его детей. Пока Приам, пораженный жестоким Нептолемом, умирает, Андромаха, предвидя участь своего сына Астианакта, старается его укрыть; сын в страхе прижимается к матери, но она говорит ему: «Ты плачешь, сын мой! Ты разве понимаешь, что ждет тебя? Зачем твои маленькие ручки обвивают так сильно мою шею, зачем ухватился ты так крепко за мои одежды? Гектор не появится из-под земли, вооруженный своим грозным копьем, чтобы спасти тебя; ни семья его, ни прежнее фригийское могущество — ничто не спасет тебя. Сейчас будешь ты сброшен неумолимым врагом с высокой скалы, и я услышу твой последний вздох» (Еврипид). Кроважидный Нептолем уже повсюду ищет сына Гектора. Андромаха, омывая слезами его ноги, умоляет его даровать жизнь ее сыну, но суровый воин не слушает ее, он схватывает ребенка и сбрасывает его со скалы. Группа скульптора Бартолини прекрасно передает весь ужас этой сцены.

Парис погибает, пронзенный стрелой Геркулеса, пущенной Филоктетом. Елена, виновница всех этих бед,

ищет спасения у подножия алтаря. Менелай настигает ее там; он хочет наконец отомстить за нанесенное ему оскорбление, но, пораженный вновь ее красотой, он роняет меч, которым собирался покарать виновную (см. рис. 218). Он забывает и прощает все и увозит ее с собою.

Сохранилось много произведений искусств, изображающих разграбление Трои и печальную судьбу Приама. В Неаполитанском музее находится прекрасная античная ваза, на которой представлены главнейшие эпизоды гибели Трои. Взяв город, греки поделили между собою добычу и увели с собой пленников, чтобы продать их в чужой стране. По-видимому, участь этих несчастных, так храбро защищавших родной город и обреченных на старости жить в тяжелом и постыдном рабстве, сильно занимала воображение древних художников, потому что существуют почти во всех музеях прекрасные статуи, известные под названием «Пленников», и все они одеты в троянские одежды, выражение их лиц грустное и покорное, они все как будто мечтают и грустят о потерянном отечестве.

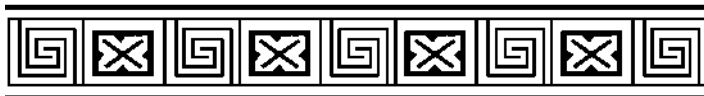
Участь женщин была самая печальная. Престарелая Гекуба досталась Одиссею; оплакивая гибель своих детей, она с ужасом думает о своей одинокой старости и о страшных лишениях и трудах, которые ее, прежнюю царицу, ожидают в рабстве; она говорит: «Смертные, пусть судьба моя послужит вам уроком: не называйте даже самого счастливого смертного счастливым до кончины его» (Еврипид). Про-

Рис. 218.
Менелай
узнает Елену.
С живописи
на вазе

рочица Кассандра предсказывает свой союз с Агамемноном и торжествует заранее, что она сойдет в царство теней лишь тогда, когда увидит гибель дома Атридов, потомков Атрея, погубивших ее семью (Еврипид). Но никто не верит ее предсказаниям, и Агамемнон увозит ее как свою пленницу. Утолив наконец свою жажду мести, греки пустились в обратный путь, но едва успели они сняться с якоря, как разразилась буря и появилась тень грозного Ахиллеса; она начала упрекать товарищей за то, что они покидают могилу героя, не принеся ему никакой жертвы. Ахиллес должен был, в случае мира с Троей, вступить в брак с Поликсеной, одной из дочерей Приама, и спрошенные прорицатели о том, какую жертву требует себе Ахиллес, ответили, что он желает, чтобы Поликсена отправилась за ним в царство теней и стала бы там его супругой. Несмотря на мольбы и просьбы Гекубы, Поликсена была принесена в жертву на могиле Ахиллеса. На многих гравированных камнях изображен Неоптолем, закалывающий мечом Поликсену на могиле Ахиллеса. Скульптор Поликлет изваял прекрасную статую Поликлены, которая пользовалась большой известностью в древние века.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ ГРЕЧЕСКИХ ГЕРОЕВ

Греческие предводители. — Одиссей и циклопы. — Мех Эола. — Волшебница Цирцея. — Прорицатель Тиресий. — Сирены. — Нимфа Калипсо. — Покрывало Пенелопы. — Одиссей и его кормилица.

Падение Трои не принесло счастья грекам. Одни из предводителей, принимавших участие в этом трудном походе, так и не возвратились на родину; другие были убиты тотчас же по прибытии домой; многие же, прежде чем вернуться, странствовали много лет, подвергаясь разным несчастьям и невзгодам. Царь царей, доблестный Агамемнон, вернулся в Аргос со своей пленницей Кассандрой, но был убит своей женой Клитеместрой и ее сообщником Эгисфом. Менелай вместе с Еленой потерпел кораблекрушение и был выброшен на египетский берег, где прожил восемь лет вдали от родины. Неоптолем погиб от руки Ореста, у которого хотел отнять невесту Гермioniу. Он был убит в дельфийском храме Аполлона, у подножия алтаря, как бы в наказание за то, что убил Приама в таком же священном месте. Сохранилось несколько ваз с живописным изображением убийства Неоптолема. Филоктет и Диомед, оба вернувшись на родину, принуждены были ее покинуть, и уже навсегда. Оба Аякса погибли: один в припадке безумия убил себя, другой утонул в море. Паламед, которому Одиссей никогда не про-

стил разоблачения его притворства, был им оклеветан и обвинен в краже. Греческие предводители приговорили его к избиению камнями. Отец Паламеда Навплий решил отомстить грекам за несправедливую казнь сына. Он послал объявить их женам о смерти или неверности их мужей, и многие из них лишили себя жизни, услышав такие печальные вести. Когда же греки после взятия Трои возвращались домой, Навплий во время страшной бури зажег огни на самых опасных скалах; многие корабли разбились о них, а Навплий в сопровождении сыновей добивал несчастных, выброшенных на берег.

Благодаря Гомеру подробная история странствований Одиссея сохранилась до наших дней. Во время страшной бури, уничтожившей почти весь греческий флот, Одиссей и его товарищи были выброшены на берег неизвестной им страны. Это был остров, обитаемый циклопами, гордыми одноглазыми великанами, не признающими ни богов, ни законов. Они жили на вершине высоких гор, в обширных пещерах. Одиссей с двенадцатью спутниками отправился в пещеру к одному из циклопов, надеясь на его гостеприимство. Но на его приветствие и просьбу оказать ему гос-

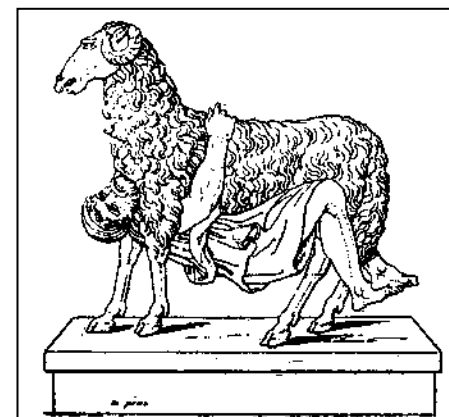

Рис. 219. Улисс, ускользающий от Полифема. С античной скульптуры в вилле Альбани в Риме

теприимство во имя Юпитера великан разразился смехом и ответил, что они, циклопы, нисколько не заботятся ни о Юпитере, ни о каком-либо другом бессмертном. Затем циклоп схватывает двух спутников Одиссея, пожирает их и ложится спать среди своего стада баранов. Испуганный Одиссей придумывает следующую хитрость. Он поит циклопа вином и, когда тот засыпает, берет дубину великана, заостряет ее конец, накаляет его в огне и с помощью своих спутников выкалывает глаз у спящего циклопа. Проснувшись от страшной боли, великан повсюду ищет Одиссея и его спутников, но тот приказывает своим спутникам ползти под баранов и плотно прижаться к ним, и сам первый показывает им пример (см. рис. 219). Слепой великан ощупывает сверху баранов и выгоняет их из пещеры, надеясь легче потом добраться до Одиссея, который благодаря удавшейся хитрости уже на свободе, садится вместе с товарищами на оставшийся корабль и скоро высаживается на остров, где царствует Эол, бог ветров. Он радушно принимает Одиссея и дает ему с собою закрытый мех, говоря, что, пока мех не будет открыт, плавание Одиссея будет благополучно. Но его спутники, воспользовавшись его сном и полагая, что мех наполнен вином, открывают его. Заключенные в нем Эолом ветры вырываются оттуда и поднимают страшную бурю. Корабль прибывает к берегу острова, обитаемого людоедами. Поплатившись еще несколькими товарищами, съеденными людоедами, Одиссей плывет дальше и пристает к острову, где живет могущественная волшебница и чародейка Цирцея. Он посылает к ней своих спутников просить у нее приюта, но она поит их волшебным напитком, отнимающим память, и затем превращает их в свиней. Это превращение послужило темой для многих художественных произведений древнего и нового искусств. Из новейших художников англичанин Берн-Джонс написал на этот сюжет прекрасную по экспрессии картину.

Рис. 220. Улисс и Тиресий.
Античный
барельеф в Лувре

Между тем Одиссей, напрасно прождав возвращения своих спутников и наученный Меркурием, который ему дал растения, предохраняющие от волшебных чар, отправляется, в свою очередь, во дворец Цирцеи. Она ему подает кубок, и едва только губы его прикоснулись к нему, как она дотрагивается до его головы волшебным жезлом и произносит: «Ступай и ты в хлев к своим товарищам!» Но чары ее бессильны, и Одиссей грозит ее убить, если она не вернет его товарищам человеческого образа. Цирцея повинует, и они все остаются у нее еще целый год. По совету волшебницы Одиссей отправился в ад и вызвал оттуда тень прорицателя Тиресия, обладавшего даром понимать даже язык птиц. Вызывая его, он приносит жертвы умершим, и тени толпою окружают его, говорит с Агамемноном и с Геркулесом, рассказывает Ахиллесу о храбрости его сына. Тиресий предсказывает ему еще долгое скитание и много трудностей и невзгод на его пути, но обещает ему, что он все же со временем вернется на свою родину. Афинский живописец Никий написал Одиссея вызывающим тени умерших; эта картина пользовалась такой славой, что царь

Пергама Аттал предложил за нее 270 000 франков по современному расчету. Но художник гордо отказался от этой баснословной суммы и подарил свое произведение родному городу. Сохранился античный барельеф; он находится теперь в Луврском музее; на нем представлен Одиссей, беседующий с тенью прорицателя Тиресия (см. рис. 220).

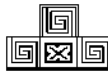
Продолжая свой путь, Одиссей должен был проехать мимо острова сирен. Предупрежденный Цирцеей, он воском залепил уши своих спутников, а себя приказал связать по рукам и ногам, для того чтобы он не мог поддаться очарованию их пения и последовать за ними. Таким образом они благополучно прошли мимо опасного острова. Попав в водоворот между Сциллой и Харибдой, Одиссей лишается корабля и спутников; в продолжение девяти дней он, ухватившись за мачту, носится по морю, пока волны не прибывают его к острову, где живет красавица нимфа Калипсо. Она обитает в прекрасной пещере среди роскошной природы и проводит время за пением и тканьем. Одиссей прожил у нее семь лет. Калипсо предложила ему бессмертие, если он останется у нее навсегда. Но Одиссей отказывается; он не может забыть своей верной жены Пенелопы и своей родины. Он отправляется в легком челноке. Нептун вновь насылает на него бурю, и только благодаря нимфе Левкофее, давшей ему свое покрывало, Одиссей пристал к острову феаков. Дочь царя, прекрасная Навсикая приводит его во дворец к родителям, которые принимают его радушно, снабжают его всем необходимым для дальнейшего плавания. И наконец, после двадцатилетнего скитания, попадает он на свою родину. Одиссей до того изменился за годы своего отсутствия, что его никто не узнает, кроме его старой верной собаки. Все соседние цари, полагая, что он давно погиб, хотели принудить жену его Пенелопу избрать себе среди них другого мужа. Но верная Пенелопа не теряла надежды увидеть любимого ею Одиссея. Поэтому она, чтобы отделаться от докучавших ей

женихов, объявила, что выйдет замуж только тогда, когда окончит покрывало, которое она начала ткать; но по ночам она тайно распарывала свою дневную работу. Наконец одна из ее служанок выдала ее тайну царям, те потребовали от нее решительного ответа, пользуясь еще и тем, что ее сын Телемах находился в отсутствии. В это-то время Одиссей является и просит гостеприимства у Пенелопы. Никто не узнает в этом утомленном и грязном путнике Одиссея. Его впускают, и старая его кормилица, по обычаю страны, приносит таз с водой, чтобы обмыть ноги усталого путника. Однажды в детстве Одиссей был ранен в ногу кабаном; рана зажила, оставив глубокий шрам, и кормилица Эвриклея узнает по нему своего господина. Обрадованная, она хочет поскорее сообщить эту радостную весть Пенелопе, но Одиссей не пускает ее и не велит говорить никому о его

Рис. 221. Улисс и Пенелопа. Сантической живописи в Неаполитанском музее

возвращении. Между тем Телемах возвращается; Одиссей ему открывается, но просит хранить это в тайне и остается в своем доме под видом бедного странника. У него был лук, который он, отправляясь в поход против Трои, оставил дома. Пенелопа объявляет своим женихам, что она выйдет только за того, кто натянет этот лук и пробьет, как это делал Одиссей, двенадцать железных столбов. Цари пробуют один за другим, но безуспешно; тогда бедный странник в свою очередь берется за лук. Изумленные дерзостью этого нищего, цари хотят его прогнать, но Одиссей уже натянул лук и убивает стрелами всех искателей руки Пенелопы. Кормилица рассказывает Пенелопе, кто скрывается под рубищем нищего; она всматривается в него и наконец узнает Одиссея. Минерва возвращает ему молодость и силы, и он много лет мирно правит своей страной. В Неаполитанском музее находится античная фреска, найденная в Геркулануме: на ней изображена Пенелопа, узнающая Одиссея (см. рис. 221).

ЭНЕЙ И ТРОЯНЦЫ

Отъезд Энея. — Пенаты. — Буря. — Эней и Дидона. — Смерть Дидоны. — Основание Альба-Лонги. — Марс и Рея Сильвия. — Ромул и Рем. — Основание Рима. — Похищение сабинянок.

➔ ней, сын Венеры, царь Дарданов и родственник Приама, храбро сражался против греков; он, подобно Гектору, любимец троянцев за его мужество и ум. Венера и Аполлон постоянно охраняют и защищают его. Во время его поединка с Ахиллесом Нептун спасает его, окружая непроницаемым облаком, потому что Энею суждено было по воле богов, после гибели всего рода Приама, стать троянским царем. О судьбе Энея, о его странствиях и об основании нового царства совсем не упоминается у Гомера, и только целый век спустя Вергилий собрал в одну целую поэму под названием «Энеида» все сказания об этом герое. Во время пожара и разграбления Трои Эней старается, но безуспешно, отбить нападающих греков; он решается забрать свою семью, домашних богов, священный Палладий, покинуть родной город и отправиться искать в чужие страны нового отечества. Престарелый и ослабленный отец его Анхис отказывается его сопровождать, но боги покровительствуют намерениям Энея, и именно в то время, когда жена его, Креуса, и отец стараются уговорить его не покидать родины, совершается чудо: над головой сына Энея — Аскания (или Юла) появляется яркое пламя, которое как бы дотрагивается до волос ребенка. Испуганные родители, желая поту-

Рис. 222. Эней несет
своего отца.
С картины Леонеллы
Спады

шить это пламя, обливают голову Аскания водой, но пламя не тухнет. Анхис видит в этом как бы предзнаменование славной будущности, ожидающей внука, и он соглашается покинуть Трою вместе с Энеем. Тогда Эней собирает всю свою семью и некоторых преданных ему людей, дает отцу нести домашние пенаты и священные сосуды, а сам несет Анхиса на своих плечах. На горе Иде к ним присоединяются жалкие остатки троянцев, с которыми Эней отправляется на двадцати кораблях во Фракию. Оставление Энеем Трои в сопровождении семьи очень часто изображалось на памятниках как в древние века, так и в новейшие. На одной из фресок, открытых в Геркулануме, представлен Эней, несущий отца на плечах; но художник почему-то изобразил всех действующих лиц с собачьими головами. В Луврском музее находится картина Спады (см. рис. 222), изображающая тот же сюжет. Там же находится и знаменитая группа Лепотра «Эней несет Анхиса» (см. рис. 223).

Покровительствуемый богами, Эней высаживается на берег Фракии, основывает там город и называет его своим именем. Затем он отправляется на остров Делос спросить оракула, куда он должен направить свой дальнейший путь. Не поняв хорошенько ответа оракула, он пристает к острову Криту. Но там ему во сне являются пенаты, увезенные им из горящей Трои, и приказывают отправляться дальше: «Слушай, что говорит нашими устами Аполлон: мы — боги твоего очага, последовавшие за тобой из священного Илиона. Мы возвеличим твоих потомков до звезд небесных и мы дадим их городу власть над всем миром. Ты же приготовь этому великому народу великую столицу. Ты должен покинуть Крит; есть страна, известная грекам под названием Гесперид: это сильная войсками и славная своим плодородием страна. Вот наша родина, туда направляйся» (Вергилий). Эней, послушный воле богов, вновь пустился в путь, но Юнона, продолжавшая мстить троянцам, насылает страшную бурю, разогнавшую корабли Энея. Нептун опять берет под свое покровительство героя и умиряет бурю.

В Ватикане хранится прекрасный иллюстрированный античный манускрипт «Энеиды» Вергилия. Одна из миниатюр изображает (см. рис. 224) Энея, застигнутого бурей. Разные морские чудовища плавают вокруг корабля; ветры представлены в виде юношей, которые дуют на корабль. У Энея вокруг головы как бы венец или сияние. На древних памятниках искусства такое сияние вокруг головы было эмблемой власти и могущества; впоследствии первые художники-христиане стали окружать таким сиянием головы святых.

Рис. 223. Эней несет Анхиса.
Группа Лепотра

Рис. 224. Корабль
Энея, застигнутый
бурей.
С миниатюры из
Ватиканского
кодекса «Энеиды»

Буря прибила Энея и его спутников к берегам Африки именно в том месте, где Дидона, дочь финикийского царя, только что основала город Карфаген. Троянцы обратились к Дидоне с просьбой оказать им гостеприимство, и царица приняла их не только радушно, но устроила им самый роскошный прием (см. рис. 225). Венера решила возбудить в Дидоне пламенную любовь к троянскому герою, и вскоре царица проводит целые дни, слушая рассказы Энея о бедствиях, постигших Трою, и о его странствованиях. Искусство очень часто изображает пребывание Энея у Дидоны (см. рис. 226 и 227). Как ни сильны были чары Дидоны, но Эней устоял против них и, повинуясь Юпитеру, покинул гостеприимную страну. Дидона умоляет героя отказаться от своих намерений и остаться у нее навсегда. Видя, что все ее просьбы напрасны и что Эней тайно покинул ее, она велит приготовить костер, всходит на него и убивает себя мечом, подаренным ей Энеем. Смерть Дидоны также не раз служила темой для художественных произведений. Печальная судьба Дидоны, сжигающей себя на костре, потому что ее покинул Эней, которого Юпитер предназначил

стать основателем Римского государства, как бы предвещает гибель Карфагена, сожженного римлянами.

Эней со своими спутниками терпит новую бурю; спасаясь от нее, он пристает к берегам Сицилии. Там он устраивает в память отца, умершего годом раньше, похоронные игры и состязания и намеревается вновь сняться с якоря, но троянские женщины, утомленные вечными странствованиями, сжигают несколько кораблей и отказываются ехать дальше. Тогда Эней основывает в Сицилии город и оставляет в нем женщин, стариков и всех тех, кто не желает следовать за ним. Собрав оставшихся воинов и снарядив свои уцелевшие корабли, он отправился дальше. Прибыв в город Кумы, Эней обратился к кумской сивилле (предсказательнице), которая дала ему совет спуститься в царство теней и узнать от отца ожидающую его судьбу. Спустившись в ад, он приносит Персефоне в дар, по совету сивиллы, найденную им по дороге золотую ветвь и отыскивает там своего отца, который предсказывает ему и его потомкам славное будущее. Эней по воле богов будет

Рис. 225. Эней у Дидоны. С картины Герена в Луврском музее

прародителем храброго и воинственного народа, а его потомки будут владеть половиной мира.

Проплавав несколько дней, Эней благополучно высаживается на берег Тибра. Там его дружески принимает царь страны Латин и предлагает ему в супруги свою дочь Лавинию. Но царица Амата восстанавливает против пришельца Турна, царя рутулов, которому была раньше обещана Лавиния. Он во главе со многими союзниками нападает на Латина и Энея. Вызванный последним на поединок, он погибает, сраженный его рукою. Во время этой войны корабли Энея, стоящие у тибрского берега на якоре, были превращены богами в нереид в тот момент, когда Турн собирается их поджечь. Боги, предназначавшие Энея быть основателем царства в Италии, отняли от него таким образом последнюю возможность покинуть эту страну.

Искусство воспользовалось некоторыми эпизодами этой войны; в особенности часто воспроизводится смерть двух друзей, храбрых юношей Ниса и Эвриала. Самые тесные узы дружбы соединяли их, и они погибают, защищая один другого от нападавших на них рутулов. В Луврском музее находится группа скульптора Романо, изображающая смерть этих героев.

Эней соединился с Лавинией, основал город, назвав его в честь жены Лавиниум, и после смерти Латина унаследовал его царство. Он вместе с сыном Асканием основал город Альба-Лонгу на том самом месте, как говорит Вергилий, где, согласно с предсказаниями оракула, они увидели белую свинью со многими поросятами: «Когда ты усталый будешь блуждать в тревоге и печали, ты увидишь на берегу пустынной реки, под дубом, огромную белую свинью, кормящую таких же белых, как и она сама, поросят; там именно место для нового города, который ты выстроишь, и тогда настанет конец твоим трудам» (Вергилий). Несколько античных монет изображают Энея и сына его Аскания в тот момент, когда они находят белую свинью. Эней, как

Рис. 226. Эней и Дидона, застигнутые грозой. С миниатюры из Ватиканского кодекса «Энеиды»

впоследствии и Ромул, исчезает, окруженный облаком; он становится невидимым для всех и только является Асканию в полном вооружении и объявляет ему, что Юпитер взял его на Олимп и поместил среди бессмертных.

Асканий царствовал много лет и передал свой престол потомкам, между которыми были два брата — Нумитор и Амулий. Они стали оспаривать друг у друга престол, и, несмотря на то, что Нумитор был старше, брат его изгнал и завладел Альба-Лонгой и престолом. У изгнанного царя была дочь Рея Сильвия. Амулий, не желая, чтобы у брата было мужское потомство, принудил племянницу посвятить себя культу Весты, т. е. стать весталкой и таким образом остаться девственницей. Однажды, когда она, исполняя разные обязанности при храме, отправилась к реке за водой, ей приснился сон: к ней явился бог войны Марс и вступил с ней в союз. В Пию-Клементинском музее находится античный барельеф, изображающий посещение Марсом Реи Сильвии, которая затем вскоре родила двух близнецов — Ромула и Рема. Услыхав об этом, Амулий приказал бросить детей в Тибр, а Рею Сильвию предать обычной казни преступных весталок. «Был ли

то случай, или воля богов, — говорит Тит Ливий, — но в этом году Тибр разлился очень широко. Люди, которым было поручено кинуть детей, оставили корзину с ними среди нахлынувших волн; когда же вода стала сбывать, корзина очутилась на суше, а волчица, пришедшая с гор утолить свою жажду, привлеченная жалобными криками брошенных детей, принялась их кормить. Пастух Фаустул, увидевши это чудо, взял к себе Ромула и Рема и воспитал их». Сохранилось несколько античных монет, на которых изображена волчица, кормящая детей, а в Ватикане находится античная группа, трактующая тот же сюжет. Оба брата, став юношами, изгнали Амулия и вновь посадили на престол деда. Сами же они решили основать город на том месте, где были найдены. Основав его, они принялись спорить о первенстве и о том, кому из них назвать своим именем город. Чтобы, наконец, прекратить ссору, они стали молить богов послать им какой-нибудь знак или знамение. Вскоре Ромул увидел шесть ястребов, летающих вокруг его головы, но почти в то же время Рем объявил, что к нему летят двенадцать ястребов; это еще более усилило раздоры и схватки между приверженцами обоих братьев. По некоторым преданиям, в одной из этих схваток был убит Рем; другие же предания рассказывают, что Рем одним прыжком взобрался на стены, возведенные Ромулом вокруг нового города, и стал насмехаться над ними; тогда разгневанный Ромул убивает брата, говоря: «Так погибнет каждый, кто осмелится взобраться на эти стены».

После смерти брата Ромул назвал город своим именем и стал в нем царствовать. Но в городе не было жителей; тогда Ромул даровал ему право убежища*, и туда стали переселяться игроки, воры, рабы, спасающиеся от тиранства своих господ, и люди, изгнанные отовсюду. Из соседних жителей

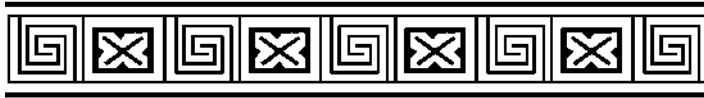
* В городах, которым было даровано право убежища, пользовались неприкосновенностью даже преступники. Нарушивших право убежища постигала кара богов и государства.

Рис. 227. Эней рассказывает Дидоне о своих несчастиях. С миниатюры из Ватиканского кодекса «Энеиды»

никто не хотел вступать в брачные союзы с таким сбродом, и город должен был непременно вымереть, не пополняясь рождением детей за неимением женщин. Ромул, желая прекратить такое положение дел, прибегнул к следующей хитрости: он устроил роскошный пир и пригласил на него соседних жителей, сабинян, с женами и детьми. По данному им знаку римляне кинулись на своих гостей и похитили всех девушек, присутствовавших на празднике. Такое насилие вызвало войну, но, когда обе армии стояли одна против другой, похищенные сабинянки кинулись между противниками и стали умолять своих отцов и братьев оставить их в Риме с их мужьями и заключить мир. Похищение сабинянок служило часто темой для многочисленных памятников искусства. Из новейших произведений пользуются известностью картины Давида, Пуссена и Рубенса. Вскоре после похищения сабинянок Ромул, дав городу законы и основав там общественные учреждения, велел возвестить через сенатора всем жителям, что наступит время, когда этот город будет считаться властелином мира, и что ни один народ не устоит против силы римского оружия. Затем он исчез или, как говорит предание, был взят богами на Олимп, и, подобно предку своему Энею, был ими принят в число бессмертных богов.

БОГИ ЕГИПТА

Египетский тройственный бог. — Осирис. — Исида. — Гор. — Рождение богов. — Бык Апис. — Анубис. — Тот. — Пахт. — Суд над умершими. — Птах. — Амон. — Амон-Кнуфис. — Амон-Ра.

Египетская мифология ближе всего подходит к греческой. Греки, покорив Египет, стали интересоваться и изучать его верования; они придали египетским мифам свою окраску и отождествили многих египетских богов с олимпийскими богами. «На вершине египетского божественного Пантеона, — говорит Мариэт, известный французский египтолог, — восседает бог единый, бессмертный, несотворенный, невидимый и скрытый для обыкновенных смертных в глубине его сущности. Он — творец неба и земли, он сотворил все, что существует, и ничто не сотворено без него. Это бог, существующий исключительно для посвященных в таинство святилища». Новейшие открытия египтологии подтвердили эти предположения. Но вне святилища бог принимает тысячу образов самых разнообразных, потому что его собственные атрибуты, воплощенные, являются для непосвященной толпы видимыми богами, которых искусство воспроизводит и как бы размножает в бесчисленных образах, разнообразных до бесконечности. Все разнообразные формы, которые египетские боги принимают в изображениях художников, могут быть объяснены различными условиями страны и верований. Религия египетская была собранием различных

культов, которые подвергались в продолжение многих веков многочисленным изменениям. Народы всевозможных рас сошлись в долине Нила, и каждый внес в религиозные верования отпечаток своего общего характера и ума, философского или суеверного. Восток был и есть страна мечтателей и великих основателей религиозных систем, Африка же есть страна фетишизма и чистого идолопоклонства. Обитатели Центральной Африки, так называемая черная раса, всегда поклонялись и обожали хищных зверей своих пустынь. Там человек чувствовал себя несравненно ниже этих зверей, потому что они обладали в более высокой степени силой, проворством и ловкостью, а поэтому все божества этих рас что-нибудь да заимствуют у животных.

Впрочем, греки, всегда склонные искать в своих собственных мифах объяснение чужих богов, несколько иначе объясняют верования египтян и образы их богов. Вот каковы их воззрения. Во время страшной ожесточенной борьбы олимпийских богов с великанами многие боги, спасаясь от преследований своих противников, принуждены были бежать в Египет, приняв, для того чтобы их не узнали враги, образ или форму животных. А египтяне приняли за действительный их вид те заимствованные ими формы, под которыми они их увидали впервые. Когда же греки захотели посредством искусства изобразить египетских богов, то они их совершенно преобразили, отняв у них их животный характер, который казался грекам чем-то постыдным для богов. Итак, над этими бесчисленными божествами различных форм находится один высший бог, которому поклоняются под различными именами сообразно с местностью. Этот бог, которого все священные мифы называют «единым действительно живущим существом», породил всех низших богов. И этот бог, не имеющий ни конца, ни начала, воплощает в себе и мужские образы, и женские, играет роль матери, которая остается вечной девственницей, потому что сын у нее зарождается сам собой. Египетская

мифология не представляет правильной и определенной системы, обнимающей в своих мифах землю и небо.

Египетская религия, как и само царство, была не что иное, как собрание местных культов, а потому в ней встречается повторение одних и тех же идей, воплощенных в различные типы и со значительными вариантами. Но бесчисленное количество богов, которым поклонялись египтяне, не могло совершенно изгладить в них понятие о высшем и едином божестве, которое, каким бы именем его ни называли, священные мифы определяют повсюду одними и теми же выражениями, не оставляющими ни малейшего сомнения в том, что оно есть именно это высшее и единое существо. Осирис — бог солнца, Исида — его сестра и супруга и Гор — их сын. Об этих богах сложились мифологические легенды, пересказанные нам греческими писателями, и эти мифы как бы являются символами борьбы солнца и мрака, света и тьмы. Подробности этих легенд или, лучше сказать, греческих пересказов интересны уже тем, что объясняют нам множество эмблем и символов, часто встречающихся на памятниках египетского искусства. Исида первая дала людям рожь и ячмень, а Осирис — изобретатель земледельческих орудий — основал общество и общественную жизнь, дав людям законы; он же научил их собирать жатву. Затем, желая распространить на всех свои благодеяния, он странствует по всему свету, покоря людей не грубой силой, а чарами музыки. В его отсутствие брат его, коварный Тифон, или Сет, олицетворяющий бесплодность пустыни, хочет царствовать на его месте, но все планы злодея разбиваются о силу воли и стойкость Исиды. Осирис возвращается. Тифон делает вид, что обрадован возвращением брата, но в сообществе с Азо, царицей эфиопов, этих исконных врагов Египта, приглашает он Осириса на пир, где его ждет погибель. Во время пира приносят великолепный гроб, вызывающий восторженные похвалы пирующих. Египтяне очень заботились о своих гробах и часто еще при жизни

заказывали себе роскошные гробы, чем и можно объяснить это сказание о хитрости, употребленной Тифоном. Тифон объявляет, что подарит гроб тому, кто в нем свободно поместится; гроб был заказан им по мерке брата. Все присутствующие пробуют поместиться в нем, но напрасно. Наступает очередь Осириса; он, ничего не подозревая, ложится в него, а Тифон и его сообщники захлопывают крышку, заливают ее свинцом и кидают гроб в Нил, откуда он через одно из устьев реки попадает в море. Таким образом погиб Осирис после двадцативосьмилетнего царствования. Лишь только умирает Осирис, вся страна оглашается жалобными криками; до Исиды доходит печальная весть о гибели супруга; она облачается в траурные одежды и отправляется искать его тело. Она находит гроб в тростниках близ Библа, но, пока она отправляется за сыном Гором, Тифон овладевает телом Осириса, разрезает его на четырнадцать частей и кидает куски во все рукава Нила.

Согласно преданиям, Осирис, прежде чем стать богом, царствовал в Египте, и память о его благодеяниях заставила его отождествить с принципом добра, тогда как его убийца отождествляет зло. Эта же легенда имела и другое, религиозное, моральное объяснение: Осирис есть заходящее солнце, убиваемое или поглощаемое темнотой-мраком. Исида-луна вбирает в себя и хранит, сколько может, лучи солнца, а Гор — восходящее солнце — мстит за отца, рассеивая темноту. Но если солнце есть видимое проявление Осириса, то добро есть его нравственное проявление; когда заходящее солнце умирает, оно вновь по-

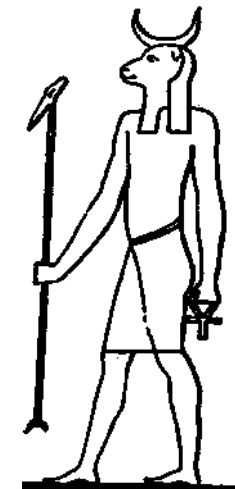

Рис. 228. Осирис с бычьей головой.
С эснехского барельефа

является на горизонте в образе Гора — сына и мстителя Осириса. Точно так же добро, погибающее под ударами зла, появляется вновь в образе торжествующего добра, в образе Гора, победившего зло. Осирис олицетворяет заходящее, ночное солнце, поэтому он председательствует в подземных странах, судит умерших и присуждает награды праведным и кары грешным душам. На земле долина Нила принадлежала добрым богам — Исиде и Осирису, тогда как бесплодная и жгучая пустыня, а также зловредные болота Нижнего Египта — владения злого Тифона.

Земледельческие племена, населявшие долину Нила, поклонялись Апису, этому воплощению Осириса в образе быка — символа земледелия, и бык был посвящен Осирису. А кочующие племена пустыни, всегда презираемые оседлыми жителями городов, употребляли для верховой езды осла, и осел — животное, посвященное Тифону. Но так как губительные испарения болот являются также произведением злого духа, то их воплощали в крокодиле, животном,

также посвященном Тифону. Гор не убил Тифона, потому что зло продолжает существовать на земле, но он ослабил его и тем упрочил победу божественного закона над беспорядочными силами природы. Осирис часто изображался в виде мумии; его обычные атрибуты — крюк или кнут, символ власти, и эмблема Нила в виде креста с ушком наверху; это, впрочем, отличительный признак всех египетских богов и называется многими учеными — исследователями мифологии ключом Нила. Иногда же Осирис изображается с головой быка (см.

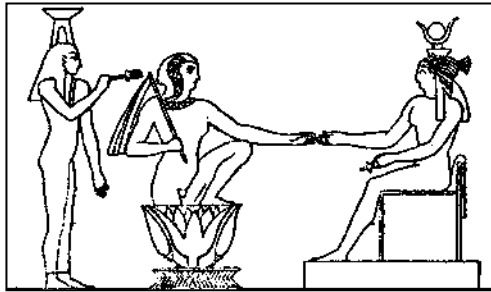

Рис. 229. Исида.
По дендерахскому барельефу

рис. 228). Исиду часто смешивали в искусстве с более древней египетской богиней Хатор, олицетворявшей небесное пространство, по которому движется солнце; изображение этой богини сохранилось на капителях храма в Дендере; это голова с коровьими ушами, на которой возвышается здание — символ вселенной; она как бы стоит на богато украшенной чаше, символе влаги, без которой ничто не могло бы существовать на земле. Отличительные признаки Исиды — диск, двойная корона, означающая владычество над Верхним и Нижним Египтом, и рога на голове (см. рис. 229). Когда Гор, победив Тифона, привел его к ней в оковах, Исида по своей доброте простила его; тогда разгневанный Гор лишил ее короны и заменил ее рогами. Богиня точно так же изображалась очень часто с головой коровы; вот почему греки отождествляют ее с нимфой Ио, превращенной Юноной в корову. На одной из древнейших статуй изображена Исида с головой коровы, кормящей грудью Гора (см. рис. 230). В честь этой богини были установлены празднества, известные под названием таинств Исиды, в них принимали участие только жрецы и посвященные. Так как все объяснения египетских мифов греки основывают исключительно на соотношении с греческими мифами, то можно предполагать, что Тифон, временно побеждающий Осириса, есть тот же великан Тифон, также временно победивший Юпитера. Надо было измыслить миф, объясняющий происхождение и рождение египетских богов; для богатых воображением греков это было делом весьма нетрудным. Они придумали следующее: Осирис и Исида — дети бога

Рис. 230. Исида
с головой коровы
и Гор

Нептида Гор Исида

Рис. 231. Гор на
цветке лотоса.
С египетского
барельефа

Солнца; этот бог, разгневанный на жену за ее измену, объявил, что у нее не могут родиться дети ни в один из трехсот шестидесяти дней в году (тогда в году считалось триста шестьдесят дней). Меркурий, считая себя слегка виновным в измене богини, захотел исправить причиненное им зло, но так как ни один бог не может изменить того, что решил другой, то он, по своему обыкновению, пустился на хитрость: он предложил Луне сыграть с ним в кости, выиграл у нее семидесятую часть ее света и сотворил из этой части пять дополнительных дней в году. В эти-то пять дополнительных дней и родилось пять главных египетских богов: Осирис, Исида, Тифон, Гор и Нептида.

На памятниках искусства Осирис является преимущественно в сценах, изображающих похоронные церемонии и суд над умершими. Исида и Гор фигурируют главным образом во всех явлениях обыденной жизни и во всех сценах, имеющих какое-либо отношение к земледелию. В день рождения Гора, совпадающего с самым коротким днем в году и с цветением лотоса, Гор называется Гарпократом и тогда изображается в виде слабого ребенка, сидящего на цветке лотоса; он держит палец у рта, и вот почему его статуи долгое время принимались за изображение бога молчания. На одном из барельефов храма в Гермополисе изображен Гор, выходящий из цветка лотоса (эмблема Нила и вечной жиз-

ни); волосы молодого бога заплетены наподобие бараньих рогов, в руке он держит плеть — символ власти; Исида сидя протягивает ему руку, как бы помогая ему выйти из цветка; позади Гора стоит Нептида, она дотрагивается до его головы ключом Нила (см. рис. 231). На многих памятниках Исида изображена кормящей грудью Гора, достигшего уже юношеского возраста. В храме города Филы был найден барельеф, представляющий жреца, приносящего жертву Исиде в виде цветов лотоса; богиня кормит грудью Гора, стоящего подле нее; две богини сидят позади Исиды; одна держит зубчатую линейку — эмблему разлива Нила, она как бы отмечает подъем воды; а другая держит скипетр, оканчивающийся лотосом, и ключ Нила (см. рис. 232). Другое скульптурное произведение, найденное в том же храме, изображает женщину, поющую священный гимн перед Исидой и Гором; она аккомпанирует себе на арфе, украшенной всеми атрибутами Исиды; Гор держит в одной руке ключ Нила, а палец другой руки подносит ко рту (см. рис. 233).

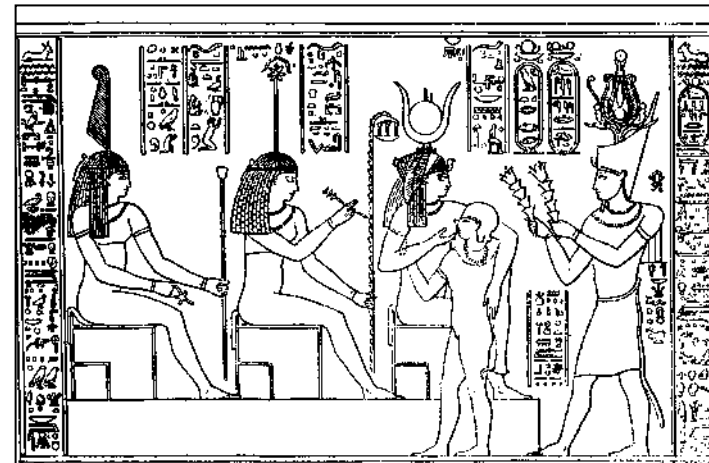

Рис. 232. Жертвоприношение Исиде. С барельефа в храме Фил

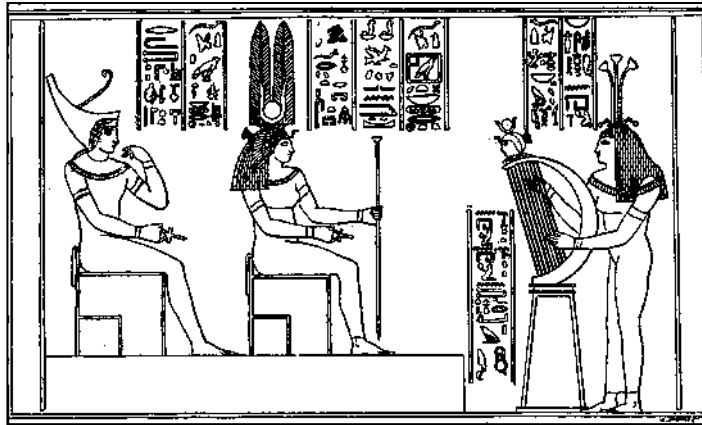

Рис. 233. Священный гимн перед Исидой и Гором. С барельефа в храме Фил

Осирис был главным богом всего Египта, а потому вокруг его имени группируются почти все мифы и аллегории египетской религии. «Вся человеческая жизнь, — говорит Мариэт, — уподоблялась древними египтянами тому пути, который солнце пробегает по небесному своду, и заходящее солнце, исчезающее за горизонтом, казалось им образом смерти. Лишь только наступал торжественный момент смерти для какой-нибудь души на земле, Осирис должен был провести ее к жизни вечной. Он отождествляется с нею, проходит с нею вместе через все испытания, назначенные этой душе для очищения ее от греха; он же смягчал суровых привратников ада и боролся с чудовищами, обычными спутниками мрака и смерти. Наконец, он же, победив мрак с помощью восходящего солнца Гора, восседал в страшном судилище смерти и открывал очистившейся душе врата вечного жилища, и блестящее утреннее солнце, появлявшееся утром на горизонте, являлось символом этого второго рождения к жизни вечной, не знающей больше смерти». Осирис, по мнению египтян, желая дать

людям видимый образ своего присутствия среди них, воплощается в быка Аписа (см. рис. 234). Когда в священных коровниках Мемфиса появлялся на свет теленок с особенными священными приметами, жрецы тотчас же объявляли о милостивом воплощении Осириса, и повсюду это известие вызывало народную радость и веселье. Когда Апис умирал естественной смертью, его с большой пышностью хоронили в подземельях храма Серапеума, развалины которого теперь найдены. Если же Апис достигал двадцати восьми лет, число лет Осириса, его убивали. Голова Аписа должна была быть черной с белым треугольником на лбу; туловище белое, но с черными пятнами определенной формы. Богиня Нефтида, которую греки отождествляли с Венерой, была супругой и вместе с тем сестрой Тифона, но она предпочитала другого брата, мягкого и доброго Осириса, и от союза с ним у Нефтиды родился сын Анубис, или Инпу, бог с головой шакала, хранитель мумий. Когда Осирис был убит Тифоном, Анубис его бальзамировал. На одной из фараоновых гробниц в Фивах изображен Анубис, исполняющий свои печальные обязанности. Он стоит подле ложа, на котором лежит мумия. Под ложем стоит четыре сосуда: у первого вместо крышки — человеческая голова, у второго — голова обезьяны павиана, третий — с головой шакала и четвертый — с ястребиной головой. Эти головы являлись воплощением второстепенных божеств, на обя-

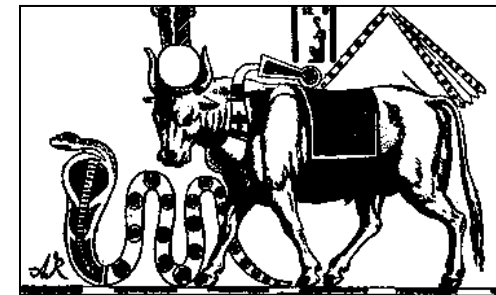

Рис. 234. Бык Апис

занности которых лежало охранение внутренностей умерших, положенных в эти сосуды (см. рис. 235). Это изображение встречается очень часто на многих надгробных памятниках. У греков обязанность сопровождать души в жилище смерти выпала на долю Меркурия, а потому греки отождествляли его с Анубисом.

Тот — бог с головой ибиса — олицетворяет божественный разум, который сотворил всю вселенную. Он по преимуществу бог письмен, и поэтому он также отождествляется с Меркурием. Он же — организатор мира, разогнавший первобытный мрак, и он же рассеивает потемки души, т. е. невежество и дурные мысли, этих вечных врагов человечества. Ибис и обезьяна — кинокефал или павиан — посвящены этому богу. Ибис — птица, появляющаяся в Египте перед разливом Нила; следовательно, она, по египетским понятиям, знает и предвидит будущее. Кроме того, когда эта птица ест, ее клюв образует вместе с лапами равносторонний треугольник, поэтому ибис олицетворяет геометрию и все науки, основанные на ней, и вот почему ибис посвящен Тоту, богу божественного разума. В обязанности этого бога входило наблюдение и определение той высоты, до которой должен был подниматься Нил во вре-

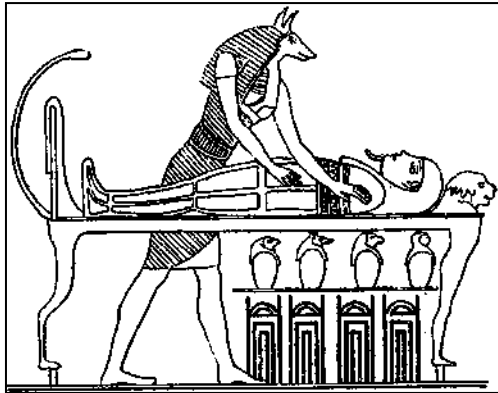

Рис. 235. Анубис, охраняющий мумию Осириса. С живописи на гробнице фараона в Фивах

Рис. 236. Бог Тот, указывающий подъем воды Нила. С барельефа в храме Фил

мя разлива, отчего зависело плодородие в Египте и вместе с тем и существование его обитателей. На одном из барельефов в храме города Филы (см. рис. 236) изображен жрец или важное лицо, просящее богов о благополучном разливе Нила. На этом барельефе бог Тот изображен с головой ибиса, он держит в одной руке зубчатую линейку — символ разлива Нила, а в другой — тростник, которым собирается отметить подъем воды. Иногда же Тот изображался в образе обезьяны — павиана, пишущего на табличках.

Египтяне верили в бессмертие души; это была с незапамятных времен главная доктрина египетской религии. Благодаря ей установились все своеобразные похоронные обряды и обычаи, а также и все эмблемы, изображавшиеся на гробах и надгробных памятниках. Бессмертие было обещано тем душам, которые Осирис, верховный судья, признает праведными. Эти души должны были вернуться в их телесную оболочку и оживить ее новой жизнью, не знаящей смерти. Души же грешных подвергались вторичной смерти, за которой следовало небытие. Вся эта доктрина о бессмертии души ясно изложена в египетском похоронном требнике. Эта священная книга, которая должна была находиться в каждом гробу, состояла из гимнов, молитв и разных похоронных обрядов. Глава вторая этой книги вся посвящена жизни, начинающейся после смерти, а глава сорок четвертая ясно и определенно говорит о том, что эта новая жизнь будет бессмертна. Этот-то принцип вместе

с санитарными мерами, обусловленными климатическими требованиями страны, ввел обычай бальзамировки тела для сохранения его от разложения и порчи или же для того, как говорит текст требника, глава восемьдесят девятая, «чтобы душа могла вновь соединиться со своим телом». На одном надгробном памятнике в виде столба (стелы) в Булакском музее умерший, представ перед Верховным Судией, говорит следующее, как гласит надпись: «Я привязан к богу моей любовью, я накормил голодающего, подал воды жаждущему, одел лишенного одежды и приютил бесприютного». Эти слова, в которых выражено стремление к высшему нравственному совершенству, являются на этом памятнике не случайным, единичным явлением, говорит Мариэт, а встречаются весьма часто на надгробных памятниках, так что их можно считать обычной повседневной молитвой. Бог Тот изображался всегда в сценах суда над душами и встречается очень часто на надгробных памятниках. Он часто изображался с богиней Пахт, или Сехмет, — богиней с львиной головой. Иногда, впрочем, она изображалась с головой кошки, потому что Пахт, богиня правосудия, становится злобной львицей для грешников, для праведных же она является такою же ласковой, как кошка. Душа умершего представлялась перед судьями, помощниками великого Осириса; они ее допрашивали; затем на весах взвешивалось все добро и зло, содеянное этой душой, и бог Тот записывал решение, а Осирис произносил приговор. Иногда наказание состояло в том, что душа должна была воплотиться в тело какого-нибудь нечистого животного, например, в свинью, и священная лодка отвозила эту душу уже в образе животного на землю, к живущим. Затем для этой души вместе со второй смертью наступало небытие, потому что, по мнению египтян, бессмертие души приобреталось или утрачивалось человеком сообразно с его жизнью и поведением на земле.

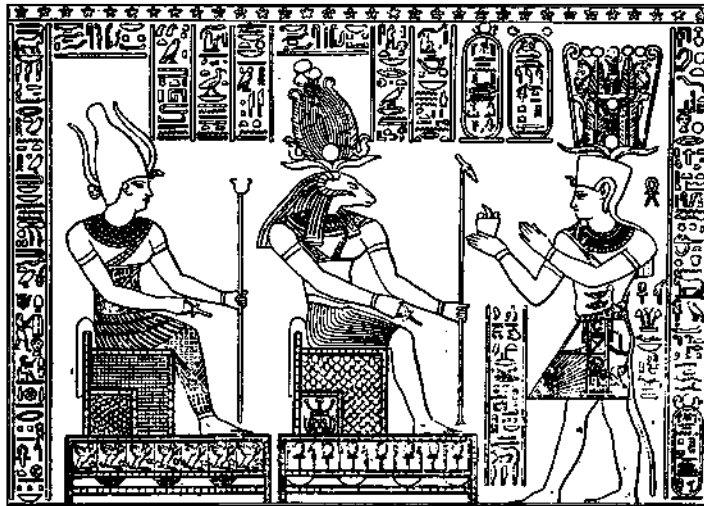
Хотя Осирис, Исида и Гор — главные египетские боги, но Мемфис и Фивы, бывшие долгое время столицами двух

отдельных царств, имели особенных богов, которые потом смешались и соединились в египетской мифологии. Птах был главным богом Мемфиса; он обыкновенно изображался в виде мумии с обритой головой. Он назывался богом «с красивым лицом, богом, придающим новую жизнь или новые формы». Птах есть то божество, которое снабдило бога Ра, сотворившего вселенную, всеми элементами, из которых составил мир. Он часто изображается с символом воскресения на голове — это скарабей, или навозный жук, — и попирает ногами крокодила — символ мрака. Амон является высшим божеством Фив; греки отождествляли его с Юпитером. Он главный деятель в природе и главная причина, заставляющая природу вечно возобновляться. Так как для Египта высшее проявление могущества этого бога заключалось в размножении стад, то Амон чаще всего изображался в виде барана, и вот почему в Фивах к храмам, посвященным этому богу, вели дорожки, украшенные по обеим сторонам бараными головами. Это животное было ему посвящено и чаще всего приносилось ему в жертву. Когда Амон олицетворял живительную теплоту солнца, он назывался Амон-Ра. Его супруга — богиня Мут — называлась царицей неба и владычицей ночи, она же была матерью восходящего солнца. Обычная одежда Амона — короткая туника, подпоясанная кушаком, его головной убор — красная корона с двумя большими черны-

Рис. 237. Кнуфис, повелитель наводнения. С барельефа в Дендерахском храме

ми перьями. Богиня Мут всегда изображалась с двойной короной (пшент) — эмблемой господства над Верхним и Нижним Египтом. Ее отличительный признак — ястреб, символ материнства. Египтяне полагали, что все ястребы — самки, и поэтому считали его символом материнства. Нил есть только видимое воплощение Амона, которому Египет обязан своим плодородием. Бог тогда назывался Амоном-Нилом или Кнуфисом. На одном античном барельефе в храме в Дендерах Амон-Кнуфис изображен с бараньей головой, украшенной перьями; он с распущенными крыльями и держит в одной руке ключ Нила, а в другой — парусное судно (см. рис. 237). Многочисленные памятники Египта изображают этого бога как повелителя Нила, регулирующего разлив его вод. На одном барельефе в городе Филах изображен египетский фараон Птолемей II Эвергет, приносящий жертву Амону-Кнуфису (см.

Ануке Амон-Нил Птолемей II Эвергет

Рис. 238. Жертвоприношение Амону. С барельефа в храме Фил

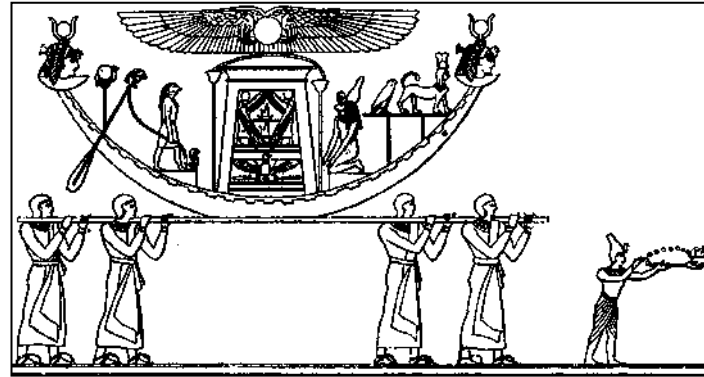

Рис. 239. Священная ладья на плечах жрецов. С барельефа в храме Фил

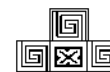
рис. 238). Этот бог, по обыкновению, окрашен в голубую краску, его баранья голова еще украшена козлиными рогами — символом размножителя, диском и солнечными лучами; он держит в руке ключ Нила и жезл милостивых и добрых богов; за ним сидит его супруга, окрашенная в красную краску, на голове у нее рога, а в руках жезл с цветком лотоса (отличительный признак египетских богинь) и ключ Нила. Египетские фараоны часто отождествлялись с восходящим солнцем и получали тогда титул сыновей Амона. Александр Великий, говоря один из исследователей Древнего Египта, будучи умным и хитрым политиком, прекрасно понял, что самый лучший способ упрочить свою власть над Египтом и приобрести популярность заключался в том, чтобы воспользоваться некоторыми религиозными предрассудками, упроченными веками; поэтому он отправился в оазис Амона, где находился главный храм и оракул этого бога. Оракул провозгласил его сыном Амона, или Солнца, и с тех пор он является в глазах египтян воплощением солнца, которому они должны были, по своим верованиям, повиноваться беспрекословно и безропотно. Его потомки Птолемеи продолжали следовать его приме-

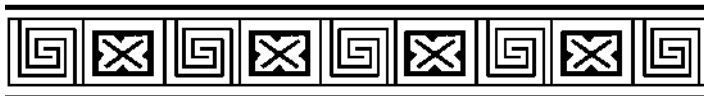

Рис. 240. Ладья Амона. С барельефа в Карнакском храме

ру, отправляясь в храм Амона за почетным в той стране титулом «сына Солнца». Диодор Сицилийский упоминает в своих сочинениях о праздниках и торжественных шествиях, во время которых изображение бога Амона несли в священной лодке. «Статуя бога, — говорит он, — покрыта изумрудами и другими драгоценными украшениями. Восемьдесят жрецов несут ее в золотой лодке на своих плечах; их сопровождают толпы женщин и молодых девушек, поющих священные песни и стихи». «Египтяне, — говорит Плутарх, — уверяли, что солнце и луна не ездят на колесницах, как то полагали греки, а только в лодках, в которых они плавают вокруг земли». И действительно, греки всегда изображали солнце под видом юноши, голова которого окружена лучами, едущим на колеснице, которой он управляет, тогда как египтяне всегда изображали солнце едущим в лодке. Обыкновенно посредине священной лодки находилось изображение бога, скрытого от глаз толпы занавесками или дверцами; всевозможные эмблемы, изображения второстепенных богов и священных сосудов покрывали нос и корму лодки. Символические лодки, изваянные на стенах храмов, — копии тех священных лодок, которые несли жрецы на плечах во время шествия. Эти лодки были украшены драгоценностями и делались из дерева редких

пород, слоновой кости и даже золота и серебра; они все походили друг на друга и отличались только атрибутами и эмблемами. В храме города Филы находится изображение символической лодки, посвященной Исиде; ее несут на плечах жрецы (см. рис. 239); нос и корму лодки украшают головы Исиды, а над лодкой изображен диск, окруженный лучами, — символ движущегося солнца. На стенах Карнакского храма изображена такая же священная лодка; она плавает по Нилу; украшающие ее бараньи головы указывают на то, что она посвящена Амону, главному божеству Фив. Но эта лодка не сама плавает по священным водам: ее тащит другая, более скромная лодка; она украшена цветами лотоса, и у нее голова ястреба-перепелятника (сокола) — символ восходящего солнца (см. рис. 240). Каждому почти египетскому богу придавали таким образом формы, и каждому из них посвящено было таким образом какое-нибудь животное.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Определить жанр книги, лежащей сейчас перед нами, довольно непросто. Мы не встретим в ней привычного развернутого изложения знакомых с детства преданий о богах и героях, изобилующего художественными подробностями. Самые захватывающие сюжеты переданы предельно лаконично, информативно и сдержанно. Какую же цель преследовал автор, создавая свое произведение? И в чем секрет неизменной популярности книги уже на протяжении более чем столетия с момента ее выхода в свет?

Разгадка, возможно, кроется в том, что личность автора книги не менее примечательна, чем ее стиль, метод и содержание. Рене Жозеф Менар (1827—1887) был выходцем из известной парижской семьи, давшей немало ярких, одаренных личностей. В частности, его брат, писатель Луи Менар (1822—1901), славился как специалист по истории античной философии. Его авторству принадлежит труд, посвященный языческому мистицизму и опубликованный в 1876 году. Теофиль Готье называл его афинянином, опоздавшим родиться больше чем на две тысячи лет. Сам Рене Жозеф, в молодые годы учившийся живописи у К. Труайона, Ж. Дюпре и Т. Руссо, был неплохим пейзажистом, но еще лучшим знатоком классического искусства. (Стоит заметить, что и сын его, Мари Огюст Эмиль Рене Менар, также был живописцем, связанным, очевидно, не без содействия отца, с художниками Барбизонской школы). Наиболее известный как писатель и критик,

Р. Ж. Менар возглавлял выходившую в Париже «Газету изящных искусств». Статьи его появлялись также в «Философском ежегоднике» и других периодических изданиях, связанных с художественной жизнью Франции середины XIX столетия. В соавторстве со своим братом им были написаны «Исторический обзор изящных искусств», «Музей живописи и скульптуры», «Об античной и современной скульптуре», а также — уже самостоятельно — «История изящных искусств» в двух частях — «Искусство античности» и «Искусство средних веков».

На русский язык, однако, был переведен единственный из всех трудов Менара — «Мифы в искусстве старом и новом». Перевод был опубликован в Петербурге в 1900 году при содействии редакции «Нового журнала иностранной литературы».

Западноевропейское искусство, начиная с эпохи Возрождения, явственно связано с античной традицией (не только и не столько изобразительной, сколько повествовательной). Нелепо было бы усматривать полный и сознательный разрыв с нею в почти тысячелетнем средневековом искусстве, но в нем эта преемственность ощущается как нечто глубоко сокрытое, не лежащее на сюжетной и изобразительной поверхности, требующее пристального взгляда и определенных познаний. Начиная же с мастеров итальянского Кватроченто (период Раннего Возрождения в Италии — *ред.*), провозгласивших своей целью «возрождение прекрасной античности» из забвения, сюжеты и персонажи древнегреческой мифологии и римских преданий населяют полотна представителей всех художественных школ Европы. Уже в XVI столетии живой интерес к наследию древних Греции и Рима выплескивается за пределы Апеннинского полуострова и охватывает Францию, Фландрию, Германию, повсюду обретая специфические черты, связанные не только с местной научной и художественной традицией, но и с политической обстановкой.

Восприятие античной культуры во Франции на момент создание Р. Менаром своего труда имело долгую традицию. Еще в XVII веке интерпретация наследия древности приняла в этой стране форму классицистического канона. Античность, прибегая к словам древнегреческого философа Протагора, стала в искусстве «мерой всех вещей». От мастера и от произведения требуются возвышенность темы, преобладание долга и рассудка над чувствами в поступках героев, уравновешенность композиции, четкость, завершенность и даже статичность линий и форм. Сюжет, заимствованный из сочинения древнего автора (преимущественно римского) — исторический или мифологический — становится идеальным посылом для этой художественной системы. Не последнюю роль в ее становлении сыграли невиданный дотоле подъем французского государства в первой половине XVII столетия и последовавший расцвет французского абсолютизма при Людовике XIV, «Короле-солнце». История древнего республиканского Рима предоставляла богатую почву для апеллаций к гражданской доблести и общественным ценностям. Чтобы ясно и живо представить себе ту новую жизнь, которую вдохнул в античную мифологию французский классицизм, достаточно вспомнить полотна его родоначальника Николя Пуссена — такие, как «Великодушные Сципиона», «Смерть Германика», «Царство Флоры», «И я был в Аркадии», «Пейзаж с Полифемом» и многие другие.

Но так называемый «революционный классицизм» довольно скоро, еще до прихода к власти Наполеона, перерождается в направление неоклассицизма, получившее название «ампир». Художники-неоклассицисты конца XVIII — начала XIX века снова ищут опору и вдохновение в классической античности. Во времена политических смут именно античность вновь воспринимается как источник незыблемых, не подверженных разрушению временем истин. Однако, разумеется, неоклассицисты интерпретиру-

ют ее по-своему, и столь же своеобразно пытаются изучать ее. В их восприятии некогда живая ткань греческих и римских сюжетов превращается в набор строго определенных мотивов. Каждый сюжет и персонаж должен иметь свои атрибуты, чтобы быть узнаваемым и нести конкретную символическую «нагрузку». В первой половине XIX столетия неоклассицизм переходит в жанр салонной живописи, теснимый на сей раз тенденциями романтизма, а к середине века — и реализма барбизонцев.

В этом контексте чрезвычайно интересно следующее: все учителя Р. Менара-живописца — Теодор Руссо, Констан Труайон, Жюль Дюпре, — принадлежат к Барбизонской школе, были первыми во Франции представителями зарождающегося реализма в жанре пейзажа. Очевидно, что как художник-пейзажист Р. Менар тяготел именно к барбизонским принципам. Но в своей монографии о классической мифологии и искусстве он предстает перед нами образцовым последователем неоклассицизма. Он строит свое изложение классических мифов по строго последовательному принципу — от персонажа к персонажу. В каждой главе автор кратко излагает основные сюжеты, связанные с конкретным божеством или героем (по существу — обозначает контекст, в котором можно встретить данного героя на полотне), тщательно перечисляет его внешние атрибуты и «иконографические типы», сообщая, наконец, о наиболее ярких с его точки зрения воплощениях данного героя в искусстве древнего или нового времени. Ему, в отличие от многих позднейших интерпретаторов и исследователей мифов, совершенно не интересны источники преданий — в его тексте практически не встречаются ссылки на древних авторов, сохранивших для нас (как справедливости ради стоит вспомнить) все богатство греко-римской мифологии.

Труд Менара особенно интересен именно благодаря художественному взгляду его автора на мифы — взгляду

с позиций именно неоклассицизма. Автор исследует отдельно натуру, отдельно — человека, отдельно — атрибуты, его сопровождающие. Менар — типичный академист, но при этом не вызывает сомнений то, что тщательно описываемая им художественно-мифологическая «реальность» для него в самом деле реальна. Она окружает его как естественная часть современной ему жизни. Чтение его книги оставляет впечатление, забытое нами где-то в глубоком детстве — ощущение от прогулок по музею как по иной, волшебной, фантасмагорической реальности, выходить из которой в обыденный мир, на улицу — странно, и не сразу удается вновь освоиться в мире привычных вещей.

Есть еще одна черта, выделяющая книгу Р. Менара из ряда многочисленных переложений и обзоров мифологической традиции. Речь идет о включении в нее главы, посвященной древнеегипетской мифологии. Она завершает труд Менара и явно носит дополняющий характер. В ней место находят иконография одиннадцати божеств, самое общее изложение египетской космогонии и особенностей заупокойного культа. И все же само по себе объединение под одной обложкой двух столь разных по происхождению мифологических традиций как греко-римская и египетская — нетипично. Чтобы объяснить причину появления такого раздела, необходимо вспомнить, что научная египтология возникла именно во Франции времени жизни Р. Менара. Собственно говоря, до начала XIX века этой науки вовсе не существовало: древнеегипетский материал был недоступен ученым главным образом вследствие полного забвения древнеегипетского языка и письменности. Политическая ситуация также осложняла для европейцев знакомство с египетскими памятниками. Интерес к искусству Древнего Египта вспыхнул после завоевательной экспедиции Наполеона Бонапарта 1798 года. Однако интерес этот был сугубо визуально-описательным. Невозможность прочесть иероглифические надписи, со-

проводившие изображения, практически сводила к нулю попытки их интерпретации. Рене Менар родился спустя пять лет после того, как в 1822 году его соотечественник, молодой исследователь Жан Франсуа Шампольон впервые дешифровал значительную часть знаков древнеегипетского письма и составил первую грамматику и словарь древнеегипетского языка.

Внимание, которая снискала в те годы заново открытая культура долины Нила, трудно переоценить. В Египте производятся масштабные раскопки, сбор надписей и памятников материальной культуры, на основе которых выпускаются новые научные издания, проводятся выставки, собирающие толпы людей. В новой области исторической науки на протяжении второй половины XIX века интенсивно работают немецкие и английские ученые, но в авангарде по-прежнему стоят французы. В этот период окончательная дешифровка письменности раздвинула горизонты представлений о древнеегипетской истории и религии до еще недавно невообразимой дали. И тогда становится понятно, что место, отведенное Р. Менаром описанию иконографии богов древнеегипетского пантеона, объясняется именно развитием науки о древностях, а не неразборчивостью автора. Скромное на взгляд современного читателя, в 70-е годы XIX века оно означало возможность познакомиться с новейшими достижениями современной науки.

* * *

Рене Менар, как многие историки второй половины XIX века, склонен к модернизаторству, то есть подчас с легкостью переносит реалии современного ему общества на глубокую древность. В частности, он непринужденно говорит о «зарождении промышленности» в крито-микенскую эпоху, т. е. во второй половине II тысячелетия до н. э. Вообще, современное научное антиковедение зачастую беспощадно к ошибкам старых авторов, не имевших

в своем распоряжении ни современных методов исследования, ни значительно расширенной в XX веке благодаря археологическим, этнографическим, лингвистическим открытиям источниковой базы. Не исключение — и Рене Менар, называющий римского Януса — древнейшего солнечного бога, демиурга (творца) и покровителя всякого перехода — богом войны. Но никакие мелкие неточности не могут лишить книгу Р. Менара ее главных достоинств: это — дар человека, хранящего наследство (именно так — не наследие!) людей, давно живущих лишь на бумаге и в камне, как живую жизнь.

А. Н. Грешных

СОДЕРЖАНИЕ

Детство богов	7
Юпитер (Зевс)	19
Юнона (Гера)	27
Судьба, или Рок	35
Сон и Смерть	43
Ад (Тартар)	52
Совесьть	58
Нептун (Посейдон) и его свита	69
Полифем и Галатея	73
Реки	75
Нимфы	78
Мореплавание	82
Церера (Деметра)	93
Аполлон	104
Треножник Аполлона	108
Лира (кифара) Аполлона	115
Музы	119
Орфей	124
Стрелы Аполлона	126
Аполлон и Эскулап	129
Гелиос, или Солнце	133
Диана (Артемида), сестра Аполлона	138
Кастор и Поллукс (Диоскуры)	145
Вулкан, или Гефест	148
Прометей	153
Дедал	160
Минерва, или Афина Паллада	164
Горгоны и Персей	173
Марс, или Арес	180
Венера, или Афродита	184
Адонис и грации	191
Амур, или Эрот, или Купидон	196